
Я СВЯЗЬ
МИРОВ

Я связь миров

В. К. Тредиаковский
М. В. Ломоносов
И. С. Барков
А. А. Ржевский
И. И. Хемницер
Н. П. Николев
А. И. Клушин
Г. Р. Державин
Ю. А. Нелединский-Мелецкий
А. Ф. Мерзляков
Д. В. Давыдов
В. А. Жуковский
Д. В. Дашков
В. С. Филимонов
В. Н. Олин
В. И. Козлов
С. Д. Нечаев
Б. М. Федоров
А. А. Крылов
А. С. Норов
С. Е. Раич
К. Н. Батюшков
Ф. Н. Глинка
П. А. Вяземский
П. А. Катенин
В. Ф. Раевский
М. А. Дмитриев
В. К. Кюхельбекер
А. А. Шишков
А. С. Пушкин
Е. П. Зайцевский
Е. Ф. Розен
В. И. Туманский
Е. А. Баратынский
А. И. Одоевский
Ф. И. Тютчев
А. И. Полежаев

А. Ф. Вельтман
Л. А. Якубович
Д. П. Ознобишин
М. П. Загорский
Д. В. Веневитинов
В. Г. Тепляков
Д. Ю. Трилунный
А. Н. Муравьев
А. И. Подолинский
В. С. Печерин
А. С. Хомяков
С. П. Шевырев
К. К. Павлова
Н. М. Языков
В. И. Соколовский
А. В. Кольцов
К. А. Бахтурин
Н. В. Кукольник
Е. Бернет
М. Д. Деларю
Е. П. Ростопчина
А. В. Тимофеев
Н. П. Огарев
А. П. Баласогло
М. Ю. Лермонтов
Н. М. Сатин
Н. С. Теплова
С. Ф. Дуров
А. К. Толстой
Я. П. Полонский
А. А. Фет
Н. А. Некрасов
А. Н. Майков
А. М. Жемчужников
Н. Ф. Щербина
А. А. Григорьев
А. И. Пальм

Д. Д. Ахшарумов
Л. А. Мей
И. С. Аксаков
П. Л. Лавров
И. С. Никитин
А. Н. Плещеев
В. С. Курочкин
К. К. Случевский
Л. Н. Трефолев
А. Н. Апухтин
И. З. Суриков
С. А. Григорьев
С. Я. Дерунов
Д. Е. Жаров
С. Д. Дрожжин
А. Е. Разоренов
И. Д. Родионов
П. Н. Ткачев
И. Ф. Анненский
Н. М. Минский
С. Я. Надсон
К. Льдов
В. С. Соловьев
К. М. Фофанов
Д. С. Мережковский
К. Д. Бальмонт
М. А. Лохвицкая
И. А. Бунин
В. Я. Брюсов
М. А. Волошин
А. А. Блок
О. Э. Мандельштам
Н. С. Гумилев
В. В. Маяковский
М. И. Цветаева
С. А. Есенин
Н. А. Заболоцкий
А. Л. Чижевский

Я СВЯЗЬ МИРОВ

Философская лирика русских поэтов XVIII — начала XX веков

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1989

84 Р
Я 11

Составление, вступительная статья и комментарии
В. М. Фалеева

Я $\frac{4702010000-1923}{080(02)-89}$ 1923—89

© Издательство «Правда», 1989.
Составление.
Вступительная статья.
Комментарии

К ЧИТАТЕЛЮ

I

Перед вами книга русской философской лирики за двести с лишним лет. Это не научные трактаты в стихах, а своеобразная хрестоматия поэтической мысли, история подвига пророческого слова. Стихи мы читаем для того, чтобы получить эстетическое наслаждение. Но призвание поэта — не только изобретение метафор для удовлетворения вкусов публики и личного заработка (хотя и такое бывало!); многие русские поэты — национальные герои, для них поэзия — избранничество!

«Пусть не все понимают, пусть не все сразу понимают, достаточно того, что причину этого непонимания ищут в себе, а не в писателе». «Почему, Владимир Владимирович,— вопрос рабочих Маяковскому,— когда вы читаете, мы все понимаем, а когда сами...» «Учитесь читать, ребята, учитесь читать...» «Россия — страна, где впервые учатся читать поэтов, которые — сколько бы этого ни утверждали — не есть соловьи»,— написала Марина Цветаева.

Поэты — не соловьи!

«Я сладко усыплен моим воображеньем. И пробуждается поэзия во мне: Душа стесняется лирическим волненьем, Трепещет и звучит, и ищет, как во сне, Излиться наконец свободным проявленьем» (Пушкин). Так рождается поэзия. И цели она выбирает высокие: «С тех пор как вечный судия мне дал всеведенье пророка» (Лермонтов); «Вперед! без страха и сомненья...» (Плещеев); «Забудь про деньги ты, Забудь про все. Какая гибель?! Ты ли это, ты ли? Ведь не корова я, не лошадь, не осел, чтобы меня из стойла выводили!» (Есенин).

Поэты — не соловьи! Впрочем, если нет «соловьиного голоса», то не может быть и поэтической мысли. Судьбы русских поэтов сложны, драматичны: А. Н. Радищев, автор оды «Вольность» и «Путешествия из Петербурга в Москву», был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь; К. Ф. Рылеев — один из организаторов восстания декабристов 14 декабря 1825 года — был казнен; А. Н. Плещеев в числе других

участников кружка петрашевцев приговорен к смертной казни, замененной ссылкой рядовым солдатом в Оренбург...

Поэтов отправляли на каторгу, уничтожали нищетой, держали в тюрьмах... Ради каких же идеалов совершали они свой бесконечный подвиг?

Они выражали не только свои убеждения, но и настроение народа. Предлагаемый вниманию читателей сборник представляет не столько мировоззренческую лирику каждого поэта, сколько философско-художественные темы: макрокосмос (Человек во Вселенной) и микрокосмос (Вселенная в Человеке), а также исповедальную лирику.

Русская поэзия вобрала в себя и художественно воплотила все главные философские системы, которые разрабатывались в Европе и в России. Но самое интересное, быть может, в том, что русская лирика восприняла две главенствующие философские системы — орфизм и олимпийскую — непосредственно из Древней Греции и Рима, проведя их через столетия до наших дней.

...В 1453 году огромная — 200 тысяч человек! — турецкая армия под предводительством султана Мехмеда II Завоевателя осадила Константинополь; греки оказали героическое сопротивление, но их войско, всего 14 тысяч защитников, не могло противостоять туркам. 29 мая город был взят приступом, защитники перебиты, труп императора Константина XI был найден и опознан по пурпурным сапогам с двуглавыми орлами. Византия пала.

Эмигранты из Византии увезли в Италию много книг античных авторов, в том числе «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, поэмы Гесиода, трагедии Эсхила, фрагменты поэм легендарного фракийского певца Орфея... Сбереженные в Византии культурные ценности Древней Греции и Рима попали в христианский мир и дали толчок расцвету науки, искусства, эпохе Возрождения античной культуры, развитию промышленности и торговли.

Племянница последнего византийского императора Софья (Зоя) Палеолог в ноябре 1472 года прибыла в Москву из Италии и стала женой русского царя Ивана III. Есть свидетельства Максима Грека, что она взяла с собой большую библиотеку.

И хотя мы не знаем точно, какие именно книги, привезенные из Рима, положили начало брожению умов в Москве, но во влиянии этих книг на русских читателей нельзя усомниться. Именно в период правления Ивана III на Руси вспыхнуло еретичество. Просвещенные люди Москвы и Новгорода засомневались в христианском триедином боге, во всеобщей мировой три-

адности, и сам царь прислушивался к их ученым суждениям. После смерти Ивана III церковь расправилась с еретиками; в декабре 1504 года в клетках на льду Москвы-реки были сожжены первые русские просветители — дипломат Иван-Волк Курицын, Дмитрий Коноплев, Иван Максимов, других жестоко наказали.

Само упоминание языческой олимпийской теории, той, что существовала в Древней Греции и в Риме до принятия христианства, той, что изложена в «Илиаде» и «Одиссее», было запрещено под страхом смерти. Однако же тяга к мудрости древних была так велика, что царь Иван Грозный в переписке с Андреем Курбским, князем, военачальником, бежавшим из Москвы в польскую Ливонию, не может обойтись без ругани о пагубном влиянии языческого учения на нравственность православных.

Переписка двух князей ныне доступна любому читателю («Наука», 1981). Мы обратим внимание на то, что оба князя, Иван IV и Андрей Курбский, казалось бы, клянутся в своей преданности христианской Троице, то есть триединому богу — богу Отцу, богу Сыну и богу Духу. Но тем не менее Иван все время доказывает своему оппоненту, что, дескать, он, царь, лучше образован и покрепче понимает Гомера и его учение. Вот, например, что пишет Грозный Курбскому: «...те, кого ты называешь сильными, воеводами и мучениками, и что они поистине, вопреки твоим словам, подобны Антенору и Энею, предателям троянским».

А кто такой А н т е н о р троянский? Да один из вождей троянских, который согласно древним легендам во время штурма греческим войском крепости Троя был ее защитником, но после падения города греки пощадили его. Э н е й — второй троянский герой, защитник Трои, родственник царя; после захвата и разрушения города стал вождем остатков троянского народа, а позже, как утверждают легенды, увел свой народ в Италию и основал Рим. Царь Иван Грозный сравнивает князя Курбского, бежавшего из Москвы в Ливонию, с троянскими «предателями», а сам себя — как бы с царем Трои.

Где же начитался русский царь «Илиады» и «Одиссеи»? Откуда узнал он древнегреческие легенды и мифы о троянской войне, случившейся в XII в. до н. э.? Из книг, которые были в его библиотеке! Самое же удивительное другое. Царь Иван Грозный показывает своему противнику, что он превосходно осведомлен в античной философии, хотя, конечно, категорически ее не принимает! Вот что он пишет: «И если кто из них какою страстью был одержим, то по этому пороку и бога себе избирал, в которого и веровал: Геракла — как бога блуда, Крона — не-

нависти и вражды, Арея — ярости и убийства, Диониса — музыки и плясок, и другие по порокам своим почитались за богов. Им ты и уподобился своими стремлениями...»

К этой цитате мы еще вернемся, ибо в ней точно изложены принципы Гомера по созданию научной модели Человека. Проникшая на Русь олимпийская теория встревожила церковь. Знаменитый борец с инакомыслием монах Иосиф Волоцкий еще в 1511 году писал царю Василию III, что от еретических учений может погибнуть все православное христианство, поэтому призывал казнить и наказывать вероотступников.

Олимпийское учение не дало больших всходов на русской почве до времен Петра I, впрочем, некоторые историки полагают, что эпоха Ивана Грозного — это русский ренессанс. Но изучать, пропагандировать и развивать олимпийское учение в России начали только с реформами Петра I.

В 1714 году, после спуска на воду построенного военного корабля, Петр I в речи между прочим отметил: «Историки доказывают, что первый и начальный наук престол был в Греции, откуда, по несчастию, принуждены были они убежать и скрыться в Италии, а по малом времени рассеялись уже по всей Европе; но нерадение наших предков им воспрепятствовало и далее Польши пройти их не допустило. Я не хочу изобразить другим каким-либо лучшим образом сего наук прехождения, как токмо циркуляциею или обращением крови по человеческом теле; да и кажется, я чувствую некоторое по сердце моем предуведение, что оные науки убегут когда-нибудь из Англии, Франции и Германии и перейдут для обитания между нами на многие века, а потом уже возвратятся в Грецию на прежнее свое жилище».

Эта речь была очень популярна в XVIII веке, ее цитировали историки XIX века.

Указом от 28 января (8 февраля) 1724 года Петр I учредил Академию наук. В эту же эпоху и русская поэзия, освобождаясь от пут богословия, сближается с наукой. Появились переводчики с европейских языков, с древнегреческого и латинского, началось увлечение античностью, наступила эпоха Просвещения, эпоха Возрождения.

II

Что же это за олимпийское учение? Да наука о богах! Кто ныне не знает хотя бы десяток имен древнегреческих и древнеримских богов? Ну, например, Гея (земля), Гелиос (солнце), Селена (луна), названия планет солнечной системы — Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Уран, Нептун, Сатурн, Плутон... Названия месяцев года напоминают нам об именах римских богов:

Янус — январь, Майя — май, Юнона — июнь... Благодаря именам богов мы имеем научные термины — геология, география, геометрия, гелиобиология, селенология... Названиями мифологических существ переполнена русская поэзия. Но почему мифологических? Только потому, что имена богов пришли к нам в мифах — устных художественных сказаниях. Каждое имя бога — это научный термин, обозначающий вполне реальную планету или геологический период, или какой-либо орган нашего организма, функцию его. Да, каждое имя бога — научная категория! Вот в чем «тайна» олимпийской науки, занесенной к нам в Россию еще при Иване III, но разрешенной к пропаганде и изучению только в эпоху Петра I.

Потому-то церковь и противилась допускать в литературу древних языческих богов!

Олимпийское учение, изложенное в «Илиаде» и «Одиссее», в «Теогонии» Гесиода, а также во множестве других поэм, стихов античных поэтов, представляло собою научное мировоззрение о развитии Вселенной и о возникновении человека на земном шаре. С занесением этого учения в Россию связывалось просвещение людей, в первую очередь — приобщение к знаниям в школах. Потребовались педагоги, профессора, поэты и писатели. Сразу отметим, что разные учения в Древней Греции и Риме тоже боролись между собою, поэтому эпоха Возрождения в Европе и в России связана с изучением сразу двух древних научных систем — орфизма и гомеризма, очень враждебных друг другу.

В разработке теории возникновения Вселенной учение Орфея и учение Гомера во многом сходны. Обе системы признают, что когда-то Земли не было, но однажды возник хаос (учение Гомера) или «серебряное яйцо» (учение Орфея) [1]; из хаоса в результате длительных преобразований, превращений за пять периодов (тогда считали так) развития и возникла вся природа, то есть на земном шаре появились воздух, вода, земные недра; в центре земного шара образовалось ядро — эреб, затем второй слой — тартар, потом третий слой — аид, наконец, четвертый слой — Деметра, а на этом почвенном слое зародилась растительность — Персефона.

За столетия, прошедшие со времен Гомера, астрономы и философы накопили много разных научных данных о строении земли, воздуха, неба, но эволюционная система древних мудрецов до сих пор не отвергнута наукой, а только совершенствуется, обогащается и уточняется. Русский поэт Василий Тредиаковский,

---

[1] См.: Орфизм — «Философский энциклопедический словарь». М., 1983.

получивший образование в Париже, написал поэму «Феоптия», в которой, подражая античным авторам, попытался выразить мысли своего времени о мироздании, все научные знания о Земле — общечеловеческом доме, о животных и растительности. «В нынешние времена повсюду стихи, по большей части, употребляются токмо или на пустые игралища, или на другие мирские сочинения, возбуждающие страсти,— писал он,— поэзия у древних была общею философиею и теологиею».

В поэме Тредиаковский рассказал о множественности миров, о которых писал и Коперник.

Небесных мы светил в числе луну зрим ближе,
Ходящу за Землей, стоящу прочих ниже,
Как силою сия отъемлет свет луна
У солнца, чтоб тот в нощь нам подала она.

Священный Синод нашел в поэме Тредиаковского места, «противные» «священному писанию», и она не была издана (напечатана только в советское время).

Узнав, что Синод, борясь с «материализмом» и «безбожием», запретил публиковать поэму английского просветителя А. Попа «Опыт о человеке», Михайло Ломоносов ответил язвительной сатирой «Гимн бороде» (1757), пожалуй, самым злым антицерковным выкриком русской поэзии XVIII века.

Если правда, что планеты
Нашему подобны светы,
Конче в оных мудрецы
И всех пуще там жрецы
Уверяют бородою,
Что нас нет здесь головою,
Скажет кто: мы вправды тут,
В срубе там того сожгут.

Ломоносов знал, как сжигали еретиков в «срубе» (в деревянной клетке)! «Гимн бороде» встревожил Синод. 6 марта 1757 года оттуда было подано на имя императрицы Елизаветы донесение, чтобы «таковые соблазнительные и ругательные пасквили истребить и публично сжечь», автора же для «увещевания и исправления» передать духовным властям. Церковь могла заточить Ломоносова в монастырь! Царица не согласилась с предложением церковников.

С развитием русской философской лирики поэты обращаются к раздумьям об устройстве Вселенной, об эволюции мироздания, бросая мысль в глубь Земли, осмысливая прошлое, настоящее и будущее нашей планеты. Кто не знает стихотворения А. С. Пуш-

кина «Прозерпина» (1824)?! Но далеко не всякий растолкует суть динамичной картины.

Плещут волны Флегетона,
Своды тартара дрожат,
Кони бледного Плутона
Быстро к нимфам Геликона
Из аида бога мчат.

Почему «своды тартара дрожат»? Что такое аид? За ответом можно бы обратиться к мифологическому словарю... Пушкин воспользовался мифологией, разработанной античными мудрецами во времена Гомера, и написал великолепное стихотворение о Прозерпине-Персефоне... Древние философы не имели письменности, они вынуждены были излагать свои учения в мифах — ярких метафорных произведениях, которые легко заучивались. Все научные категории олицетворялись. Не просто аид — подземелье, а Аид — бог, второе название его — Плутон. И если к этому добавить, что древний миф рассказывает о том, как Аид похитил у матери Деметры ее дочь Персефону, женился на ней, о том, как богиня земледелия Деметра в отчаянии перестала посылать урожай, и людям уже грозила голодная смерть, как верховный бог Зевс приказал вернуть Персефону матери, но Аид сопротивлялся этому, потому что она стала его супругой, и разрешил Персефоне только часть года быть на поверхности, а другую проводить с ним вместе, в подземном царстве, то мы поймем и все стихотворение А. С. Пушкина.

Русская поэзия не только воспроизводила древние античные мифы о мироздании и об эволюции Земли, но и отстаивала учение Джордано Бруно о множестве населенных миров. Например, М. В. Ломоносов в «Вечернем размышлении...» пишет: «Уста премудрых нам гласят: Там разных множество светов; Несчетны солнца там горят, Народы там и круг веков...» А как известно, Джордано Бруно был за свои гипотезы сожжен в Риме в 1600 году. И нам понятен отклик Державина: «Я связь миров повсюду сущих...» («Бог», 1784); и мы, читая стихотворение «Джордано Бруно» И. Бунина, участвуем в перекличке поэтов разных веков...

Русские поэты, считая себя просветителями, многократно обращались к теме мироздания, к научным представлениям и гипотезам о развитии Вселенной и устройстве ее. Поэт Н. Ф. Щербина ядовито шутил: «Я звезды свои разлюбил, Считая их просто мирами — подобием нашей Земли, Когда меж землей и звездами Все те ж мы законы нашли... Там верно, есть Глинка Авдотья, Стиховный творящая блуд,— И все эти жизни лох-

мотья, Что в нравственной тине гниют» («Астрономическая проблема», 1856).

Отвечая Державину о «связи времен», Валерий Брюсов написал: «Ждем дня — Корабль в простор планетный бросить, Миры в связь мира единя!» («Машины», 1924), предвосхищая космические полеты второй половины XX века.

Лирика замечательна уже тем, что она не только быстро откликается на какие-либо события, но и способна самые сложные проблемы выразить ярко и эмоционально. Из откровений Иоанна Богослова пришло в поэзию ощущение страха перед мировой катастрофой, но затем этот страх возникает в поэзии перед непонятными космическими процессами, иногда перед неразумными научными экспериментами людей... «Найдет светило на светило. И сокрушительной грозой Небесны огласятся своды. И море смерти и огня Прольется в жилы всей природы; Не станет мира и меня...» (Степан Шевырев, «Сон», 1827). На эту же волну, не отдавая себе отчета в причине предчувствия катастрофы, настроен Баратынский: «И, наконец, я видел без покрова Последнюю судьбу всего живова» («Последняя смерть», 1827).

И у Александра Блока прорывается страх перед катастрофой: «Все диким страхом смятено. Столпились в кучу люди, звери. И тщетно замыкают двери Досель смотревшие в окно» («Экклесиаст», 1902).

Кажется странным, непонятным, когда вдруг встречаешь в стихах Сергея Есенина элементы орфического учения о происхождении Земли: «...Кто-то вывел гуся из яйца звезды — Светлого Исуса Проклевать следы» («Инония», 1918). Да, именно из учения орфиков попала к русскому поэту XX века идея о зарождении Земли из «яйца звезды».

Космогонический и космологический мир русской лирики многообразен, многопланов. Важно обратить внимание, что поэты, восприняв античную традицию, стремились выражать смелые научные гипотезы и идеи. Знаменитый советский ученый, основоположник гелиобиологии и космической биологии Александр Леонидович Чижевский всю жизнь, даже когда судьба была с ним несправедлива, обращался к теме влияния космических событий на жизнь нашей планеты и на людские судьбы.

И вновь и вновь взошли на Солнце пятна,
И омрачились трезвые умы,
И пал престол, и были неотвратны
Голодный мор и ужасы чумы.

«Галилей», 1921.

III

Откуда произошел человек? Когда он появился на Земле? Как устроен наш организм? Можно ли его изучать и познать? Способен ли сам человек предвидеть свое будущее? Возможна ли такая наука, которая могла бы предсказывать завтрашний день? Возможно ли планировать грядущее и не ошибаться?

Олимпийская теория учит: «Познай самого себя». Второе древнее учение — орфизм — наставляет: «Смиряй себя».

Смирять себя или познавать? Вот один из сложнейших мировых вопросов, которые актуальны и ныне, в эпоху генной инженерии, манипуляций с генетическим кодом человека.

Русская наука и поэзия, восприняв из античной и европейской литературы оба эти учения Древней Греции и Рима, по-своему пропагандировали, интерпретировали и использовали их в художественных, нравственных и политических целях.

Модель человека по Орфею — это двуединство развивающейся женской оплодотворенной яйцеклетки, которая состоит из души (генетического кода) и тела. Душа — бесплотна, а тело — материально: чистая душа как бы огонь в материальной оболочке или огонь в сосуде. Последователи орфизма разыграли множество вариантов из модели Орфея: душа — непорочна, а тело — порочно, душа — чиста, а тело — зло, поэтому предлагалось бороться в себе со злом, подавлять зло, самоустраняться от зла, примиряться с ним, смиряться и следовать за ним...

Все эти варианты встречаются в русской философии и поэзии.

Модель человека по Гомеру — это вечный Олимп (оплодотворенная женская яйцеклетка), состоящая из двенадцати Главных богов-кодов и их детей. Боги-коды — это догадка о хромосомах-кодах, которые программируют развитие организма, его органов, функций нашего организма, управляют поведением каждого человека и целыми народами. По Гомеру, человек многофункционален, его поведение многовариантно, малопредсказуемо, поэтому для организации людей необходимо создать государственный аппарат управления, армию, ремесла, сельское хозяйство, науку, искусство, торговлю, гражданское и уголовное законодательство и т. д.

От того, какую философскую концепцию или вариант ее воспримет поэт или философ, зависят его убеждения, строй мыслей, иногда образ поведения и последующая судьба.

Православная русская церковь до Петра I запрещала изучать «бесовские» теории античности. Достаточно еще раз вспомнить переписку Ивана Грозного с Курбским, где он, возлагая молитву святой Троице — отцу и сыну и святому духу, про-

клинает не только безбожного Магомеда, «угасившего греческое могущество» Византии, но и всячески поносит античную философию как «эллинское суесловие», порицая эллинов за «языческие деяния, ибо за пороки свои они богами были признаны, за блуд и ярость, несдержанность и похотные желания».

Иван Грозный совершенно точно объясняет Гомера: «И если кто из них какою страстью был одержим, то по этому пороку и бога себе избирал»; «по порокам своим почитались за богов». Гомер каждую «страсть» именует «бессмертным богом», а христианские богословы (вслед за ними Иван IV) функции нашего организма объявили «пороками», запретными для изучения и поклонения.

Реформы Петра I позволили обучать молодых отроков в российских гимназиях (первая гимназия открыта в Петербурге в 1726 году) древнегреческому, латинскому, европейским языкам, и появилась возможность глубоко знакомиться с мировой литературой и наукой. Однако и в этих условиях, как мы уже показывали на примере с Тредиаковским и Ломоносовым, церковь вмешивалась в издания научных трудов и поэзии, цензура могла запретить любое стихотворение, заметив в нем несоответствие «священному писанию». Впрочем, античная литература в полном объеме противоречила писаниям «отцов церкви»!

И все-таки орфизм был предтечей христианской веры, его философское двуединство было исходным для создания христианской триады (Троицы). Именно орфики изобрели модель человека, состоящую из двух частей — души и тела. Именно это учение воспринял Пифагор, дополнив его концепцией о перевоплощении души, а затем ученики Пифагора передали эту теорию Сократу, он, в свою очередь, своему ученику Платону, тот — Аристотелю. И позже христианство, восприняв платонизм и аристотелизм, интерпретировало его по-своему, почитая Аристотеля как одного из великих мыслителей, хотя схема его, конечно же, примитивна.

Спор Гомера и Орфея, который продолжали многие поколения философов Древней Греции и Рима на протяжении веков, в эпоху Возрождения перешел в Европу, в XVIII веке был занесен в Россию, и русская поэзия не прекращает дискуссии до наших дней...

Впрочем, сначала церковь разрешала знакомить публику только с орфизмом. Уже в XVI веке в Европе получила широкое распространение легенда об Орфее и Эвридике. У просвещенных европейцев появилось желание возродить античную музыку. Во Флоренции, в домах знатных любителей искусства, собирались музыканты, поэты, ученые. 6 октября 1600 года в роскошном дворце в присутствии самого короля Генриха IV

было дано музыкальное представление. На сцене пастухи и пастушки, они поют о предстоящей свадьбе Орфея и Эвридики. Премьера «Эвридики» Якопо Пери положила начало триумфальному шествию учения орфиков по всей Европе.

Потом появились «Представления об Орфее» Полициано, «Орфей» Монтеверди, «Орфей» Росси, «Орфей» Глюка, «Орфей» Княжнина и Фомина в России, «Орфей и Эвридика» Гайдна, опера-буфф «Орфей в аду» Оффенбаха. Произведения на эту тему есть у Листа, Баха, Стравинского, японского композитора Акутагавы, в русской поэзии к этой теме обращались сотни поэтов, в том числе Ломоносов и Марина Цветаева, Брюсов и Заболоцкий... Но интереснее другое. Орфическая философская концепция, близкая по своей основе христианству, вплелась в христианство и получила многочисленные литературные воплощения в виде поэтических вариаций на тему о Христе и Антихристе, Добре и Зле, Ангеле и Демоне, Мефистофеле и Фаусте, человеке и Люцифере, человеке и Сатане и т. д. и т. п.

Упрощенная модель человека как носителя «души» и «тела» («добра» и «зла», «белого» и «черного») дала великолепные художественные произведения мирового масштаба: «Фауст» Гете, «Потерянный рай» Мильтона, «Каин» Байрона, «Конец сатаны» Гюго, «Демон» Лермонтова, «Бесы» Достоевского, «Мелкий бес» Ф. Сологуба, «Черный человек» С. Есенина и т. д.

Орфическая литература многообразна, и границы ее почти необозримы, к тому же иногда она соединяется с христианскими легендами, даже с революционными идеями: тело — материально, душа — идеальна, материализм — хорошо, идеализм — плохо; или наоборот...

Для того чтобы познакомить читателя с художественным воплощением орфической идеи о двуединстве (о душе и теле), вспомним стихотворение Валерия Брюсова «Орфей и Эвридика»).

Легенда и философская аксиома орфизма Брюсовым воспроизведены великолепно и точно! А древний миф рассказывает, что фракийский певец, изобретатель музыки и стихосложения, умевший своим пением заставить склоняться растения, двигаться камни и замирать зверей, потерял жену. Ее укусила змея, и Эвридика попала в подземелье. Орфей призывает на помощь великую силу искусства, он умоляет подземных богов вернуть ему Эвридику. Искренняя песня трогает даже многоглавого пса Цербера, который сторожит выход из царства мертвых. Орфей получает разрешение увести жену на свет, но с условием, что он на обратном пути не оглянется на супругу. Нарушив запрет, Орфей навсегда теряет Эвридику.

Брюсов в стихотворении передал разговор Орфея с тенью-душой Эвридики. По философской модели, Эвридика — душа, а Орфей — тело. Это двуединство и есть аксиома философской системы. Тело — материально, оно состоит из органов, клеток, из элементов. А душа — генетический код, это не сами органы и клетки, а их порядок, расположение элементов. В оплодотворенной яйцеклетке, из которой развивается организм ребенка, записана вся программа и даже время жизни человека. Последователи Орфея — Пифагор, Филолай, Сократ, Платон, Аристотель, а затем и христианские богословы восприняли эту схему. Они добавили к двуединству еще третью ипостась — сознание. В 325 г. на Никейском соборе, затем в 381 г. на Константинопольском соборе христианские иерархи приняли «символ веры», который является главной аксиоматической молитвой всех христиан мира; он утверждает, что бог триедин (бог Отец — сознание, бог Сын — тело и бог Дух — душа); человек создан по образу и подобию бога, он тоже триедин. Была создана легенда о рождении Христа, сына бога, от Девы Марии; а когда Христос, пройдя человеческий путь, был распят, умер, то душа его вознеслась на небо. Так древняя орфико-пифагорейская легенда о бессмертной душе получила признание в христианстве.

Без уяснения этой традиции читателю будет нелегко понять орфическую поэзию, ее символику с «ангелами», «мефистофелями», с Врагами и друзьями, с Духами сомнения и Духами Зла, с нигилизмом, байронизмом и демонизмом. Проблемы жизни возникают не от философии, а сама философия пытается объяснить, изучить проблемы жизни и предсказать будущее. Но орфизм удобен для выражения как идей смирения, так и для возбуждения гнева недовольных людей; создавая Врага, он может назвать его Мировым Врагом, Мировым Бюрократом, Мировой буржуазией, Мировой властью, призывая либо к борьбе с ним, либо к христианскому смирению перед ним.

Мой демон страшен тем, что правду отрицая,
Он высшей правды ждет страстней, чем серафим,
Мой демон страшен тем, что, душу искушая,
Уму он кажется святым.

Н. Минский, «Мой демон». 1885

Не до песен, поэт, не до нежных певцов!
Ныне нужно отважных и грубых бойцов.
Род людской пополам разделился.
Закипела борьба — всякий строится в ряд,
В ком не умерло чувство священной вражды.

Н. Минский, «Поэт». 1887

Но русская философская лирика восприняла с не меньшим энтузиазмом и учение Гомера о реальных «страстях» человека. Наиболее глубоко и верно эту философскую модель выразил опять-таки Валерий Брюсов в стихотворении «Гимн богам».

Очевидно, что имена богов Олимпа — научные категории, одетые в метафорные платья; они обозначают двенадцать функций организма человека и двенадцать ведомств в государстве. Зевс — госаппарат управления, Гера — его супруга, оппозиция ему, соуправительница, они вдвоем выражают функцию власти; Посейдон — мореходство и рыболовство; Гад (Аид) — владыка полезных ископаемых; Афина Паллада — богиня науки и мудрости; Арес — бог армии и защиты; Деметра — богиня земледелия; Гестия — богиня жилищ людей; Афродита — богиня любви; Артемида — богиня охоты; Аполлон — бог эмоций и искусства (но вместе с музами!); Гефест — бог ремесел и художества; Гермес — бог торговли и дорог. «Я верую, с Зевсом начальным, в двенадцать бессмертных»,— говорит Брюсов; строка «что было, что есть и что будет» взята из «Илиады».

Олимп управляет этими Двенадцатью главными ведомствами и отраслями государства. Во времена Гомера полагали, что можно обойтись именно Двенадцатью ведомствами. Но позже Пантеон Олимпа был пополнен за счет детей, которые «родились» от двенадцати Главных олимпийцев. Так мудрецы практически дали имена почти всем 23-м парам хромосом! (Современные генетики этого еще не сделали, они только пронумеровали хромосомы.)

Какие же выводы можно сделать на основе олимпийской модели, воспроизведенной в стихотворении Брюсова? Выводов очень много. Остановимся на главных.

Представьте себе, что во время Троянской войны Ахиллес, преследуя Гектора, защитника Трои, убивает его и труп не позволяет похоронить. Если судить об этом факте по принципам орфизма, то есть по критериям «добра и зла», то мы ничего не поймем. Кто из двух героев более виновен? Гектор, защищающий родной город Трою, или Ахиллес, пришедший сюда со своей дружиной по призыву других царей, которые решили отомстить сыну троянского царя Парису, когда тот, приехав на корабле в Спарту, соблазнил и увез жену Менелая Елену?

Орфическая схема «добра и зла» никогда не приведет нас к пониманию причин троянской войны, поступков героев! Огромная панорама битвы, которую показывает Гомер в «Илиаде», открывает мельчайшие подробности жизни в лагере греков, а также и в крепости Троя, проливает свет на мотивы поступков каждого героя. Исследовать жизнь людей или не исследовать?

Вопрос актуален и в наше время. Всякий запрет на изучение причин преступлений, поступков, событий, войны или стихийных выступлений масс закрывает от науки «тайные механизмы».

Гомер, показав в «Илиаде» и «Одиссее», как Двенадцать главных «тайных сил» (богов-кодов) с Олимпа управляют поступками, мыслями, желаниями и эмоциями героев Троянской войны, армиями и целыми народами, открыл путь к изучению причин поведения людей, исследованию их функций. Он заложил науку, которая ныне разветвилась на анатомию, генетику, медицину, физиологию, психологию, педагогику, социальную психологию, юриспруденцию и т. д. На основе олимпийской модели было выработано римское гражданское и уголовное законодательство.

Исходная модель орфизма абстрактна: душа и тело. Это схематичный человек — без возраста, не сытый, не голодный, не больной, не здоровый, не одетый, не голый, без памяти, без мышления, без семьи, без родителей, без движения и без действия, без воображения и без истории... Тогда как модель, предложенная Гомером, воспроизводит Личность по многим параметрам: человек является организмом, характеризуемым тем, что он самоуправляемая система (Зевс + Гера), самомыслящая (Афина), имеющая органы размножения и деторождения (Афродита, Илифия), органы пищеварения (Дионис) и заготовки пищи (Персефона), способный охотиться на зверей (Артемида), самозащищаться (Арес), он может создавать искусство (Аполлон с музами), заниматься ремеслом (Гефест), торговать и путешествовать (Гермес), красиво одеваться (Хариты), ему необходимо жилище (Гестия), да к тому же он не может существовать без больниц и аптек (Асклепий), без законодательства и правосудия (Фемида), он имеет волю (Мойры), воображение (Геката)... И чем далее развивалась греческая и римская философия, тем полнее становился пантеон человеческих богов Олимпа.

В 451 и 450 г. до н. э. в Риме на основе философии о Двенадцати богах, заключенных в каждом человеке, было создано уложение, известное как Двенадцать Таблиц государственного и гражданского права. Коллегия из десяти мужей, избранная плебеями и патрициями, выработала эти Таблицы законов, которые записали на специальных досках и выставили на городской площади. На этих Двенадцати досках были изложены уголовные и гражданские права. Суды вершили правосудие, сообразуясь с этими законами.

Для того чтобы соблюдать законы, необходимы были соответствующие службы — судьи, полиция, защита. Естественно, что рабы, люди, не взятые под защиту законов, были недовольны этими Таблицами. Они проповедовали идеи орфизма, верили, что

все люди двуедины (а в христианстве триедины), что они равны, что они могут жить сознательной жизнью, уничтожив всякое законодательство, полицию, суды, армию, торговлю, науку, искусства, что культ Афродиты и муз — это культ «пороков», «порочных страстей», ибо, согласно орфико-христианским концепциям, люди могут укротить в себе «страсти тела», жить «духовной», сознательной жизнью, единой общечеловеческой общностью без войн и полиции.

Концепции о «двуединстве» и «триаде» так глубоко въелись в сознание рабов, что они верили даже в некое мировое диалектическое двуединство или в триадность Вселенной. И как ни удивительно, эта примитивная философия вошла в русскую поэзию и дала фейерверк великолепных (хотя и антинаучных) стихов и поэм.

Конечно, не всяким художественным сказаниям следует верить. Но многие орфико-христианские или орфико-байронические, орфико-нигилистические и иные стихи диктовались не столько умозрительными теориями, сколько были криком нищеты, бесправия и ужасных условий существования населения многонациональной Российской империи, глухотой властей к проблемам деревенского и городского жителя.

Что же положительного дало олимпийское учение русской поэзии?

IV

Увлечение русских поэтов богами Олимпа, начавшееся еще во времена Ломоносова, казалось бы, никак не могло повлиять на судьбы народной жизни, на земледельцев и ремесленников, на горняков и металлургов Урала или солдат русской армии.

Я вижу, государь, что разоренна Троя
Лишает и тебя веселья и покоя,—

говорит героиня драмы Ломоносова «Демофонт».

В России столетие читают стихи разных поэтов, которые рассказывают о Троянской войне, о судьбах греческих героев, о гибели защитников крепости.

Хвала отцу богов! Как ясный свод небес
Над царством высится плачевного Эреба,
Как радостный Олимп стоит превыше неба,—
Так выше всех богов властитель их, Зевес!
К. Батюшков, «Гезиод и Омир — соперники».
1816—1817.

Вроде бы такая поэзия могла только развлекать дворянских юношей и девушек, вроде бы увлечение греко-римскими богами — только на столетие затянувшаяся мода... Вот и А. С. Пушкин отдает дань этой великой «моде»! Его лирика заполнена мифическими существами; в его стихах можно встретиться и с Киприлой-Афродитой, и с Афиной, и с Зевсом, и даже с Орфеем... Начав как поэт-романтик, гений нашей поэзии скоро глубоко осознал то, что заключено в великом учении Гомера о богах-страстях!..

Наши вечные боги-коды — не пороки, это наши естественные функции! Церковники обманывают, утверждая, что мы способны подавить в себе реальные желания и потребности — есть, пить, любить, одеваться, развлекаться, самозащищаться и в случае конфликта — вызывать противника на дуэль или требовать его в суд... Все достойно поэзии! Каждый поворот мысли, каждое желание, даже **всякий** поступок...

И «порочные поступки» годны для стихов? Нет никаких пороков! Есть преступления, которые требуют следствия и судебного разбирательства, но и они не могут быть закрыты от внимания науки и лирики! И право поэта — все знать и говорить обо всем истину!

...Советники Зевеса,
Живете ль вы в небесной глубине,
Иль, божества всевышние всему
Причина вы по мненью мудрецов,
И следует торжественно за вами
Великий Зевс с супругой белоглавой
И мудрая богиня, дева силы,
Афинская Паллада,— вам хвала...

1929

Пушкин взялся переводить это стихотворение английского поэта Соути («Гимн пенатам»), но оставил, так и не закончив. Его сильно занимали олимпийские боги, философия Гомера; он во множестве стихов высмеивает христианскую Троицу, философскую триаду, потешается над богом-духом («птичкой»), который сошел на Деву Марию...

Превосходно зная олимпийскую теорию с ее моделью Олимпа, на котором восседает «олимпийская семья» (стихотворение «Рифма, звучная подруга...» 1828 года), не без влияния учения Гомера, отображавшего жизнь через призму философской символики, А. С. Пушкин, первоначально романтически воспринимавший действительность, перешел в творчестве к реализму,

выразив свое отношение к поэзии в знаменитом стихотворении «Поэт и толпа» (1828).

Чернь требует от Поэта:

Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы...

Толпа просит давать ей смелые уроки! На это Поэт отвечает:

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!

Отказываясь «сердца собратьев исправлять», А. С. Пушкин говорит, конечно, от имени Поэта.

Но и сам он в своей лирике поражает читателя признаниями: «Каков я прежде был, таков и ныне я: Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья, Могу ль на красоту взирать без умиленья, Без робкой нежности и тайного волненья. Уж мало ли любовь играла в жизни мной? Уж мало ль бился я, как ястреб молодой, В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой. А не исправленный стократною обидой, Я новым идолам несу мои мольбы...» (1828).

Как видим, сам поэт не может исправиться; где же ему давать уроки нравственности другим?!

Из принципа полной искренности вовсе не следует, что исповедальная лирика безнравственна, хотя и такое в ней бывает (есть ведь фривольные стихи у А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, да и «Исповедь хулигана» С. А. Есенина не нравоучение); важнее, что для откровенной поэзии нет границ. Это и ода «Вольность» (1817), и «Безверие» (1817), и «Воспоминание» (1828):

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

В письме к дяде В. Л. Пушкину (1816) Пушкин говорит:

Христос воскрес, питомец Феба!
Дай бог, чтоб милостию неба
Рассудок на Руси воскрес;
Он что-то, кажется, исчез.
Дай бог, чтобы во всей вселенной
Воскресли мир и тишина,
Чтоб в Академии почтенной
Воскресли члены ото сна...

И тема невежества в Академии наук не покидает Пушкина почти всю жизнь.

Возмущало поэта засилье невежд в Академии наук. Знаменитая его эпиграмма на председателя цензурного комитета М. А. Дондукова-Корсакова, ставшего вице-президентом Академии при покровительстве министра народного просвещения С. С. Уварова («В Академии наук Заседает князь Дундук. Говорят, не подобает Дундуку такая честь; Почему ж он заседает? Потому что ——————— есть».), не просто поэтический всплеск; «Дневники» поэта за февраль 1835 года свидетельствуют об убожеском состоянии общественных наук в Академии: «Шишков, который набил Академию попами, никак не хотел принять Павского в число членов за то, что он, зная еврейский язык, доказал какую-то нелепость в *корнях* президента. Митрополит на место Павского предлагал попа Кочетова, плута и сплетника...» «Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как возмутительном сочинении. Его клеврет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим цензурным комитетом. Он не соглашается, чтобы я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит. Кстати об Уварове: это большой негодяй и шарлатан».

Для Пушкина не Академия зло, а то, что в ней заседают шарлатаны со званиями академиков. Не государство зло, а то, как невежественно его министерства управляют народом! Для музы Пушкина все многообразие жизни — предмет поэзии, поэтому он обращается и к жизни деревни, и к жизни города, и к истории пугачевского бунта, и к «подражанию корану», и к идее демона, и к гетевскому Фаусту...

Эстетика «натуральной школы» (критический реализм Н. В. Гоголя и эстетика В. Г. Белинского) имела огромное влияние на русскую лирику. Поэзия Лермонтова уже почти освободилась от символов и образов античной мифологии, но он романтически воспринял литературные варианты орфизма — байронизм, демонизм. Однако гений Лермонтова, очень глубоко усво-

ивший двуединую модель орфизма (Ангел — Демон), успел вкусить и реализма в поэзии Пушкина и уже осознал силу художественных образов, рождаемых конкретной жизнью. Романтически-психологический реализм Лермонтова хотя и пронизан байронизмом и демонизмом, христианским триединством, но это — реализм! Философские искания поэта лежат не за пределами жизни, не являются абстрактными схемами, но порождены условиями личного опыта, русской действительностью и российской историей.

Поэзия — избранничество; будь ты орфиком или последователем Гомера (т. е. признающим законы и порядки государства), ты обязан говорить истину! Рано осознав в себе дар поэта, Лермонтов откликнулся на смерть А. С. Пушкина политически острым стихотворением, выразив возмущение интригами против поэта среди придворной аристократии, которые и привели к гибели Пушкина. За дерзость и вольнодумство Лермонтова и его друга С. А. Раевского, который участвовал в распространении стихотворения «Смерть Поэта», взяли под арест; затем Лермонтов был сослан в действующую армию на Кавказ. Поводом написания стихотворения явилась не философская концепция, а конкретное событие. Однако и орфические убеждения легко обнаруживаются не только в этом стихотворении, но и во всем творчестве М. Ю. Лермонтова.

Образ демона, воспринятый у Пушкина («Демон», 1824), первоначально оформился у Лермонтова в стихотворении «Мой демон» (1829); затем, в том же году, в первом наброске поэмы образ демона сливается с личностью автора («Я буду петь, пока поется, Пока волненья позабыл...»), с исканиями гражданского идеала. Он вписывает сюжет: «Демон узнает, что ангел любит одну смертную, демон узнает и обольщает ее, так что она покидает ангела, но скоро умирает и делается духом ада. Демон обольстил ее, рассказывая, что бог несправедлив и проч.».

И хотя демонизм лермонтовских героев, конечно же, является выражением философской схемы, литературным вариантом этой модели, заимствованной у Байрона или смоделированной самим, важно другое: демонизм обогащен конкретикой жизни. И поэма «Демон», и драма «Маскарад», и «Герой нашего времени» наполнены реалиями российской действительности.

Орфизм — этическое учение, претендующее на отмену всякого законодательства и социальных различий. Если в упорядоченном законами и государственными институтами обществе люди мирятся с наследственными, родовыми, социально-имущественными различиями, с системой рангов, титулов, с теми общественными и государственными ролями, которые играют на сцене

жизни личности, если в таком обществе соблюдают нормы нравственности, этикет, уважают национальные традиции, обычаи, веру и ценят индивидуальные таланты человека (основы учения о таком общежитии были заложены великим Гомером в «Илиаде», «Одиссее» и Гимнах), то орфизм со своей аксиоматической схемой (душа + тело) претендует на отмену всяких законов, на упразднение званий, должностей, окладов, наград, армии, науки, торговли, наследственных привилегий и т. д. Пропаганда равенства перед богом «двуединого человека, либо равенства перед христианским триединым богом триадного человека (сознание + тело + душа) всегда была привлекательной, потому что такая пропаганда чаще всего искренна, от имени Совести, «пророчески» указывает на явную несправедливость, скажем, в распределении должностей по связям и по родству, на имущественное неравенство, на передачу имущества по наследству и по протекционистским каналам. Однако орфизм не учитывает того, что нет силы (кроме бога!), которая бы судила и рядила лучше народных судей, ибо бога все-таки нет вообще...

Таким образом, у поэзии всегда остается роль избранницы — говорить истину от имени бога или Совести; но жизнь без уголовного и гражданского кодексов построить все-таки никогда не удастся. Высшее назначение поэта — быть пророком, неподкупным судией.

Философская лирика, как и литература вообще, меняет свое русло не столько под влиянием модных учений, сколько под напором событий и перемен жизни. Экономические проблемы в России, перенаселенность ряда регионов, нищета, войны, особенно русско-турецкая война 1877—1878, русско-японская война 1904—1905, а затем первая мировая война 1914—1918 годов, обостряли социальные противоречия.

Лирика, в какую бы скорлупу схем ни прятались порой поэты, не могла не откликаться на гул событий. И после М. Ю. Лермонтова в русской поэзии легко обнаружить все многообразие орфизма — байронизм, нигилизм, утопизм, материализм, идеализм, но волна реализма, поднятая особенно высоко творчеством А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, а в прозе Н. В. Гоголем, уже катилась и катилась все дальше, вздымаемая вновь и вновь творчеством А. Кольцова, Н. Некрасова, И. Никитина, И. Сурикова, В. Маяковского, С. Есенина, Н. Заболоцкого.

Человек, конечно же, только условно может быть разделен на «генетический код» и на «биологическую массу»; только в схеме его мышление может быть противопоставлено его же организму, его функции — органам, его сознание вычленено как «сила», способная противостоять биологическому существова-

нию. Но это удобная схема. Когда она вплетена в метафорную речь, то привлекательна и будоражит воображение. Кого только не увлекала «философия откровения» немецкого идеалиста Шеллинга, который предложил схему — расчленить личность на два полюсных начала, т. е. на двуединство: Я и не Я! Развиваясь, это двуединство якобы порождает Я-сознание, способное проявить волю, подчиняя себе весь «бессознательный организм».

В других вариантах орфизм предлагает модель борьбы в человеке души-Добра и тела-Зла. Иногда Добро берет верх над Злом («человек добрый»), иногда Зло одолевает Добро («человек плохой»).

Замечательный русский лирик Алексей Кольцов, по своему мировоззрению христианин и орфик, верил в жизнь души на небесах. Это особенно ярко выражено в его думах. Федор Тютчев — государственный служащий, дипломат, восприняв схему Шеллинга, по-своему применял ее для осмысления русской действительности:

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
«Наш век». 1851.

Орфическая схема («плоть» и «дух») приложена к России, и хотя, конечно, с помощью абстрактной мерки нельзя научно оценить реальную ситуацию в стране, но поэзия — не наука, ей достаточно выразить общий «гул настроения», недовольства или восторга. Чем глубже поэт постигает быт, труд, экономику, социальные условия жизни людей, тем реалистичнее рисует картины. Вот у Ивана Сурикова:

Сиротою я росла,
Как былинка в поле,
Моя молодость прошла
У других в неволе.
1867

Подлинная судьба девушки передана как бы ее исповедью.

Стихотворение стало народной песней, по свидетельству В. Шкловского, его знал и часто повторял В. Маяковский.

В наморднике пресса гуляет по свету,
А гласность с проклятием ринулась в Лету,
Служители ж неба и истин великих
Позорно надели холопства вериги,
Разбив свои лиры, пошли в спекулянты,
Занявшись игрою о почестях в фанты...

Это стихотворение Ивана Родионова, рано умершего от чахотки, не могло быть опубликовано в 70-е годы прошлого столетия, когда возникло. Такая поэзия, совсем не принимаемая в расчет «книжной» или «журнальной» литературой, жила скрытой подпольной жизнью, выражая гул настроения низов. Символисты, проповедуя в стихах культ страсти, порыва, «священного безумия», стремились преодолеть умозрительно-индивидуалистическое; декадентская поэзия погибала от трезвости и рационализма; желанием символистов было «поглубже» заглянуть в себя, но не в жизнь народа.

Журнально-книжная поэзия для того, чтобы жить, вынуждена была биться крыльями о стенки цензуры; а за пределами этой клетки зарождалось новое слово. Символисты, такие, как Брюсов, Бальмонт, Вяч. Иванов, объявляли поэта «жрецом», наделенным «магией слова», изрекающим иррациональные истины, а по сути провозглашали «искусство для искусства». Это в то время, когда, как сказал В. Маяковский, «Улица корчится безъязыкая — ей нечем кричать и разговаривать» («Облако в штанах», 1915).

Не мог, да и не хотел, преодолеть в себе христианства Александр Блок. Он и в 1905 году писал: «Ты прости нас, старушка ты божия, Не бери нас в Святые Места! Мы и здесь любызаем подножия Своего, полевого Христа». И поэму «Двенадцать» (1918) оснащает христианскими атрибутами: «Мы на горе всем буржуям Мировой пожар раздуем, Мировой пожар в крови — Господи, благослови!» Революция ему представляется как второе пришествие Христа, как шествие апостолов в одеждах двенадцати рабочих с винтовками судить и рядить, а ведет их — «В белом венчике из роз Впереди Исус Христос».

Сергей Есенин первоначально принес в поэзию, казалось бы, традиционно религиозные (орфико-христианские) мотивы — «Микола», «Пасхальный благовест», «Молитва матери». Символисты (Вяч. Иванов, Д. Мережковский, а затем А. Блок) сразу оценили достоинства лирики крестьянского поэта, представителя суриковского кружка. Лирика Есенина — живая сельская природа, подлинный крестьянский быт.

Начав как поэт христианско-крестьянской идиллии, Есенин откликнулся на Октябрьскую революцию искренним чувством, но облеченным в религиозную символику («Инония», «Иорданская голубица»), его лирика заполнена библейскими персонажами — Спас, богородица, пророки. Он медленно освобождал метафорный язык от религиозной одежды. И в дальнейшем предельный реализм его стихов выражает орфическую схему, которую можно назвать орфо-анархизмом: «Хулиган», «Исповедь хулигана»,

«Страна негодяев»; его мечта не выходит за рамки крестьянского орфико-утопического идеала. М. Горький в очерках «По Союзу Советов» в 1929 году писал: «Сергея Есенина не спрячешь, не вычеркнешь из нашей действительности, он выражает стон и вопль многих сотен тысяч, он яркий и драматический символ непримиримого раскола старого с новым». Раскол — поляризация социальных сил на «добро» и «зло» — «объяснялся» и философской схемой, он прошел через сердце поэта и получил великолепное художественное воплощение в лирике, в частности, например, в «Черном человеке», где поэт признается, что он раздвоился на «светлое» и «черное». И хотя понятно, что философская схема примитивна, мало пригодна для оценки сложной общественной жизни, не годна и для понимания характера одного человека, однако влияние такой философии на судьбы людей было огромным.

Уже подростком Владимир Маяковский оказался в среде демонстрантов и забастовщиков, трижды арестовывался, полгода провел в Бутырской тюрьме. И если его интерес к символизму в поэзии возбуждается необычными образами-метафорами поэтов-символистов, то их смирение перед законами мироздания, их орфико-мистицизм чужд молодому революционеру. Новая поэзия должна быть связана с социализмом! Маяковский жаждал способствовать средствами поэзии уничтожению буржуев, перевоспитанию собственников, изменить не только господствующий строй и людей, но и самого себя. Переделать человека — это, конечно же, утопическая мечта романтиков. Еще древний Гомер предупреждал о бессмертии богов-кодов человека. Говоря современным языком, генетическая программа, хромосомы человека из поколения в поколение практически не меняется; нельзя утверждать, что люди XX века совершеннее людей XII века до н. э. Но поэзия всегда нуждается в легендах, в романтике и идеалах, она олицетворяет планеты и камни, очеловечивает растения и зверей, и в этом смысле орфизм — область искусства с его недостижимыми идеалами.

Уже в 1913 году Александр Блок выделил Владимира Маяковского как замечательного поэта, подчеркнув его демократизм. Переполненный живой конкретикой впечатлений, Маяковский до Великого Октября противостоял символистам-декадентам. «Я — бог таинственного мира. Весь мир в одних моих мечтах»,— заявлял Ф. Сологуб. Маяковский пророчествовал другое:

в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.

Искреннее героическое самопожертвование в стихах Маяковского выражается в орфических образах:

вам я
душу вытащу,
растопчу,
чтоб большая! —
и окровавленную дам, как знамя.

«Облако в штанах». 1914—1915.

После Великого Октября революционный романтизм Маяковского от разрушительных призывов переходит к созиданию; его лирический герой — бунтарь, протестант, разрушитель — становится строителем во всех сферах жизни: создает Красную Армию, госаппарат, налаживает народное хозяйство, борется за науку, народное образование, культуру и за новое искусство. Это уже строительство — воплощать в практику древнюю олимпийскую теорию Гомера. Так романтически-революционные убеждения поэта преобразуются в убеждения социалистического созидания нового государства со всеми его институтами. «Приказ № 2 по армии искусств» (1921) выражает крайнюю озабоченность нуждами народа: «Товарищи, дайте новое искусство — такое, чтоб выволочь республику из грязи».

Многое в стихах символистов и декадентов в то время стало казаться просто метафорным мусором, бутафорией, «бумажными страстями», ибо в трудные послереволюционные годы заботы хозяйственные, борьба с нуждой, разрухой были важнее всего. Воинственный орфизм, когда он воплощается в практику, ведет к анархии, к уничтожению чинов и званий в армии, в госаппарате, к упразднению торговли, денег, системы экономических отношений, к подавлению науки, к отрицанию традиций, обычаев. Переход к мирной жизни потребовал и от поэзии сперва «непоэтических» агиток, а потом вмешательства в конкретику дней: в рационализаторство и изобретательство, в борьбу с бюрократизмом, в заботу о трезвом образе жизни, о новом быте рабочего и крестьянина и т. д.

«Нам надоели бумажные сласти — хлебища дайте жрать ржаной! Нам надоели бумажные страсти — дайте жить с живой женой! Там, в гардеробах театров, блестки оперных этуалей да плащ мефистофельский — все, что есть там! Старый портной не для наших старался талий. Что ж, неуклюжая пусть одежа — да наша»,— сказал Маяковский в Прологе к «Клопу», призывая освободить поэзию от заезженных мифических символов, искусство — от игры в сказки.

Но лирика перестала бы быть лирикой, если бы она не знала идеалов, не могла их создавать: там, где кончаются идеалы, исчезает вера и рождается либо рационализм, либо упадничество. Достаточно вспомнить последнее стихотворение Сергея Есенина: «В этой жизни умирать не ново, Но и жить, конечно, не новей» (1925).

Орфизм — это и романтика, и фантазия, и трагическое чувство от осознания невозможности раз и навсегда упорядочить жизнь, скажем, уничтожить «мещанина» или «бюрократа». Героико-трагический поэт Маяковский строительство нового государства связывал (как и всякий поэт-романтик, поэт-орфик) с идеалом, в котором нет Зла. В последний период творчества Маяковского возрастал обличительный пафос его стихов; это ныне легко объяснить и возникшим культом личности Сталина, и осуществлением на практике неверной идеи «усиления классовой борьбы»; но дело не только в этом. Маяковский — поэт подлинного чувства; искренне реагируя на события, он не мог менять романтический идеал на быстрые смены политических лозунгов. Невозможно вообразить, чтобы Маяковский с одинаковым энтузиазмом участвовал в революции, сочинял стихи на раскулачивание крестьян и клеймил бы репрессированных старых революционеров, скажем, Бухарина и Рыкова... Его сатира («Слоны в комсомоле», сборник 1929 г.; «Без доклада не входить», 1930; комедия «Клоп», 1928; драма «Баня», 1929; кстати, драматургия Маяковского после смерти поэта ушла из репертуаров театров на четверть века) направлена против душителей сатиры, против перерожденцев, прикрывающихся партбилетами и компрометирующих партию («Кандидат из партии», 1929), особенно — против бюрократов («Баллада о бюрократе и рабкоре»; «Баня»). И в этих условиях высокие идеалы Маяковского критикам РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей) легко было взять под сомнение, они твердили, что он заражен «мелкобуржуазным индивидуализмом», что его сатира разрушительна для Советского государства.

Учение Гомера — это теория о том, как построить государство, трезвое признание, что людей нельзя переделать, как и армию, например, нельзя создать без подчинения солдат командирам: младшие по рангу должны выполнять команды старших; отважный вождь Ахиллес вынужден отдать девушку-пленницу верховному главнокомандующему Агамемнону (в «Илиаде» из-за этой пленницы возникает конфликт между греческими вождями).

Воля солдата подчинена воле командира, это несправедливо, но необходимо для дисциплины и для поддержания единоначалия

и единоволия; вопрос только в том, кем избран или назначен вождь. Гомеровская поэзия показывает правду жизни так, как она есть. Лирическая поэзия чаще всего либо уходит от несправедливости в символы и намеки, либо обличает ранги, подавление воли личности, сословность и наследственные привилегии. Искренняя лирика обыкновенно «поляризуется», переходит в орфизм, принимая его активные или пассивные варианты.

И если бы мы далее рассматривали, например, поэзию Валерия Брюсова, Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама или Николая Заболоцкого, выдающихся наших лириков, то обнаружили бы и в их творчестве орфизм, явный или скрытый. И даже там, где Цветаева, Мандельштам или Заболоцкий используют имена богов Олимпа, они все-таки остаются орфиками.

Круг философских проблем, осмысленных русской поэзией за два с лишним века, конечно, значительно шире, чем обозначено в данной статье; даже представленные в сборнике стихи затрагивают множество других идей (например, идея рока, судьбы, предсказания, научного прогнозирования, патриотизма, интернационализма, семьи, охраны природы, государства, революции, ее целей, идея мессианства — избавления от эксплуатации и т. д.). Нам важно было показать, что два древнейших философских учения — олимпийское и орфизм,— придя однажды в русскую лирику, не только боролись между собою, но и взаимодействовали. Без трезвой философии Гомера невозможно понимание реальных процессов жизни и поведения отдельного человека, но и без романтического орфизма исчезает героизм поэзии, ее идеалы превращаются в логические и математические расчеты. Поэты — не соловьи! Лирический реализм, философия раздумья, гражданский подвиг и романтическая революционная песня... Поэты двух минувших эпох оставили нам художественную историю живой ищущей мысли!

Владимир ФАЛЕЕВ.

ОТВЕРЗ ОЛИМП ВСЕСИЛЬНЫЙ ДВЕРЬ

Поэзия XVIII века

Василий Кириллович
ТРЕДИАКОВСКИЙ
1703—1768

* * *

Клиа точны бытия
В память предает, поя.
Мелпоме́на восклицает
И в трагедии рыдает.
Талия, да будет прав,
Осмехает в людях нрав.
Пажить, равно жатву се́рпа,
Во свирель гласит Эвтерпа.
Гуслей Терпсихора звук
Соглашает разный вдруг.
Эрата смычком, ногами
Скачет, также и стихами.
Урани́я звезд предел
Знает свойство и раздел.
Каллиопа всех трубою
Чтит героев всезлатою.
Упражняясь наконец
В преклонении сердец,
Полигимния нарядно
И вещает всё изрядно.
Движет превыспренний ум
Муз сих, купно оных шум:
Посредине Феб сам внемлет,
А собою вся объемлет.

<1751>

Михаил Васильевич
ЛОМОНОСОВ
1711—1765

ОДА

на прибытие Ее Величества великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации

(Отрывок)

Взлети превыше молний, муза,
Как Пиндар, быстрый твой орел;
Гремящих арф ищи союза
И вверьх пари скоряе стрел;
Сладчайший Нектар лей с Назоном;
Превысь Парнас высоким тоном;
С Гомером как река шуми
И как Орфей с собой веди
В торжествен лик древа, и воды
И всех зверей пустынных роды.

Дерзай ступить на сильны плечи
Атлантских к небу смежных гор;
Внушай свои вселенной речи;
Блюдись спустить свой в долы взор;
Над тучи оным простирайся
И выше облак возвышайся,
Спеши звучащей славе вслед.
Но ею весь пространный свет
Наполненный, страшась, чудится:
Как в стих возможно ей вместиться?

Однако ты и тем счастлива,
Что тщишься ими воспевать
Всея земли красы и дива
И тем красу себе снискать.
Ты твердь оставь, о древня лира,
Вознесенна басньми к верьху мира:
Моя число умножит звезд,
Возвысившись до горних мест,
Парящей славой вознесенна
И новым блеском освещенна.

Священный ужас мысль объемлет!
Отверз Олимп всесильный дверь.
Вся тварь со многим страхом внемлет,
Великих зря монархов дщерь,
От верных всех сердец избранну,
Рукою вышнего венчанну,
Стоящу пред его лицем,
Котору в свете он своем
Прославив, щедро к Ней взирает,
Завет крепит и утешает.

1742

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И божия дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков зиждитель сам!

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приближившись, воззреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

Сия ужасная громада
Как искра пред тобой одна.
О коль пресветлая лампада
Тобою, боже, возжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполненны твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
Велик зиждитель наш господь!

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел;
Но взор твой в бездну проницает,
Не зная никаких предел.
От светлости твоих очей
Лиется радость твари всей.

Творец! покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред тобою
Всегда творити научи,
И на твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный царь.

1743 (?)

РАЗГОВОР С АНАКРЕОНОМ

Анакреон

Ода 1

Мне петь было о Трое,
О Кадме мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.
Я гусли со струнами
Вчера переменил
И славными делами
Алкида возносил;
Да гусли поневоле
Любовь мне петь велят,
О вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят.

Ломоносов

Ответ

Мне петь было о нежной,
Анакреон, любви;
Я чувствовал жар прежней
В согревшейся крови,
Я бегать стал перстами
По тоненьким струнам
И сладкими словами
Последовать стопам.
Мне струны поневоле
Звучат геройский шум.
Не возмущайте боле,
Любовны мысли, ум;

Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен,
Героев славой вечной
Я больше восхищен.

Анакреон

Ода XXIII

Когда бы нам возможно
Жизнь было продолжить,
То стал бы я не ложно
Сокровища копить,
Чтоб смерть в мою годину,
Взяв деньги, отошла
И, за откуп кончину
Отсрочив, жить дала;
Когда же я то знаю,
Что жить положен срок,
На что крушусь, вздыхаю,
Что мзды скопить не мог;
Не лучше ль без терзанья
С приятельми гулять
И нежны воздыханья
К любезной посылать.

Ломоносов

Ответ

Анакреон, ты верно
Великой филосов,
Ты делом равномерно
Своих держался слов,
Ты жил по тем законам,
Которые писал,
Смеялся забобонам,
Ты петь любил, плясал;
Хоть в вечность ты глубоку
Не чаял больше быть,
Но славой после року
Ты мог до нас дожить;
Возьмите прочь Сенеку,
Он правила сложил
Не в силу человеку,
И кто по оным жил?
[...]

Анакреон

Ода XXVIII

Мастер в живописстве первой,
Первой в Родской стороне,

Мастер, научен Минервой,
Напиши любезну мне.
Напиши ей кудри чорны,
Без искусных рук уборны,
С благовонием духов,
Буде способ есть таков.

Дай из роз в лице ей крови
И как снег представь белу,
Проведи дугами брови
По высокому челу,
Не сведи одну с другою,
Не расставь их меж собою,
Сделай хитростью своей,
Как у девушки моей;

Цвет в очах ее небесной,
Как Минервин, покажи
И Венерин взор прелестной
С тихим пламенем вложи,
Чтоб уста без слов вещали
И приятством привлекали
И чтоб их безгласна речь
Показалась медом течь;

Всех приятностей затеи
В подбородок умести
И кругом прекрасной шеи
Дай лилеям расцвести,
В коих нежности дыхают,
В коих прелести играют
И по множеству отрад
Водят усумненной взгляд;

Надевай же платье ало
И не тщись всю грудь закрыть,
Чтоб, ее увидев мало,
И о прочем рассудить.
Коль изображенье мочно,
Вижу здесь тебя заочно,
Вижу здесь тебя, мой свет;
Молви ж, дорогой портрет.

Ломоносов

Ответ

Ты счастлив сею красотою
И мастером, Анакреон,
Но счастливей ты собою
Чрез приятной лиры звон;

Тебе я ныне подражаю
И живописца избираю,
Дабы потщился написать
Мою возлюбленную Мать.

О мастер в живопистве первой,
Ты первой в нашей стороне,
Достоин быть рожден Минервой,
Изобрази Россию мне,
Изобрази ей возраст зрелой
И вид в довольствии веселой,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу;

Потщись представить члены здравы,
Как должны у богини быть,
По плечам волосы кудрявы
Признáком бодрости завить,
Огонь вложи в небесны очи
Горящих звезд в средине ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажет после туч покой;

Возвысь сосцы, млеком обильны,
И чтоб созревша красота
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живости уста
В беседе важность обещали
И так бы слух наш ободряли,
Как чистой голос лебедей,
Коль можно хитростью твоей;

Одень, одень ее в порфиру,
Дай скипетр, возложи венец,
Как должно ей законы миру
И распрям предписать конец;
О коль изображенье сходно,
Красно, любезно, благородно,
Великая промолви Мать,
И повели войнам престать.

Между 1756 и 1761

Иван Семенович БАРКОВ

1732—1768

ОДА КУЛАШНОМУ БОЙЦУ

(Отрывок)

1

Гудок, не лиру, принимаю,
В кабак входя, не на Парнас;
Кричу и глотку раздираю,
С бурлаками взнося мой глас:
«Ударьте в бубны, в барабаны,
Удалы, добры молодцы!
В тарелки, ложки и стаканы,
Фабричны славные певцы!
Тряхнем сыру землю с горами,
Тряхнем синё море . . . . . !»

2

Хмельную рожу, забияку,
Драча всесветна, пройдака,
Борца, бойца пою, пиваку,
Широкоплеча бурлака!
Молчите, ветры, не бушуйте!
Внемлите, стройны небеса!
Престаньте, вихри, и не дуйте!
Пою я славны чудеса.
Между кулачного я боя
Узрел тычков, пинков героя.

3

С своей Гомерка балалайкой
И ты, Вергилишка, с дудой,
С троянской вздорной греков шайкой
Дрались, что куры пред стеной.
Забейтесь в щель и не ворчите,
И свой престаньте бредить бред,
Сюда вы лучше поглядите!
Иль здесь голов удалых нет?
Бузник Гекторку, если в драку,
Прибьет, как стерву и собаку.

4

А ты, Силен, наперсник сына
И смелый, ражий, красный муж;
Вином раздута животина,
Герой во пьянстве жадных душ,
Нектаром брюхо наливаешь,
Смешав себе с вином сыты,
Ты пьешь, — меня позабываешь,
Пить не даешь вина мне ты.
Ах, будь подобен Ганимеду:
Подай вина мне, пива, меду!

5

Вино на драку вспламеняет,
Дает оно в бою задор,
Вино... разгорячает,
С вина смелее крадет вор.
Дурак напившися — умнее,
Затем, что боле говорит;
Вином и трус живет смелее,
. . . .
. . . .
Вином гортань, язык вещает!

6

Хмельной бакхант и целовальник,
Ты дал теперь мне пять крючков,
Буян я сделался, нахальник,
Гремлю уж боле я сверчков;
Хлебнул вина, разверзлась глотка,
Вознесся голос до небес,
Ревет во мне хмельная водка,
Шумит дубрава, воет лес,
Трепещет твердь и бездна бьется,
Далече вихрь в полях несется.
[...]

Конец 1750 — начало 1760 годов

Алексей Андреевич
РЖЕВСКИЙ
1737—1804

ПРИТЧА О САТИРЕ

Как истину изгнали
Из града люди вон,
Пороку власть отдали,
Ему восставя трон;
Насильство и обманы
Власть стали разделять.
Когда сии тираны
Всех начали терзать,
То истина святая
В изгнании от них,
На хищну власть взирая
Губителей своих,
Пошла просить у музы,
Защитницы своей,
Чтоб разрешила узы
Несчастливых людей.
Тогда еще имели
Власть музы во сердцах,
Когда Гомеры пели
Героев на полях.
Как греков прославляли
Они в стихах своих,
И жар тем зажигали
Во юношах младых.
Та склонность показала
Любимице своей,
Сатиру ниспослала
Она в защиту ей.
Порок стал в утесненье
От справедливых муз,
Нашел и он спасенье
От сих тяжелых уз.
Он сам родил сатиру,
На зависти женясь,
И стал вторично миру
Владетель он и князь.

Так неотменно должно
То всем нам наблюдать,
Писать чтоб осторожно
И первой подражать.
Пороки утесняти,
Сатира чтоб была,
Чтоб правду защищати
Без зависти и зла.

<1761>

ОДА БЛАЖЕННЫЯ И ВЕЧНО ДОСТОЙНЫЯ ПАМЯТИ ИСТИННОМУ ОТЦУ ОТЕЧЕСТВА, ИМПЕРАТОРУ ПЕРВОМУ, ГОСУДАРЮ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

(Отрывок)

Куда я взор ни обращаю,
Везде Петра я обретаю...
Отечества отец прямой!
Хоть богом счесть тебя не можно,
Но послан был ты к нам, неложно,
От воли вышния святой!
Чтоб грубость нашу просветити,
От бед Россию оградить,
Чтоб жить безбедно научити
И чтоб злодеев низложить.

1761

Иван Иванович *ХЕМНИЦЕР*

1745—1784

ОДА НА НЕИСТОВСТВА ЛЮДСКИЕ

Воображая прямо свет,
Ужасен мне он становится,
Что добродетели в нем нет,
Что всюду зло лишь только зрится.
Мы люди — и губим людей,
Затеи злы — против затей,
И зло от нас и к нам стремится.

Кого сегодня мы браним,
Кого сегодня порицаем,
С тем завтре ж дружно говорим,
Того же завтре мы ласкаем
И ту же поврежденну честь,
Сплетая нову ложь и лесть,
Честей всех лучшей называем.

В обманах вечных жизнь ведем,
От лести к лести переходим
И только в обращеньи сем
Мы утешение находим.
Кого как лучше провести,
Других столкнув, себя взвести, —
Вот в чем мы век свой весь проводим.

Воззря на тьму неистовств сих,
На страшны действия людские,
На гнусность дел и мыслей их,
На их сердца и души злые,
Я человечества страшусь;
Сам человек, себя боюсь,
И тени страшны мне людские.

Николай Петрович
НИКОЛЕВ

1758—1815

РАЗДУМЬЯ ПИИТЫ

(с сокращениями)

Пустое все — пиши хоть вечно,
Добра не будет от письма.
Коль пишешь ты чистосердечно,
Для истины и для ума,
Тогда подымет всяк щетину,
Найдет тебя ругать причину,
И ты ж останешься глупцом.
А если тронешь за живое
Высокопарное какое,
Так приударят и кнутом.

Не любит мир, кто правду-матку
Выводит в люди чрез перо;
Какую принял он повадку,
Повадка та и будь добро!
Привык ли, способы имея,
Став чином знатным великан,
Добра отчизны не жалея,
В свой приноравливать карман, —
И карлы, рослых обезьяны,
Пустились набивать карманы.

Привык ли тот же господин,
Возлюбленный фортуны лысой,
Заняв все степени один,
Валяться на софе с Лаисой,
Красы лелеять и трепать,
А нуждам царства не внимать, —
И все судьишки от примера
Его же держатся манера;
Всяк дома тешится с своей...
И трись вкруг их секретарей.
[...]

Всему пора, всему есть мода,
Едят и лук, как ананас;

Для гения и для урода
Бывает злой и добрый час;
В котором веке глупый силен,
Тот глупостями изобилен,
И места нет ума плодам;
Когда в садовниках невежда,
Как льститься может в нас надежда,
Что изобилье даст садам?

Взгляни туда — всё запустенье!
На древе мох, на грядах дерн;
Сажалось доброе растенье,
А выросли репей и терн;
Нет места яблоне, ни сливе,
Всё в чернобыльнике, в крапиве;
И скоро, где видали сад
И где цветник твой был любимый,
Там зрят пустырь непроходимый;
Здесь колкая, а тамо гад.

Таков есть мир, когда им правит
Невежества порочна власть;
Когда глупец сто умных давит,
Чтобы свою утешить страсть;
Но есть ли общая болячка,
Но есть ли от властей потачка
На плодопроизводства зла,
Коль власть бездельством веселится,
Судья с вельможею делится,
Реша неправые дела?

Когда над честию хохочут,
А правду взаши от двора;
Когда царям лишь балы точат,
Не берегут его добра,
Одну поверхность позлащая,
Всю внутреннюю истощая,
Дерут отчизну в лоскутки;
Когда, топясь в пустых потратах,
Являют царство всё в заплатах, —
Народ средь нужды и тоски!

Писатель! что пером витейства
Ты можешь произвесть тогда?
Увы! где в почести злодейства,
Там нравоучителям беда;
Где на степéнях лицемеры,
Там ходят по миру Гомеры,
Сократы принимают яд;

Там человек живет в напасти,
Коль страстию не служит страсти,
Там лживым — рай, а правым — ад.
[…]

Но скажет кто: «Писатель добрый
Страстям не должен угождать;
Имея дух свободный, бодрый,
Он должен смело осуждать,
Что осуждения достойно,
За правду умереть спокойно,
Приять бессмертия венец».
Не враг я подвигу такому;
Но хочется пожить живому,
Хотенье это всех сердец.
[…]

<1797>

Александр Иванович *КЛУШИН*

1763—1804

К Е...Е И...Е Б.

Цветок прекрасный, несравненный
Ума, науки в свете жить,
Которой цель — и быть почтенной,
И милой, и любезной быть;
Угрюмость не считать за славу,
Без колкости уметь шутить,
И золотом и шелком шить,
Читать и Юнга и Мольера,
Как Терпсихоре танцевать,
С улыбкой, с кротостью прощать
Ханжу, глупца и лицемера
И зла ни крошки не желать;
Карандашом не маслить жилы,
Взаймы румянца не искать,
Одной природою пленять;
Которой даже слезы — милы!
Ты хочешь, делаешь мне честь,
Чтоб я, расставшися с Москвою,
С унылой, томною душою
Писал к тебе о чем ни есть?
Но что же здесь тебя достойно?
Что может разум твой занять?
Здесь ум и сердце — спят спокойно;
Их трудно на ноги поднять.
Здесь всё пришибено гвоздями;
Рассудок, смысл назаперти;
Всё бродит странными шагами,
И нет надежного пути.
Почтенны Л** и я дамы
Подчас угрюмы и упрямы,
Но молчаливы завсегда;
Живут приятельски с мужьями,
Друг друга потчуют тузами
И — не бранятся никогда.

Мужья с великим просвещеньем
Душевным, райским чтут спасеньем
Женой как шашкою играть,
Заставить целый век молчать.

. . . .
. . . .
. . . .

Вот свет, в котором поживаю;
Каков ни есть — однако ж свет.
Пишу, а иногда читаю;
Лечусь — но груди легче нет;
То утром тихими шагами
С одним или двумя друзьями
По скучным улицам хожу;
То дома целый день сижу;
То в помощь призову Морфея,
Ночь богатырским сном просплю,
И чем унылей здесь, грустнее,
Тем более Москву люблю.

Подчас — когда мне всё наскучит,
Иду в жилище мертвых я:
Там каждый гроб, пылинка — учит,
Что миг, ничтожность жизнь моя;
Что я вчера лишь в свет родился,
Что завтра я оставлю свет,
Что я безумно суетился,
Что всё мое со мной умрет.
Горящи слезы полиются,
Грудь встрепенется, как листок,
Вздыханья ветерком несутся
И сядут тихо на цветок.

Подчас я стоиком бываю,
Подчас эпикуризм люблю;
Подчас с Платоном рассуждаю,
Лишь пирронизма не терплю.
Люблю прекрасное творенье,
Блаженство вижу в нем людей;
Всё рад им в жертвоприношенье,
Лишь кроме вольности моей.
Люблю — но страшны их оковы,
Хоть сердцу сладостны оне;
Хоть всякий день утехи новы,
Однако же — опасны мне.
С спокойством, дружеством, свободой
Живу я, право, воеводой,
И время как стрела летит.

Смиряю пылкие желанья,
Не знаю совести терзанья,
И кротко сердце не грустит.
Тебя сердечно почитаю,
Люблю как братьев всех людей,
Хочу добра им всей душей,
И зла — злодею не желаю.
Слезинку иногда пролью,
Что рок несчастных угнетает,
Что сердце кроткое страдает, —
И так веду всю жизнь мою.

<1797>

Гаврила Романович
ДЕРЖАВИН
1743—1816

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! видят — и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!

1780(?)

БОГ

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто всё собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: бог.

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий,—
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света твоего рожденны,
Исследовать судеб твоих:
Лишь мысль к тебе взнестись дерзает,
В твоем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В себе самом ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавый всё единым словом,
В твореньи простираясь новом,
Ты был, ты есть, ты будешь ввек!

Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертию живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнцы от тебя родятся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,
Так звезды в безднах под тобой.

Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампады,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры —
Перед тобой — как нощь пред днем.

Как капля, в море опущенна,
Вся твердь перед тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров, — и то,
Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною;
А я перед тобой — ничто.

Ничто! — Но ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чает,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно, есть и ты!

Ты есть! — природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть — и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе происшел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.

Твое созданье я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! — в бессмертие твое.

Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

1784

ФИЛОСОФЫ, ПЬЯНЫЙ И ТРЕЗВЫЙ

Пьяный

Сосед! на свете всё пустое:
Богатство, слава и чины.
А если за добро прямое
Мечты быть могут почтены,
То здраво и покойно жить,
С друзьями время проводить,
Красот любить, любимым быть,
И с ними сладко есть и пить.
    Как пенится вино прекрасно!
    Какой в нем запах, вкус и цвет!
    Почто терять часы напрасно?
    Нальем, любезный мой сосед!

Трезвый

Сосед! на свете не пустое —
Богатство, слава и чины;
Блаженство сыщем в них прямое,
Когда мы будем лишь умны,
Привыкнем прямо честь любить,
Умеренно, в довольстве жить,
По самой нужде есть и пить, —
То можем все счастливы быть.
Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

Пьяный

Гонялся я за звучной славой,
Встречал я смело ядры лбом;
Сей зверской упоен отравой,
Я был ужасным дураком.
Какая польза страшным быть,
Себя губить, других мертвить,
В убийстве время проводить?
Безумно на убой ходить.
Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!

Трезвый

Гоняться на войне за славой
И с ядрами встречаться лбом
Велит тому рассудок здравый,
Кто лишь рожден не дураком:
Царю, отечеству служить,
Чад, жен, родителей хранить,
Себя от плена боронить —
Священна должность храбрым быть!
Пусть пенится вино прекрасно!
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

Пьяный

Хотел я сделаться судьею,
Законы свято соблюдать, —
Увидел, что кривят душою,
Где должно сильных осуждать.
Какая польза так судить?

Одних щадить, других казнить
И совестью своей шутить?
Смешно в тенета мух ловить.
Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!

Трезвый

Когда судьба тебе судьею
В судах велела заседать,
Вертеться нужды нет душою,
Когда не хочешь взяток брать.
Как можно так и сяк судить,
Законом правду тенетить
И подкупать себя пустить?
Судье злодеем страшно быть!
Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

1789

АМУР И ПСИШЕЯ

Амуру вздумалось Псишею,
Резвяся, поймать,
Опутаться цветами с нею
И узел завязать.

Прекрасна пленница краснеет
И рвется от него,
А он как будто бы робеет
От случая сего.

Она зовет своих подружек,
Чтоб узел развязать,
И он — своих крылатых служек,
Чтоб по́мочь им подать.

Приятность, младость к ним стремятся
И им служить хотят;
Но узники не суетятся,
Как вкопаны стоят.

Ни крылышком Амур не тронет,
Ни луком, ни стрелой;
Псишея не бежит, не стонет, —
Свились, как лист с травой.

Так будь чета век нераздельна,
Согласием дыша:
Та цепь тверда, где сопряженна
С любовию душа.

Май 1793

Юрий Александрович
НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ
1752—1828

* * *

Выйду я на реченьку,
Погляжу на быструю —
Унеси мое ты горе,
Быстра реченька, с собой.

Нет! унесть с собой не можешь
Лютой горести моей,
Разве грусть мою умножишь,
Разве пищу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склоненью твоему,
Мысль за мыслью так стремится
Всё к предмету одному.

Ноет сердце, занывает,
Страсть мучительну тая.
Кем страдаю, тот не знает,
Терпит что душа моя.

Чем же злую грусть рассею,
Сердце успокою чем?
Не хочу и не умею
В сердце быть властна моем.

Милый мой им обладает;
Взгляд его — мой весь закон.
Томный дух пусть век страдает,
Лишь бы мил всегда был он.

Лучше век в тоске пребуду,
Чем его мне позабыть.
Ах! коль милого забуду,
Кем же стану, кем же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему.
Сердца каждое биенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А в душе всегда ношу!
Ты, кем вижу, кем пылаю,
Кем я мыслю и дышу!

Не почувствуй ты досады,
Как дойдет мой стон к тебе,
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбе.

Если ж то найдешь возможным,
Силу чувств моих измерь!
И приветствием, хоть ложным,
Ад души моей умерь!

<1796>

МЯТЕЖНЫЙ ДЕМОН

Алексей Федорович
МЕРЗЛЯКОВ
1778—1830

* * *

Среди долины ровныя
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один бедняжечка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко —
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка —
Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявыя,
Ни ивки близ него,
Ни кустики зеленые
Не вьются вкруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!

Есть много сребра, золота —
Кого им подарить?
Есть много славы, почестей —
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми —
Поклон, да был таков;
Встречаюсь ли с пригожими —
Поклон — да пара слов.

Одних я сам пугаюся,
Другой бежит меня.
Все други, все приятели
До черного лишь дня!

Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдет?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придет!

Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!

Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не вьются вкруг малюточки,
Тихохонько резвясь!

Возьмите же все золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

<1810>

ПИР

В шумном обществе гостей
Много басен и речей,
Комплименты, каламбуры,
Милы шуты, милы дуры.
Друг-хозяин! я — русак,
И не знаю жить кой-как.

Извини — где прислонюсь,
Никому не полюблюсь;
Не хочу я делать скуки;
Дай мне угол, трубку в руки.
Пуншу светлого мне дай
И в углу меня не знай!

Там кричат: «бостон, мизер!»
Там кричат: «я кавалер,
Видел много битв и крови!»
Там вздыхают от любови.
Пуншу светлого мне дай
И в углу меня не знай!

Там, в кружке младых зевак,
В камнях, золоте дурак
Анекдоты повествует,
Как он зайцев атакует.
Пуншу светлого мне дай
И в углу меня не знай!

Тамо старый дуралей,
Сняв очки с своих очей,
Объявляет в важном тоне
Все грехи в Наполеоне.
Пуншу светлого мне дай
И в углу меня не знай!

Там кокетка, удалясь,
Испытует нову связь;
В тот же миг двоих лаская,
Кажет им мечтанья рая.
Пуншу светлого мне дай
И в углу меня не знай!

Там ученых шумный круг
Оглушает ум и слух
Энтимемой и соритом,
Сеет мудрость редким ситом.
Пуншу светлого мне дай
И в углу меня не знай!

Красны девушки, сюда!
После плясок и труда
Отдохнуть ко мне склонитесь
И Орфею улыбнитесь.
Пуншу светлого мне дай
И в углу меня не знай!

Я не чуждый вам певец,
Знаю тайну всех сердец,
По глазам читать умею
И сказать вам не сробею.
Пуншу светлого мне дай
И в углу меня не знай!

Где любовь и где вино,
Там согласие одно.
Добродушие и радость,
Тамо искренности сладость.
Пуншу светлого мне дай
И в углу меня не знай!

Вижу Феба. Он ко мне
Сходит в важной тишине.
«Пусть Элиза, — он вещает, —
Вместо всех тебя венчает».
Пуншу светлого мне дай
И в углу меня не знай!

<1807>

Денис Васильевич
ДАВЫДОВ
1784—1839

БУРЦОВУ

В дымном поле, на биваке
У пылающих огней,
В благодетельном араке
Зрю спасителя людей.
Собирайся в круговую,
Православный весь причёт!
Подавай лохань златую,
Где веселие живет!
Наливай обширны чаши
В шуме радостных речей,
Как пивали предки наши
Среди копий и мечей.
Бурцов, ты — гусар гусаров!
Ты на ухарском коне
Жесточайший из угаров
И наездник на войне!
Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно;
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят.
Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шаг уступим, побледнеем,
Пожалеем нашу грудь
И в несчастьи оробеем;
Если мы когда дадим
Левый бок на фланкировке,
Или лошадь осадим,
Или маленькой плутовке
Даром сердце подарим!
Пусть не сабельным ударом
Пресечется жизнь моя!
Пусть я буду генералом,
Каких много видел я!
Пусть среди кровавых бо́ев
Буду бледен, боязлив,

А в собрании героев
Остр, отважен, говорлив!
Пусть мой ус, краса природы,
Черно-бурый, в завитках,
Иссечется в юны годы
И исчезнет, яко прах!
Пусть Фортуна для досады,
К умножению всех бед,
Даст мне чин за вахтпарады
И георгья за совет!
Пусть... Но чу! гулять не время!
К ко́ням, брат, и ногу в стремя,
Саблю вон — и в сечу! Вот
Пир иной нам бог дает,
Пир задорней, удалее,
И шумней, и веселее...
Ну-тка, кивер набекрень,
И — ура! Счастливый день!

1804

Василий Андреевич ЖУКОВСКИЙ

1783—1852

* * *

Кто слез на хлеб свой не ронял,
Кто близ одра, как близ могилы,
В ночи, бессонный, не рыдал, —
Тот вас не знает, вышни силы!

На жизнь мы брошены от вас!
И вы ж, дав знаться нам с виною,
Страданью выдаете нас,
Вину преследуете мздою.

Начало 1816

ПЕСНЯ

Кольцо души-девицы
Я в море уронил;
С моим кольцом я счастье
Земное погубил.

Мне, дав его, сказала:
«Носи! не забывай!
Пока твое колечко,
Меня своей считай!»

Не в добрый час я невод
Стал в море полоскать;
Кольцо юркнуло в воду;
Искал... но где сыскать!..

С тех пор мы как чужие!
Приду к ней — не глядит!
С тех пор мое веселье
На дне морском лежит!

О ветер полуночный,
Проснися! будь мне друг!
Схвати со дна колечко
И выкати на луг.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня в слезах!
И что-то, как бывало,
Зажглось у ней в глазах!

Ко мне подсела с лаской,
Мне руку подала,
И что-то ей хотелось
Сказать, но не могла!

Но что твоя мне ласка!
На что мне твой привет!
Любви, любви хочу я...
Любви-то мне и нет!

Ищи, кто хочет, в море
Богатых янтарей...
А мне мое колечко
С надеждою моей.

1816

ТОРЖЕСТВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Пал Приамов град священный;
Грудой пепла стал Пергам;
И, победой насыщенны,
К острогрудым кораблям
Собрались эллены — тризну
В честь минувшего свершить
И в желанную отчизну,
К берегам Эллады плыть.

Пойте, пойте гимн согласный:
Корабли обращены
От враждебной стороны
К нашей Греции прекрасной.

Брегом шла толпа густая
Илионских дев и жен:
Из отеческого края
Их вели в далекий плен.

И с победной песнью дикой
Их сливался тихий стон
По тебе, святой, великий,
Невозвратный Илион.

Вы, родные хо́лмы, нивы,
Нам вас боле не видать;
Будем в рабстве увядать...
О, сколь мертвые счастливы!

И с предведеньем во взгляде
Жертву сам Калхас заклал:
Грады зиждущей Палладе
И губящей (он воззвал),
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валов,
И носящему Горгону
Богу смертных и богов!

Суд окончен; спор решился;
Прекратилася борьба;
Все исполнила Судьба:
Град великий сокрушился.

Царь народов, сын Атрея
Обозрел полков число:
Вслед за ним на брег Сигея
Много, много их пришло...
И внезапный мрак печали
Отуманил царский взгляд:
Благороднейшие пали...
Мало с ним пойдет назад.

Счастлив тот, кому сиянье
Бытия сохранено,
Тот, кому вкусить дано
С милой родиной свиданье!

И не всякий насладится
Миром, в свой пришедши дом:
Часто злобный ков таится
За домашним алтарем;
Часто Марсом пощаженный
Погибает от друзей
(Рек, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей).

Счастлив тот, чей дом украшен
Скромной верностью жены!
Жены алчут новизны:
Постоянный мир им страшен.

И стоящий близ Елены
Менелай тогда сказал:
Плод губительный измены —
Ею сам изменник пал;
И погиб виной Парида
Отягченный Илион...
Неизбежен суд Кронида,
Всё блюдет с Олимпа он.

Злому злой конец бывает:
Гибнет жертвой Эвменид,
Кто безумно, как Парид,
Право гостя оскверняет.

Пусть веселый взор счастливых
(Оилеев сын сказал)
Зрит в богах богов правдивых;
Суд их часто слеп бывал:
Скольких бодрых жизнь поблёкла!
Скольких низких рок щадит!..
Нет великого Патрокла;
Жив презрительный Терсит.

Смертный, царь Зевес Фортуне
Своенравной предал нас:
Уловляй же быстрый час,
Не тревожа сердца втуне.

Лучших бой похитил ярый!
Вечно памятен нам будь,
Ты, мой брат, ты, под удары
Подставлявший твердо грудь,
Ты, который нас, пожаром
Осажденных, защитил...
Но коварнейшему даром
Щит и меч Ахиллов был.

Мир тебе во тьме Эрева!
Жизнь твою не враг отнял:
Ты своею силой пал,
Жертва гибельного гнева.

О Ахилл! о мой родитель!
(Возгласил Неоптолем)
Быстрый мира посетитель,
Жребий лучший взял ты в нем.
Жить в любви племен делами —
Благо первое земли;
Будем вечны именами
И сокрытые в пыли!

Слава дней твоих нетленна;
В песнях будет цвесть она:
Жизнь живущих неверна,
Жизнь отживших неизменна!

Смерть велит умолкнуть злобе
(Диомед провозгласил):
Слава Гектору во гробе!
Он краса Пергама был;
Он за край, где жили деды,
Веледушно пролил кровь;
Победившим — честь победы!
Охранявшему — любовь!

Кто, на суд явясь кровавый,
Славно пал за отчий дом:
Тот, почтённый и врагом,
Будет жить в преданьях славы.

Нестор, жизнью убеленный,
Нацедил вина фиал
И Гекубе сокрушенной
Дружелюбно выпить дал.
Пей страданий утоленье;
Добрый Вакхов дар вино:
И веселость и забвенье
Проливает в нас оно.

Пей, страдалица! печали
Услаждаются вином:
Боги жалостные в нем
Подкрепленье сердцу дали.

Вспомни матерь Ниобею:
Что изведала она!
Сколь ужасная над нею
Казнь была совершена!
Но и с нею, безотрадной,
Добрый Вакх недаром был:
Он струею виноградной
Вмиг тоску в ней усыпил.

Если грудь вином согрета
И в устах вино кипит:
Скорби наши быстро мчит
Их смывающая Лета.

И вперила взор Кассандра,
Вняв шепнувшим ей богам,
На пустынный брег Скамандра,
На дымящийся Пергам.
Все великое земное
Разлетается, как дым:
Ныне жребий выпал Трое,
Завтра выпадет другим...

Смертный, силе, нас гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящий в гробе, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущий.

1828

Дмитрий Васильевич ДАШКОВ

1788—1839

СМЕРТЬ ОРФЕЯ

(Антипатр Сидонский. II. 24. LXVII)

Глас твой не будет дубравы пленять, о певец
вдохновенный,
Двигать камни, зверей с агнцами в стадо сбирать;
Песни твои не смирят могущих ветров, ни свиста
Вихрей снежных, ни волн, бурей гонимых на брег.
Ах, ты погиб! и над трупом твоим Каллиопа рыдала,
Мать неутешная,— ей вторил весь хор пиерид.
Нам ли стенать, погребая детей! От смерти жестокой
Даже и милых им чад боги не могут спасти.

(1818—1827)

Владимир Сергеевич *ФИЛИМОНОВ*

1787—1858

ИЗ ПОЭМЫ «ДУРАЦКИЙ КОЛПАК»

5

Беда от Идеалов в мире!
Романтики погубят нас.
Им тесно здесь, живут в эфире...
Их мрачен взор, их страшен глас,
Раскалено воображенье,
Пределов нет для их ума.
Еще Шекспир — настанет тьма;
Еще Байрон — землетрясенье;
Беда, родись другая Сталь!
Всё так. В них бес сидит лукавый.
Но мне расстаться было жаль
С философической державой.

6

О, как Германия мила!
Она, в дыму своем табачном,
В мечтаньи грозном, но не страшном,
Нам мир воздушный создала,
С земли на небо указала;
Она отчизна Идеала,
Одушевленной красоты,
И эстетической управы,
И Шиллера и Гете славы,
Она — приволие мечты.

7

В стране разумной, в мире старом
Я погулял верхом недаром:
Кормил желудок свой и ум,
Учился мыслить, есть учился.
Я потолстел, я просветился;
Казну умножил светлых дум...
Листок мечтаний философских
Вклеил в дорожный календарь,
А список длинный блюд заморских —
В гастрономический словарь.

8

Но не постиг мой ум тяжелый
Слов важных: кстати и пора,
Науки нравиться веселой,
Ни мирной тактики двора,
Ни дипломатики армейской.
Пришел домой: опять дурак,
С прибавкой только — европейский.
Дурацкий кстати мне колпак.

1824

Валерьян Николаевич *ОЛИН*

ок. 1788—1840 (?)

<СМЕРТЬ ЭВИРАЛЛИНЫ>

Два дня, томясь, изнемогая,
Очей дремотой не смыкая
И ни на шаг от друга прочь,
Несчастная Сальгара дочь
Над женихом своим рыдала
И плотоядных отгоняла
От праха птиц. И в третий день,
Когда холодной ночи тень
С небес лазоревых сбежала,
Погасли звезды, и роса
На мхах утесов заблистала,
И солнце шло на небеса,—
Ловцы оленей круторогих
И горных ланей быстроногих
В пустыне деву обрели,
Без чувств простертую в пыли.
И сердце в ней уже не билось!
В ее руке сверкал кинжал,
И бледностью чело покрылось;
И ветер, веющий от скал,
По персям девы обнаженным
И яркой кровью обагренным
Златые кудри рассыпал.
Склонясь главой на грудь Кальфона,
Она, казалось, будто спит
И будто сына Турлатона
В своих мечтаньях сонных зрит.
Ловцы могильный ров изрыли
Булатом копий и мечей
И девы прах и прах вождей
Под звуком песней схоронили.
Курган насыпали над рвом
Возвышенный, и весь кругом
Зеленым дерном обложили;
И в вечно юной красоте
Холма на самой высоте
Младую со́сну посадили.

Повесили на ветви рог,
Шелом и меч, броню стальную,
Колчан и арфу золотую,
И дань красе — из роз венок.
И с той поры, когда блистали
Созвездия и озаряли
Небес безбрежный океан,
Три юных тени прилетали
На погребальный сей курган:
Доспехи ратные звучали,
Рог бранный звуки издавал,
Венок на ветви трепетал,
И струны арфы рокотали.

. . . .
. . . .

<1824>

Василий Иванович *КОЗЛОВ*

1793—1825

МЕЧТАТЕЛЬ

Среди беспечных детских лет
Я долго жил в уединенье;
Отцовский дом был весь мой свет
И книги — всё увеселенье!

Тогда я спутницей избрал
Тебя, Фантазия златая,
И мир подлунный забывал,
Миры волшебны пролетая.

Кристальны строил я дворцы
И разрушал очарованья;
С злодеев я срывал венцы
И добрых облегчал страданья.

Рукою сильной расторгал
Я власть волшебника лихого
И юных дев освобождал
Из плена тяжкого и злого.

Я жил, как рыцарь и певец,
Награды сладкой ожидая,
И вот лавровый мне венец
Сплела красавица младая.

С улыбкой нежной на устах
Она пред рыцаря предстала;
Небесным пламенем в очах,
Как добрый гений, воссияла.

И рыцарь всех и всё забыл.
Простите, замки, приключенья!
Он ею жил, ей счастлив был,
Он видел в ней красу творенья!..

Но ах! и юность протекла,
И с ней мечты уединенья;
Она с собою унесла
Прелестный дар воображенья.

Увял прекрасный мой венец,
Разрушились волшебны зданья,
Разбита лира, спит певец,
Упал покров очарованья.

Сокрылась дева-красота,
Предмет и дум и песнопенья!
Где ж путь в отрадные места?
Где храм небесна вдохновенья?

Кто спящий гений возбудит,
Мечты в душе возобновляя?
Ужели ввек не прилетит
Ко мне Фантазия благая?

Явися мне, явись хоть раз,
Земного образ совершенства,
И услади мне скорби час
Подобьем райского блаженства.

<1819>

Степан Дмитриевич
НЕЧАЕВ
1792—1860

К Г.А. Р.-К.

(Послано с Кавказских вод)

В аулах Кабарды безлесной,
Среди вертепов и пустынь,
Где кроет свой приют безвестный
Свободы непокорный сын,
С толпой гостей многострадальной
Твои друзья москвичи
Сменяли нектар свой бокальный
На кислосерные ключи:
Один, как труженик, потеет,
Другому зябнуть суждено,
А третий поглядеть не смеет
На запрещенное вино.
Таков удел наш незабавный.
А ты, изменник! ты теперь
Свободой дышишь своенравной
И смело отворяешь дверь
В чертог Европы просвещенной, —
Будь счастлив на благом пути!
Но если молвить откровенно,
Желал бы лучше я найти
Тебя в Москве гостеприимной,
С тобой Кавказ перекорить,
И жертвою от трубок дымной
Заздравное клико почтить.

<1823>

Борис Михайлович
ФЕДОРОВ
1798—1875

СОЗНАНИЕ

Не ваш, простите, господа;
Не шумными иду путями,
Любитель легкого труда!
Вам честь и слава! Всё пред вами!
Не ваш, простите, господа!

Мои стихи — вода водою;
Не мне затейливо писать!
Я не блистал в них мишурою —
Их даже можно понимать.

Друзей моих с Анакреоном
Во фрунт к бессмертью не равнял
И дико-мрачным важным тоном
Моих бессмыслиц не читал.

По новой форме я не знаю
На полустишии гудить;
Тех за поэтов не считаю,
Чья страсть писать, чей дар дразнить.

Досугом с музами деляся,
Спесиво к славе не лечу
И, с журналистом сговоряся,
Попасть в таланты не хочу.

Я не имею дарованья:
Вас не хвалил и виноват!
Не стою вашего посланья,
И мне стишков не посвятят.

Не шумными иду путями;
Не ваш, простите, господа,
Любитель легкого труда,—
Вам честь и слава! Всё пред вами!

Не постигал, невежда, я,
Как можно, дав уму свободу,
Любви порхать по огороду,
Пить слезы в чаше бытия!

Как конь взвивался над могилой,
Как веет матери крыло
Знакомое, как бури силой
Толпу святую унесло!

Очей, увлаженных желаньем,—
Певца гетер—у люльки Рок—
Уста, кипящие лобзаньем,—
Я — как шарад — понять не мог.

Не ваш, простите, господа;
Не шумными иду путями,
Любитель легкого труда,—
Вам честь и слава! Всё пред вами!

<1823>

Александр Абрамович КРЫЛОВ

1793—1829

ИСТРЕБЛЕННАЯ РОЩА

Из Мильвуа

Нимфы! скрывайтесь, бегите толпою:
Древнюю рощу злодей истребил!
Плачьте, амуры! под тенью густою
Он ваш алтарь навсегда сокрушил!
Птицы умолкли и тихо стадами
Вдаль понеслись от знакомых ветвей.
Милые гости лесов и полей,
Видно, изгнанники есть и меж вами!
Странник усталый в далеком пути,
Пот отирая, с надеждой отрадной
В полдень торопится к сени прохладной,
Ищет ее — и не может найти!
Тщетно любовник зовет на свиданье
Милую в рощу вечерней порой;
Дева придет, поглядит — и с тоской
Издали другу промолвит прощанье;
Взоры потупит и мимо пройдет.
Горе тебе, истребитель жестокий!
Мстительный бог на тебя восстает.
Он на горах неприступных живет,
Дикой пустыни хранитель высокий!
Он принимает дары пастухов,
Внемлет обетам пастушек стыдливых;
Глас его слышен в полях молчаливых;
Видны следы на тропинках лугов.
Он, рассылая воздушных послов,
Им повелел укрывать в непогоды
Стебель зеленый и цвет молодой;
В сумраке ночи, отвергнув покой,
Бодрствует он для блаженства Природы;
Легким зефирам велит на лугах
Звук разносить сладкогласной свирели,
Веять в лесу и качать на ветвях
Тихо пернатых певцов колыбели.
Буря ль с деревьев листы оборвет,
Или красавица резвой ногою
Первые ландыши в поле сомнет,

Бог благотворный кропит их слезою.
Знай, истребитель! сей бог над тобою
Суд произнес. За него Купидон
Грозной рукою злодея накажет:
Он для отмщенья колчан свой развяжет —
Ты на страданья любви осужден!
Тщетно поверишь подруге прелестной —
Клятву ее унесет ветерок
Так же, как в роще под тенью древесной
Прежде кружил он летучий листок!

<1821>

Авраам Сергеевич *НОРОВ*

1795—1869

ФАНТАЗИЯ «ОЧАРОВАННЫЙ УЗНИК»

(Узник получил от своего стража перо, бумагу, чернила)

(Отрывок)

Теперь... всё высказать я рад!..
Когда опомнюсь — говорят,
Что я умен и сладкозвучно
Свои рассказываю сны.
Я их люблю, без них мне скучно.
Но говорят: со стороны
Им странно видеть, как я живо
Лицом, очами говорю,
Плечом, рукой нетерпеливой...
И сам в себе лицетворю
Все переменчивые страсти.
А с призраками каждый миг
Переменяется мой лик:
Сны, как и жизнь, у нас во власти.

Я день и ночь с пером своим,—
И чувствую успокоенье:
Слезами вытекло мученье.
Как сладко после слез мы спим!
Как живо жаркое виденье
Лелеет сонного меня!
Прочь утро!.. не хочу я дня.

Так! человек живет вдвойне:
Жизнь наяву — и жизнь во сне [1];
Ночь каждую он в мире новом:
Земное тело крепко спит,
А мысль его безмолвным словом
Вообразимое творит.
Что наши сны? Души творенье,
Бесплотной мысли воплощенье.

Раз... но ужель я точно спал?
В темнице ли? под небесами ль?
Душой ли я глядел? очами ль?

[1] Байрон.

Я только жил и созерцал.
Нет! сны не снятся так счастливо.
Я всё, что видел, видел живо,
Как бы теперь... Кто скажет мне,
Что не мечта былое время?
Что свет не сон? что не во сне
За племенем преходит племя?..
Кто скажет мне, что я не жил,
Когда я чувствовал, любил
И... Нет! не сон!.. Мечта души
Осталась в памяти сердечной...
Неугасима будет вечно —
Как мысль — мечта моей души.

<1826>

Семен Егорович
РАИЧ

1792—1855

ЖАВОРОНОК

Светит солнце, воздух тонок,
Разыгралася весна,
Вьется в небе жаворóнок —
Грудь восторгами полна!

Житель мира — мира чуждый,
Затерявшийся вдали, —
Он забыл, ему нет нужды,
Что творится на земли.

Он как будто и не знает,
Что не век цвести весне,
И беспечно распевает
В поднебесной стороне...

Нет весны, не стало лета...
Что ж? Из грустной стороны
Он в другие страны света
Полетел искать весны.

И опять под твердью чистой,
На свободе, без забот,
Жаворонок голосистый
Песни радости поет.

Не поэта ль дух высокий,
Разорвавший с миром связь,
В край небес спешит далекий,
В жаворонке возродясь?

Жаворонок беззаботный,
Как поэт, всегда поет
И с земли, как дух бесплотный,
К небу правит свой полет.

<1838>

<ИЗ ПОЭМЫ «АРЕТА»>

1

Бородино! Бородино!
На битве исполинов новой
Ты славою озарено,
Как древле поле Куликово.

Вопрос решая роковой —
Кому пред кем склониться выей,
Кому над кем вознестись главой, —
Там билась Азия с Россией.

И роковой вопрос решен:
Россия в битве устояла,
И заплескал восторгом Дон,
Над ним свобода засияла.

Здесь — на полях Бородина —
С Россией билася Европа,
И честь России спасена
В волнах кровавого потопа.

И здесь, как там, решен вопрос
Со всем величием ответа:
Россия стала как колосс
Между двумя частями света.

Ей роком отдан перевес,
И вознеслась она высоко;
За ней, пред нею лавров лес
Возрос, раскинулся широко.

<1839>

Константин Николаевич *БАТЮШКОВ*

1787—1855

* * *

Пафоса бог, Эрот прекрасной
На розе бабочку поймал
И, улыбаясь, у несчастной
Златые крылья оборвал.
«К чему ты мучишь так, жестокий?» —
Спросил я мальчика сквозь слез.
«Даю красавицам уроки»,—
Сказал — и в облаках исчез.

1809

К ПЕТИНУ

О любимец бога брани,
Мой товарищ на войне!
Я платил с тобою дани
Богу славы не одне:
Ты на кивере почтенном
Лавры с миртом сочетал;
Я в углу уединенном
Незабудки собирал.
Помнишь ли, питомец славы,
Индесальми? Страшну ночь?
Не люблю такой забавы,
Молвил я,— и с музой прочь!
Между тем как ты штыками
Шведов за лес провожал,
Я геройскими руками...
Ужин вам приготовлял.
Счастлив ты, шалун любезный,
И в цитерской стороне:
Я же, всюду бесполезный,
И в любви и на войне,—
Время жизни в скуке трачу,
За крылатый счастья миг
Ночь зеваю, утром плачу
Об утрате снов моих.

Тщетны слезы! Мне готова
Цепь, сотканна из сует;
От родительского крова
Я опять на море бед.
Мой челнок любовь слепая
Правит детскою рукой,
Между тем как лень, зевая,
На корме сидит со мной.
Может быть, как быстра младость
Убежит от нас бегом,
Я возьмусь за ум... да радость
Уживется ли с умом?
Ах, почто же мне заране,
Друг любезный, унывать?
Вся судьба моя в стакане!
Станем пить и воспевать:
«Счастлив! счастлив, кто цветами
Дни любови украшал,
Пел с беспечными друзьями,
А о счастии... мечтал!
Счастлив он и втрое боле
Всех вельможей и царей!
Так давай в безвестной доле,
Чужды рабства и цепей,
Кое-как тянуть жизнь нашу,
Часто с горем пополам,
Наливать полнее чашу
И смеяться дуракам!»

1810

СУДЬБА ОДИССЕЯ

Средь ужасов земли и ужасов морей
Блуждая, бедствуя, искал своей Итаки
Богобоязненный страдалец Одиссей;
Стопой бестрепетной сходил Аида в мраки;
Харибды яростной, подводной Сциллы стон
    Не потрясли души высокой.
Казалось, победил терпеньем рок жестокой
И чашу горести до капли выпил он;
Казалось, небеса карать его устали
    И тихо сонного домчали
До милых родины давно желанных скал.
Проснулся он: и что ж? отчизны не познал.

1814

Федор Николаевич
ГЛИНКА
1786—1880

К ЛУНЕ

Среди безмолвия ночного
Луна так весело глядит,
И луч ее у часового
На ясном кивере горит!

Ах! Погляди ко мне в окошко
И дай мне весть о вышине,
Чтоб я, утешенный немножко,
Увидел счастье хоть во сне.

Между 9 марта — 31 мая 1826

ДВА СЧАСТЬЯ

Земное счастье мне давалось,
Но я его не принимал:
К иному чувство порывалось,
Иного счастья я искал!
Нашел ли? — тут уста безмолвны...
Еще в пути моя ладья,
Еще кругом туман и волны,
И будет что? — не знаю я!

Между 9 марта — 31 мая 1826

ПЕСНЬ УЗНИКА

Не слышно шума городского,
В заневских башнях тишина!
И на штыке у часового
Горит полночная луна!

А бедный юноша! ровесник
Младым цветущим деревам,
В глухой тюрьме заводит песни
И отдает тоску волнам!

«Прости отчизна, край любезный!
Прости мой дом, моя семья!
Здесь за решеткою железной —
Уже не свой вам больше я!

Не жди меня отец с невестой,
Снимай венчальное кольцо;
Застынь мое навеки место;
Не быть мне мужем и отцом!

Сосватал я себе неволю,
Мой жребий — слезы и тоска!
Но я молчу, — такую долю
Взяла сама моя рука.

Откуда ж при́дет избавленье,
Откуда ждать бедам конец?
Но есть на свете утешенье
И на святой Руси отец!

О, русский царь! в твоей короне
Есть без цены драгой алмаз.
Он значит — милость! Будь на троне,
И, наш отец, помилуй нас!

А мы с молитвой крепкой к богу
Падем все ниц к твоим стопам;
Велишь — и мы пробьем дорогу
Твоим победным знаменам».

Уж ночь прошла, с рассветом в злате
Давно день новый засиял!
А бедный узник в каземате —
Все ту же песню запевал!..

1826

АНГЕЛ

Суд мирам уготовляется,
Ходит бог по небесам;
Звезд громада расступается
На простор его весам...

И, прослышав бога, дальние
Тучи ангелов взвились;
Протеснясь в врата кристальные,
Хоры с пеньем понеслись...

И мой ангел охранительный,
Уж терявший на земле
Блеск небесный, блеск пленительный,
Распустил свои крыле...

У судьбы земной под молотом
В стороне страстей и бурь
Ярких крыл потускло золото,
Полиняла в них лазурь...

Но как всё переменилося!
Он на бога посмотрел —
И лицо его светилося,
И хитон его светлел!..

Ах! когда ж жильцам-юдольникам
Возвратят полет и нам —
И дадут земным невольникам
Вольный доступ к небесам!..

<1835>

ДВЕ ДОРОГИ

(Куплеты, сложенные от скуки в дороге)

Тоскуя — полосою длинной,
В туманной утренней росе,
Вверяет эху сон пустынный
Осиротелое шоссе...

А там вдали мелькает струнка,
Из-за лесов струится дым:
То горделивая чугунка
С своим пожаром подвижным.

Шоссе поет про рок свой слезный:
«Что ж это сделал человек?!
Он весь поехал по железной,
А мне грозит железный век!..

Давно ль красавицей дорогой
Считалась общей я молвой? —
И вот теперь сижу убогой
И обездоленной вдовой.

Где-где по мне проходит пеший;
А там и свищет и рычит
Заклепанный в засаде леший
И без коней — обоз бежит...»

Но рок дойдет и до чугунки:
Смельчак взовьется выше гор
И на две брошенные струнки
С презреньем бросит гордый взор.

И станет человек воздушный
(Плывя в воздушной полосе)
Смеяться и чугунке душной
И каменистому шоссе.

Так помиритесь же, дороги, —
Одна судьба обеих ждет.
А люди? — люди станут боги,
Или их громом пришибет.

Между 1836—1875

Петр Андреевич
ВЯЗЕМСКИЙ

1792—1878

К ДРУЗЬЯМ

Кинем печали!
Боги нам дали
Радость на час;
Радость от нас
Молний быстрее
Быстро парит,
Птичек резвее
Резво летит.
Неумолимый
Неумолим,
Невозвратимый
Невозвратим.
Утром гордится
Роза красой;
Утром свежится
Роза росой.
Ветер не смеет
Тронуть листков,
Флора лелеет
Прелесть садов!
К ночи прелестный
Вянет цветок;
Други! безвестно,
Сколько здесь рок
Утр нам отложит, —
Вечер, быть может,
Наш недалек.

<1815>

КОГДА? КОГДА?

Когда утихнут дни волненья
И ясным дням придет чреда,
Рассеется звездой спасенья
Кровавых облаков гряда?
Когда, когда?

Когда воскреснут добры нравы,
Уснет и зависть и вражда?
Престанут люди для забавы
Желать взаимного вреда?
Когда, когда?

Когда корысть, не зная страха,
Не будет в храминах суда,
И в погребах, в презренье Вакха,
Вино размешивать вода?
Когда, когда?

Когда поэты будут скромны,
При счастье глупость не горда,
Красавицы не вероломны,
И дружба в бедствиях тверда?
Когда, когда?

Когда очистится с Парнаса
Неверных злобная орда,
И дикого ее Пегаса
Смирит надежная узда?
Когда, когда?

Когда на языке любовном
Нет будет нет, да будет да,
И у людей в согласьи ровном
Расти с рассудком борода?
Когда, когда?

Когда не по полу прихожей
Стезю проложат в господа,
И будет вывеска вельможей
Высокий дух, а не звезда?
Когда, когда?

Когда газета позабудет
Людей морочить без стыда,
Суббота отрицать не будет
Того, что скажет середа?
Когда, когда?

<1815>

* * *

Наш свет — театр; жизнь — драма; содержатель —
Судьба; у ней в руке всех лиц запас:
Министр, богач, монах, завоеватель
В условный срок выходит напоказ.

Простая чернь, отброшенная знатью,
Мы — зрители, и, дюжинную братью,
В последний ряд отталкивают нас.
Но платим мы издержки их проказ,
И уж зато подчас, без дальних справок,
Когда у них в игре оплошность есть,
Даем себе потеху с задних лавок
За свой алтын освистывать их честь.

<1818>

РУССКИЙ БОГ

Нужно ль вам истолкованье,
Что такое русский бог?
Вот его вам начертанье,
Сколько я заметить мог.

Бог метелей, бой ухабов,
Бог мучительных дорог,
Станций — тараканьих штабов,
Вот он, вот он русский бог.

Бог голодных, бог холодных,
Нищих вдоль и поперек,
Бог имений недоходных,
Вот он, вот он русский бог.

Бог грудей и <...> отвислых,
Бог лаптей и пухлых ног,
Горьких лиц и сливок кислых,
Вот он, вот он русский бог.

Бог наливок, бог рассолов,
Душ, представленных в залог,
Бригадирш обоих полов,
Вот он, вот он русский бог.

Бог всех с анненской на шеях,
Бог дворовых без сапог,
Бар в санях при двух лакеях,
Вот он, вот он русский бог.

К глупым полон благодати,
К умным беспощадно строг,
Бог всего, что есть некстати,
Вот он, вот он русский бог.

Бог всего, что из границы,
Не к лицу, не под итог,
Бог по ужине горчицы,
Вот он, вот он русский бог.

Бог бродяжных иноземцев,
К нам зашедших за порог,
Бог в особенности немцев,
Вот он, вот он русский бог.

1828

РЯБИНА

Тобой, красивая рябина,
Тобой, наш русский виноград,
Меня потешила чужбина,
И я землячке милой рад.

Любуюсь встречею случайной;
Ты так свежа и хороша!
И на привет твой думой тайной
Задумалась моя душа.

Меня минувшим освежило,
Его повеяло крыло,
И в душу глубоко и мило
Дней прежних запах нанесло.

Всё пережил я пред тобою,
Всё перечувствовал я вновь —
И радость пополам с тоскою,
И сердца слезы, и любовь.

Одна в своем убранстве алом,
Средь обезлиственных дерев,
Ты вся обвешана кораллом,
Как шеи черноглазых дев.

Забыв и озера картину,
И снежный пояс темных гор,
В тебя, родную мне рябину,
Впился мой ненасытный взор.

И предо мною — Русь родная;
Знакомый пруд, знакомый дом;
Вот и дорожка столбовая
С своим зажиточным селом.

Красавицы, сцепивши руки,
Кружок веселый заплели,
И хороводной песни звуки
Перекликаются вдали:

«Ты рябинушка, ты кудрявая,
В зелено̀м саду пред избой цвети,
Ты кудрявая, моложавая,
Белоснежный пух — кудри-цвет твои.

Убери себя алой бусою,
Ярких ягодок загорись красой;
Заплету я их с темно-русою,
С темно-русою заплету косой.

И на улицу, на широкую
Выду радостно на закате дня,
Там мой суженый черноокую,
Черноокую сторожит меня».

Но песней здесь по околотку
Не распевают в честь твою;
Кто словом ласковым сиротку
Порадует в чужом краю?

Нет, здесь ты пропадаешь даром,
И средь спесивых винных лоз
Не впрок тебя за летним жаром
Прихватит молодой мороз.

Потомка новой Элоизы
В сей романтической земле,
Заботясь о хозяйстве мызы,
Или по здешнему — ш а л е,

Своим Жан-Жаком как ни бредит,
Свой скотный двор и сыр любя, —
Плохая ключница, не цедит
Она наливки из тебя.

В сей стороне неблагодарной,
Где ты растешь особняком,
Рябиновки злато-янтарной
Душистый нектар незнаком.

Никто понятья не имеет,
Как благодетельный твой сок
Крепит желудок, сердце греет,
Вдыхая сладостный хмелёк.

Средь здешних всех великолепий
Ты, в одиночестве своем,
Как роза средь безлюдной степи,
Как светлый перл на дне морском.

Сюда заброшенный случайно,
Я, горемычный как и ты,
Делю один с тобою тайно
Души раздумье и мечты.

Так, я один в чужбине дальной
Тебя приветствую тоской,
Улыбкою полупечальной
И полурадостной слезой.

2 ноября 1854
Веве

Павел Александрович *КАТЕНИН*

1792—1853

ГЕНИЙ И ПОЭТ

(Отрывок)

Гений

Смелость хвальную ответа
Я достойно награжу:
Подвиг новый для поэта,
Подвиг славный укажу.
Зри: не буйная свобода,
Дщерь безумья и страстей,
Обольщение народа
И орудие вождей;
Не приманчивое слово,
Призрак юности слепой,
Изменяющий сурово
Угнетенному судьбой;
Не сорвавшаяся с плена
Львица, гладная людьми;
Не поющая сирена
В поле, устланном костьми;
Нет, но чуждое упрека
Чувство должностей и прав —
Гражданина-человека
В сердце врезанный устав;
Благотворная богиня
Вашингтоновой земли,
Где дотоль была пустыня,
С нею ж грады процвели;
Зри: она, победой новой
Множа прежних битв число,
Свежей ветвию лавровой
Красит светлое чело.
Зри: как в улии древесном
Пчел прилежных частый рой,
Воска в здании чудесном
Мед скопляющий златой,
Если пахарь-похититель
Труд и благо их смутит,
Вмиг в движеньи вся обитель:

С шумным гневом в бой летит;
Не жалея жизни, жало,
В плоть вонзаясь, точит кровь:
Дух велик, хоть силы мало;
Враг бежал — и стихли вновь.
Так, едва взошла денница,
Мирных се́лище гражда́н,
Многолюдная столица
Превратилась в ратный стан.
Стар и млад, богач и бедный —
Все с оружьем, все бойцы:
Тут снаряд везется медный;
Там сражаются стрельцы;
Здесь идут с заречья к бою:
Захлебнулся ими мост;
Здесь преградною стеною
Сложен каменный помост;
Кровли, свесы, окна, двери —
Мечут, сыплют, бьют, палят;
Там, в толпе, супруги, дщери
Снедью и питьем крепят;
Их заботливые руки
Треплют ветошь в чистый пух,
Их старанье ма́лит муки,
Их присутство множит дух.
Кто ж не дрогнет укоризны
Силе уступить, как раб,
Кто, природный сын отчизны,
Будет празден, робок, слаб,
Коль земель питомцы дальных,
Гости мирные гражда́н,
Не щадя трудов похвальных,
Носят страждущих от ран!
Коль пожатых честной битвой
Сами пастыри церквей
С слезной предают молитвой
Богу, судие царей!
Три дни бились; но победа
Лишь залог скрепила благ,
Злобы вмиг не стало сле́да:
Побежденный уж не враг.
Мир зовет их в те жилища,
Кои брань им заперла;
Там их ждет целенье, пища
И навек — забвенье зла.
Но глаза твои слезами
Блещут... пой! вот лира: пой!
Огнь посыплют струны сами
И польется песнь рекой.

Поэт

Нет; трепещущие длани
Опустилися к земле;
Глас спирается в гортани,
Очи плавают во мгле.
Как внезапно пробужденный
От ужаснейшего сна,
Дух не вспомнится смущенный,
В жилах кровь застужена;
Ряд чудовищных видений
Вкруг рождает темнота;
Больно сердцу от биений,
И бессильны дхнуть уста.

Гений

О несчастный, малодушный,
Не надежный на себя!
Сей ли мне прием радушный,
Сей ли отпуск от тебя?
Но чего тебе страшиться?
Отвечай: каких утех
Можешь ты еще лишиться,
Ты, давно лишенный всех?
Света ль роскошь и забавы
Вяжут цепию цветов?
Оглянись: одни дубравы
Там чернеют из снегов.
Здравия ль страшна утрата?
Ты уже простился с ним;
Может быть, жалеешь злата,
Ну́ждой бедности тесним?
Иль в дому твоем играет
Резвая детей семья?
Иль супруга утешает?
Или верные друзья?
Ты — один, и всею властью
Столь гнетет тебя судьба,
Что прибавить сил несчастью
Впредь вся власть ее слаба.
Но обидным опасеньем
Что так рано ноет дух?
Чей невинным песнопеньем
Прогневиться может слух?
Ариона лирой стройной
Моря сне́жились валы:
Смей явить свою достойной
Душ высоких похвалы.

Но решись, ярем сомнений
Сбрось, злосчастный человек!
Не принудь, чтоб я, твой Гений,
От тебя отстал навек.

И, потупив очи долу,
Долго бедственный поэт,
Чувств предавшись произволу,
Медлил молвить их ответ.
Наконец, как вдохновенный,
Руки к Гению воздел;
Но уж поздно: окриленный
Гость небесный улетел.

1830

Владимир Федосеевич РАЕВСКИЙ

1795—1872

НА СМЕРТЬ МОЕГО СКВОРЦА

Еще удар душе моей,
Еще звено к звену цепей!
И ты, товарищ тайной скуки,
Тревог души, страданий, муки,
И ты, о добрый мой скворец,
Меня покинул наконец!
Скажи же мне, земной пришлец,
Ужели смрад моей темницы
Стеснил твой дух, твои зеницы?
Но тихо всё... безмолвен он,
Мой юный друг, мой Пелисон,
И был свидетель Абеон
Моей встревоженной разлуки!
Так верю я, о жрец науки,
Тебе, о мудрый Пифагор!
Не может быть сей ясный взор,
Сей разногласный разговор,
Ко мне прилет его послушный
Уделом твари быть бездушной:
Он создан с нежною душой,
Он, верно, мучился тоской...
Как часто резвый голос свой
Он изменял на звук печальный,
Как бы внимая скорби тайной.
О вы, жестокие сердца!
Сотрите стыд души с лица,
Учитесь чувствам от скворца!
Он был не узник — и в темнице.
Летая вольных птиц в станице,
Ко мне обратно прилетал;
Мою он горесть уважал,
Для друга вольность забывал!
И все за то его любили,
И все за то скворца хвалили,
Что он, средь скорби и недуг,
И в узах был мне верный друг.

Что он ни мщения, ни мук
Для друга в узах не боялся
И другу смело улыбался.
Когда ж, как ржавчиною сталь,
Терзала грудь мою печаль,
Кому ж? — скворцу лишь было жаль!
И мнилось — пел мой друг сердечный:
«Печаль и жизнь не бесконечны».
И я словам его внимал,
И друга нежного ласкал,
И вдруг свободнее дышал.
Когда ж вражда со клеветою
В суде шипели предо мною
И тщетно я взывал права,
Он пел ужасные слова:
«Враги иссохнут, как трава».
И были то последни звуки,
И умер мой скворец со скуки!
О вы, жестокие сердца,
Сотрите стыд души с лица,
Учитесь чувствам от скворца!

1824

ПРЕДСМЕРТНАЯ ДУМА

Меня жалеть?.. О люди, ваше ль дело?
Не вами мне назначено страдать!
Моя болезнь, разрушенное тело —
Есть жизни след, душевных сил печать!

Когда я был младенцем в колыбели,
Кто жизни план моей чертил,
Тот волю, мысль, призыв к высокой цели
У юноши надменного развил.

В моих руках протекшего страницы —
Он тайну в них грядущего мне вскрыл:
И, гость земли, я, с ней простясь, входил,
Как в дом родной, в мои темницы!

И жизнь страстей прошла как метеор,
Мой кончен путь, конец борьбы с судьбою;
Я выдержал с людьми опасный спор
И падаю пред силой неземною!

К чему же мне бесплодный толк людей?
Пред ним отчет мой кончен без ошибки;
Я жду не слез, не скорби от друзей,
Но одобрительной улыбки!

Ноябрь 1842
Село Олонки

Михаил Александрович *ДМИТРИЕВ*

1796—1866

ОТВЕТ АКСАКОВУ НА СТИХОТВОРЕНИЕ «ПЕТР ВЕЛИКИЙ»

Священной памяти владыки
Да не касается укор!
С своей отчизны снял Великий
Застоя вечного позор.

Но, осветя ее наукой,
Ее он жизни не давил:
Ему князь Яков Долгорукой
Без страха правду говорил.

Пусть, ненавидя зло былое,
Себе избрал он путь иной,
Но, отвергая отжилое,
Стране своей он был родной.

Но в разрушеньи созидая,
Он вел нас к благу одному,
И завещал он, умирая,
Свой подвиг дому своему.

Его ль вина, что завещанье
Не в силу мудрого сынам
И тяжела, как наказанье,
Их власть покорным племенам;

Что, своротя с дороги правой
И отрекаясь от добра,
Они прикрылися лукаво
Великим именем Петра.

И стал им чужд народ им данный,
Они ему закрыли слух,
Ни русский в них, ни чужестранный,
Ни новый, ни старинный дух.

О нет! упадшая глубоко,
Родная наша сторона
Дух раболепного Востока
Безмолвно зреть осуждена.

Но пусть дней наших Валтасары
Кончают грешный пир, пока
Слова, исполненные кары,
Напишет грозная рука.

1845(?)

Вильгельм Карлович *КЮХЕЛЬБЕКЕР*

1797—1846

К МОЕМУ ГЕНИЮ

Приди, мой добрый, милый Гений,
Приди беседовать со мной!
Мой верный друг в пути мучений,
Единственный хранитель мой!

С тобой уйду от всех волнений,
От света убегу с тобой,
От шуму, скуки, принуждений!
О, возврати мне мой покой!

Главу с тяжелыми мечтами
Хочу на грудь твою склонить
И на груди твоей слезами
Больную душу облегчить!

Не ты, не ты моим страданьем
Меня захочешь упрекать,
Шутить над теплым упованьем
И сердце разумом терзать!

Но было время — разделенья
От братий ждал я, от друзей,—
Зачем тоски и наслажденья
Я не берег от их очей!

Безмолвный страж моей святыни,—
Я стану жить в одном себе:
О ней я говорю отныне,
Хранитель, одному тебе!

О ней! ее я обожаю,
Ей жизнь хотел бы я отдать!
Чего же я, чего желаю?
Чего желать? — любить, страдать!

Приди, о ты, мой добрый Гений,
Приди беседовать со мной,
Мой верный друг в пути мучений,
Единственный сопутник мой!

1818

ЛУНА

Тебя ли вижу из окна
Моей безрадостной темницы,
Златая, ясная луна,
Созданье божией десницы?

Прими же скорбный мой привет,
Ночное мирное светило!
Отраден мне твой тихий свет:
Ты мне всю душу озарило.

Так, может быть, не только я,
Страдалец, узник в мраке ночи, —
Быть может, и мои друзья
К тебе теперь подъемлют очи!

Быть может, вспомнят обо мне;
Заснут, — с молитвою, с любовью
Мой призрак в их счастливом сне
Слетит к родному изголовью.

Благословит их... но когда
На своде неба запылает
Передрассветная звезда —
Мой призрак, будто пар, растает.

<1828>

ОН ЕСТЬ

Он есть! — умолкни, лепетанье
Холодных, дерзостных слепцов!
Он есть! — я рук его созданье;
Он царь и бог своих миров;
В нем жизнь, и свет, и совершенство;
Благоговеть пред ним блаженство,
Блаженство называть творца
Священным именем отца.

«Не рвися думой за могилу:
Дела! дела! — вот твой удел!
Опрись о собственную силу,
Будь тверд, и доблестен, и смел!
Уверен ты в себе едином:
Так из себя всё почерпай, —
И мира будешь властелином,
И обретешь в себе свой рай».

Денницы падшего ученье!
Слиянье истины и лжи!
Мудрец! — я есмь в сие мгновенье;
А был ли прежде? — мне скажи!
Теперь я мыслю, — а давно ли?
И стал я от своей ли воли?
И как из недр небытия
Вдруг просияло это я?

«Владей страстьми!» — брось лицемерье,
Поведай: радость и печаль,
Любовь и гнев, высокомерье,
И страх, и зависть ты всегда ль
Смирял успешно? Крови пламень
Тушил всегда ли? — Я... не камень:
Бывал я выше суеты,
Но помощию с высоты.

Пусть ум не постигает бога:
Что нужды? — вижу я его:
Там среди звездного чертога,
Здесь в глуби сердца моего
И в чудесах моей судьбины!
Так буду жить я без кончины
Неразрушимым бытием,
Могущий, вечный, — но о нем!

Он недоступен для гордыни,
Он тайна для очей ума;
Блеснуть был должен луч святыни,
Чтобы расторглась наша тьма:
И се блеснул! Я вести внемлю:
Всевышний сам сошел на землю;
Отец духов, владыка сил,
Бог в сыне нам себя явил.

4—5 января 1835

Александр Ардалионович
ШИШКОВ

1799—1832

РОДИНА

Гонимый гневною судьбой,
Давно к страданьям осужденный,
Как я любил в стране чужой
Мечтать о родине священной!
Я вспоминать о вас любил,
Мои младенческие годы,
И юной страсти первый пыл,
И вьюга русской непогоды!

И я опять в стране отцов,
И обнял я рукою жадной
Домашних пестунов-богов;
Но неприветлив мрамор хладный,
И не приют родимый кров!
Простите ж, сладкие мечтанья
Души обманутой моей;
Как сын беды, как сын изгнанья,
По зыбкой влажности морей
Ветрилам легких кораблей
Препоручу мои желанья.

<1826>

ДЕМОН

К. К — у

Бывает время, разгорится
Огнем божественным душа!
И всё в глазах позолотится,
И вся природа хороша!
И люди добры, и в объятья
Они бегут ко мне как братья,
И, как любовницу мою,
Я их целую, их люблю.

Бывает время, одинокий
Брожу, как остов, меж людей,
И как охотно, как далёко
От них бежал бы в глушь степей,
В вертеп, где львенка кормит львица,
Где нянчит тигр своих детей,
Лишь только б не видать людей
И их смеющиеся лица.
Бывает время, в мраке ночи
Я робко прячуся от дня,
Но демон ищет там меня,
Найдет — и прямо смотрит в очи!
Моли, мой юный друг, моли
Творца небес, творца земли,
Чтобы его святая сила
Тебя одела и хранила
От ухищренной клеветы,
От ядовитого навета,
От обольщений красоты
И беснования поэта.

Сентябрь 1832

Александр Сергеевич *ПУШКИН*

1799—1837

К Н. Я. ПЛЮСКОВОЙ

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.
Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,
Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

1818

* * *

И я слыхал, что божий свет
Единой дружбою прекрасен,
Что без нее отрады нет,
Что жизни б путь нам был ужасен,
Когда б не тихий дружбы свет.
Но слушай — чувство есть другое:
Оно и нежит и томит,
В трудах, заботах и в покое
Всегда не дремлет и горит;
Оно мучительно, жестоко,
Оно всю душу в нас мертвит,

Коль язвы тяжкой и глубокой
Елей надежды не живит...
Вот страсть, которой я сгораю!..
Я вяну, гибну в цвете лет,
Но исцелиться не желаю...

<1818>

В. Л. ДАВЫДОВУ

Меж тем как генерал Орлов —
Обритый рекрут Гименея —
Священной страстью пламенея,
Под меру подойти готов;
Меж тем как ты, проказник умный,
Проводишь ночь в беседе шумной,
И за бутылками аи
Сидят Раевские мои —
Когда везде весна младая
С улыбкой распустила грязь,
И с горя на брегах Дуная
Бунтует наш безрукий князь...
Тебя, Раевских и Орлова,
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя.

На этих днях, среди собора,
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России
И с сыном птички и Марии
Пошел христосоваться в рай...
Я стал умен, я лицемерю —
Пощусь, молюсь и твердо верю,
Что бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи.
Говеет Инзов, и намедни
Я променял парнасски бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни,
Да на сушеные грибы.
Однако ж гордый мой рассудок
Мое раскаянье бранит,
А мой ненабожный желудок
«Помилуй, братец,— говорит,—
Еще когда бы кровь Христова
Была хоть, например, лафит...
Иль кло-д'вужо, тогда б ни слова,
А то — подумай как смешно! —
С водой молдавское вино».

Но я молюсь — и воздыхаю...
Крещусь, не внемлю сатане...
А всё невольно вспоминаю,
Давыдов, о твоем вине...

Вот эвхаристия другая,
Когда и ты, и милый брат,
Перед камином надевая
Демократический халат,
Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлою струей,
И за здоровье *тех и той*
До дна, до капли выпивали!..
Но *те* в Неаполе шалят,
А *та* едва ли там воскреснет...
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.
Ужель надежды луч исчез?
Но нет! — мы счастьем насладимся,
Кровавой чаши причастимся —
И я скажу: Христос воскрес.

<1821>

ДЕМОН

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья —
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, —
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистощимой клеветою
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

<1823>

* * *

Изыде сеятель сеяти семена своя.

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

<1823>

ПРОЗЕРПИНА

Плещут волны Флегетона,
Своды тартара дрожат,
Кони бледного Плутона
Быстро к нимфам Гелиона
Из аида бога мчат.
Вдоль пустынного залива
Прозерпина вслед за ним,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путем одним.
Пред богинею колена
Робко юноша склонил.
И богиням льстит измена:
Прозерпине смертный мил.
Ада гордая царица
Взором юношу зовет,
Обняла — и колесница
Уж к аиду их несет:
Мчатся, облаком одеты;
Видят вечные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Там бессмертье, там забвенье,
Там утехам нет конца.
Прозерпина в упоенье,
Без порфиры и венца,

Повинуется желаньям,
Предает его лобзаньям
Сокровенные красы,
В сладострастной неге тонет
И молчит и томно стонет...
Но бегут любви часы;
Плещут волны Флегетона,
Своды тартара дрожат:
Кони бледного Плутона
Быстро мчат его назад.
И Цереры дочь уходит,
И счастливца за собой
Из Элизия выводит
Потаенною тропой;
И счастливец отпирает
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетает
Сновидений ложный рой.

<1824>

* * *

Под каким созвездием,
Под какой планетою
Ты родился, юноша?
Ближнего Меркурия,
Аль Сатурна дальнего,
Марсовой, Кипридиной?

Уродился юноша
Под звездой безвестною,
Под звездой падучею,
Миг один блеснувшею
В тишине небес.

<1825>

СТАНСЫ

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

<1826>

АНГЕЛ

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

«Прости, он рек, тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал».

<1827>

ЧЕРЕП

Прими сей череп, Дельвиг, он
Принадлежит тебе по праву.
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу.

Почтенный череп сей не раз
Парами Вакха нагревался:
Литовский меч в недобрый час
По нем со звоном ударялся;
Сквозь эту кость не проходил
Луч животворный Аполлона;
Ну словом, череп сей хранил
Тяжеловесный мозг барона,
Барона Дельвига. Барон
Конечно был охотник славный,
Наездник, чаши друг исправный,
Гроза вассалов и их жен.
Мой друг, таков был век суровый,
И предок твой крепкоголовый
Смутился б рыцарской душой,
Когда б тебя перед собой
Увидел без одежды бранной,
С главою, миртами венчанной,
В очках и с лирой золотой.

Покойником в церковной книге
Уж был давно записан он,
И с предками своими в Риге
Вкушал непробудимый сон.
Барон в обители печальной
Доволен впрочем был судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербом гробницы феодальной
И эпитафией плохой.
Но в наши беспокойны годы
Покойникам покоя нет.
Косматый баловень природы,
И математик, и поэт,
Буян задумчивый и важный,
Хирург, юрист, физиолог,
Идеолог и филолог,
Короче вам — студент присяжный,
С витою трубкою в зубах,
В плаще, с дубиной и в усах
Явился в Риге. Там спесиво
В трактирах стал он пенить пиво,
В дыму табачных облаков;
Бродить над берегами моря,
Мечтать об Лотхен, или с горя
Стихи писать да бить жидов.
Студент под лестницей трактира
В каморке темной жил один;
Там, в виде зеркал и картин,
Короткий плащ, картуз, рапира
Висели на стене рядком.

Полуизмаранный альбом,
Творенья Фихте и Платона
Да два восточных лексикона
Под паутиною в углу
Лежали грудой на полу, —
Предмет занятий разнородных
Ученого да крыс голодных.
Мы знаем: роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищет;
Смеясь над глупой суетой,
В чулане он беспечно свищет.
Умеренность, вещал мудрец,
Сердец высоких отпечаток.
Студент однако ж наконец
Заметил важный недостаток
В своем быту: ему предмет
Необходимый был... скелет,
Предмет, философам любезный,
Предмет приятный и полезный
Для глаз и сердца, слова нет;
Но где достанет он скелет?
Вот он однажды в воскресенье
Сошелся с кистером градским
И, тотчас взяв в соображенье
Его характер и служенье,
Решился подружиться с ним.
За кружкой пива мой мечтатель
Открылся кистеру душой
И говорит: «Нельзя ль, приятель,
Тебе досужною порой
Свести меня в подвал могильный,
Костями праздными обильный,
И между тем один скелет
Помочь мне вынести на свет?
Клянусь тебе айдесским богом:
Он будет дружбы мне залогом
И до моих последних дней
Красой обители моей».
Смутился кистер изумленный.
«Что за желанье? что за страсть?
Идти в подвал уединенный,
Встревожить мертвых сонм почтенный
И одного из них украсть!
И кто же?.. Он, гробов хранитель!
Что скажут мертвые потом?»
Но пиво, страха усыпитель
И гневной совести смиритель,
Сомненья разрешило в нем.
Ну, так и быть! Дает он слово,
Что к ночи будет всё готово,

И другу назначает час.
Они расстались.
День угас;
Настала ночь. Плащом покрытый,
Стоит герой наш знаменитый
У галереи гробовой,
И с ним преступный кистер мой,
Держа в руке фонарь разбитый,
Готов на подвиг роковой.
И вот визжит замок заржавый,
Визжит предательская дверь —
И сходят витязи теперь
Во мрак подвала величавый;
Сияньем тощим фонаря
Глухие своды озаря,
Идут — и эхо гробовое,
Смущенное в своем покое,
Протяжно вторит звук шагов.
Пред ними длинный ряд гробов;
Везде щиты, гербы, короны;
В тщеславном тлении кругом
Почиют непробудным сном
Высокородные бароны...

Я бы никак не осмелился оставить рифмы в эту поэтическую минуту, если бы твой прадед, коего гроб попался под руку студента, вздумал за себя вступиться, ухватя его за ворот, или погрозив ему костяным кулаком, или как-нибудь иначе оказав свое неудовольствие; к несчастию похищение совершилось благополучно. Студент по частям разобрал всего барона и набил карманы костями его. Возвратясь домой, он очень искусно связал их проволокою и таким образом составил себе скелет очень порядочный. Но вскоре молва о перенесении бароновых костей из погреба в трактирный чулан разнеслася по городу. Преступный кистер лишился места, а студент принужден был бежать из Риги, и как обстоятельства не позволяли ему брать с собою б у д у щ е г о, то, разобрав опять барона, раздарил он его своим друзьям. Большая часть высокородных костей досталась аптекарю. Мой приятель Вульф получил в подарок череп и держал в нем табак. Он рассказал мне его историю и, зная, сколько я тебя люблю, уступил мне череп одного из тех, которым обязан я твоим существованием.

Прими ж сей череп, Дельвиг, он
Принадлежит тебе по праву.
Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу.
Изделье гроба преврати
В увеселительную чашу,

Вином кипящим освяти,
Да запивай уху да кашу.
Певцу Корсара подражай
И скандинавов рай воинский
В пирах домашних воскрешай,
Или как Гамлет-Баратынский
Над ним задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповедник,
Вином ли полный иль пустой,
Для мудреца, как собеседник,
Он стоит головы живой.

<1827>

КНЯЖНЕ С. А. УРУСОВОЙ

Не веровал я троице доныне:
Мне бог тройной казался всё мудрен;
Но вижу вас и, верой одарен,
Молюсь трем грациям в одной богине.

<1827>

ДРУЗЬЯМ

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнаньи жизнь моя,
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер — и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленьи,
Ему хвалы не воспою?

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя накличет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный,
Он скажет: просвещенья плод —
Разврат и некий дух мятежный!

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

<1828>

* * *

26 мая 1828

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

* * *

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.

Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет... по прежню следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

<1829>

* * *

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный.
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

Путешествуя в Женеву,
На дороге у креста
Видел он Марию деву,
Матерь господа Христа.

С той поры́, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

С той поры стальной решетки
Он с лица не подымал
И себе на шею четки
Вместо шарфа привязал.

Несть мольбы Отцу, ни Сыну,
Ни святому Духу ввек
Не случилось паладину,
Странный был он человек.

Проводил он целы ночи
Перед ликом пресвятой,
Устремив к ней скорбны очи,
Тихо слезы лья рекой.

Полон верой и любовью,
Верен набожной мечте,
Ave, Mater Dei[1] кровью
Написал он на щите.

Между тем как паладины
В встречу трепетным врагам
По равнинам Палестины
Мчались, именуя дам,

Lumen coelum, sancta rosa![2]
Восклицал всех громче он,
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон.

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключен,
Всё влюбленный, всё печальный,
Без причастья умер он;

Между тем как он кончался,
Дух лукавый подоспел,
Душу рыцаря сбирался
Бес тащить уж в свой предел:

Он-де богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа.

Но пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

<1829>

---

[1] Радуйся, божия матерь *(лат.)*.
[2] Свет небес, святая роза! *(лат.)*

* * *

Еще одной высокой, важной песни
Внемли, о Феб, и смолкнувшую лиру
В разрушенном святилище твоем
Повешу я, да издает она,
Когда столбы его колеблет буря,
Печальный звук! Еще единый гимн —
Внемлите мне, пенаты, — вам пою
Обетный гимн. Советники Зевеса,
Живете ль вы в небесной глубине,
Иль, божества всевышние, всему
Причина вы по мненью мудрецов,
И следуют торжественно за вами
Великий Зевс с супругой белоглавой
И мудрая богиня, дева силы,
Афинская Паллада, — вам хвала.
Примите гимн, таинственные силы!
Хоть долго был изгнаньем удален
От ваших жертв и тихих возлияний,
Но вас любить не остывал я, боги.
И в долгие часы пустынной грусти
Томительно просилась отдохнуть
У вашего святого пепелища
Моя душа — . . . . . зане там мир.
Так, я любил вас долго! Вас зову
В свидетели, с каким святым волненьем
Оставил я . . . . . людское племя,
Дабы стеречь ваш огнь уединенный,
Беседуя с самим собою. Да,
Часы неизъяснимых наслаждений!
Они дают мне знать сердечну глубь,
В могуществе и немощах его,
Они меня любить, лелеять учат
Не смертные, таинственные чувства,
И нас они науке первой учат —
Чтить самого себя. О нет, вовек
Не преставал молить благоговейно
Вас, божества домашние.

<1829>

Ефим Петрович
ЗАЙЦЕВСКИЙ

1801—1860

РАЗВАЛИНЫ ХЕРСОНЕСА

Я прихожу к тебе и тщетно б стал искать
Здесь града славного и поверять преданья:
Везде ничтожества и тления печать!
По сим ли насыпям и камням познавать
Следы блестящего держав существованья?
И это ли удел искусства и труда?
Печальный памятник и опыта и знаний!
Увы! таков конец всех наших начинаний:
Коснулось время к ним — и нет уж их следа!
Племен неверная история покажет
Страницы темные потерянных веков
И любопытному сомнительно расскажет
Бывалые дела исчезнувших жильцов:
Как в веки давние язычества кумиры
Сменились верою спасительной Христа;
Как рати двигались; слагалися порфиры
И пали смелые поборники креста! [1]
Но муза старины не все нам обновила —
Погибла слава лет и доблести отцов,
Их жизнь великую она не <сохранила>
Для песней и похвал возвышенных певцов!
. . . .
И поздний некогда потомок наш пойдет
Искать, где жили мы в успехах просвещенья, —
И пепла нашего жилища не найдет!

<1825>
Одесса

[1] Генуэзцы, побежденные в Крыму мусульманами.

Георгий (Егор) Федорович
РОЗЕН

1800—1860

ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ

Меня недуг измучил беспокойный;
Я памяти лишался... Кто-то, мне
Неведомый, в разгоряченном сне
Тогда предстал: то юноша был стройный,
Таинственный и чем-то неземной —
Но бледною был страшен красотой!
И кипарис и траурные розы
Вились венком в распущенных власах,
И, яркие, сияли на листах
Иль крупные жемчу́ги, или слезы!
Его покров — густая тьма ночей,
И крест златой в деснице! Взор очей
Разительной казался мыслью, чудным
Его души перуном иль лучом
Из горних мест! Я робкий взгляд на нем
Остановил — и жизнь дыханьем трудным
Чуть веяла в груди моей... Я знал,
Я чувствовал: он смерти ангел черный!
И смерти страх по сердцу протекал,
И жар меня томил и мраз тлетворный!
Он мне поднес священный крест: с креста
Какой-то огнь потек в мои уста,
Пронзительный, но чудно-благотворный, —
И засветлел внезапно гений черный:
Венок из роз, как звезды, вкруг чела,
Лицо горит румяною красою!
Как облако, над ним летает мгла,
И радуга над гордою главою
Торжественно сгибается... С рамен
Слетел покров — и улыбнулся он
И, крылия златые развевая
И крыльями шумящими махая,
Вспорхнул, исчез в сияньи... Вкруг меня,
Как море, блеск; бежали тени ночи,
И эмпирей восторгов и огня
Меня слепил... с трудом прозрели очи:
В них ударял восход светила дня.

<1829>

Василий Иванович ТУМАНСКИЙ

1800—1860

ЗЕНЕИДЕ

1

В любезной резвости своей
Вы сохранили детских дней
Простосердечные привычки.
Вас тешат бабушкины сны,
Наряды, пляски старины,
Цветы и комнатные птички.
Живя по воле каждый миг,
Вы избалованы бездельем,
И не привыкли для других
Счастливым жертвовать весельем.
Не раз пред модным женихом
Вы шутке вольной предавались,
Ловили поступь, речи в нем,
Или нахмуренным лицом
В беседе важной забавлялись.
Вы не умеете скучать:
Беспечной радостью, забавой
С рожденья прыгать, хохотать
Дано законное вам право.
Они заране от любви
Вас увели прекрасным следом,
И вашей младости неведом
Огонь, играющий в крови.
Непостижимы вам желанья
Неволи, милого страданья,
И к нежным бредням наших лет
У вас ни крошки веры нет.
Хотя (подслушав, что́ толкует
Язык молвы в досужный час)
Не первый юноша от вас
Украдкой плачет и тоскует...

2

Но всё изменится вокруг!
Придут и к вам иные годы
Похитить резвый ваш досуг,
Затеи детства и свободы.
Быть может, скоро, перестав
Утеху звать невинным взором,
Вы грустным встретите укором
Беспечных нынешних забав.
Вам будет жаль сих дней бесценных
В очаровании своем,
Ни с кем, ни с кем не разделенных
И не замеченных никем.
Вослед за томным размышленьем
Тоской, желаньем, огорченьем
Со всех сторон теснимый ум
Предастся жару новых дум,
Тогда простится с вами радость,
Тогда понятны будут вам
Тревоги, сродные сердцам,
Мечты, терзающие младость!..

Эпилог

Так непритворными стихами,
Без утомительных похвал,
Внушенный музою, пред вами
Я вас самих изображал.
Под небом юности прекрасной,
За рубежом грядущих дней
Мой взор следил ваш образ ясный,
Я пел вас лирою моей.
За то не осудите строго,
Когда, от правды отступя,
Иль предсказал я слишком много,
Иль слишком мало видел я.

18 сентября 1823

ИМЯ МИЛОЕ РОССИИ

У подножия Балкана,
На победных берегах,
Имя милое России
Часто на моих устах.

Часто, вырвавшись из града,
Всадник странный и немой,
Я в раздумьи еду, еду
Долго всё на север мой.

Часто, родина святая,
За тебя молюсь во сне;
Даже в образах чужбины
Верный лик твой светит мне.

Слышу ль моря плеск и грохот —
Я сочувственно горжусь,
Мысля: так гремит и плещет
Вновь прославленная Русь!

Вижу ль минарет, всходящий,
Белый, стройный, в облака, —
Я взываю: наша слава
Так бела и высока!

И, объятый гордой думой,
Я не помню сердца ран:
Имя милое России
Мне от скорби талисман.

Февраль 1830
Бургас

Евгений Абрамович
БАРАТЫНСКИЙ

1800—1844

* * *

Желанье счастия в меня вдохнули боги:
Я требовал его от неба и земли
И вслед за призраком, манящим издали,
    Жизнь перешел до полдороги.
Но прихотям судьбы я боле не служу:
Счастливый отдыхом, на счастие похожим,
Отныне с рубежа на поприще гляжу —
    И скромно кланяюсь прохожим.

<1823>, <1827>

* * *

Итак, мой милый, не шутя,
Сказав прости домашней неге,
Ты, ус мечтательный крутя,
На шибко скачущей телеге,
От нас, увы! далеко прочь,
О нас, увы! не сожалея,
Летишь курьером день и ночь
Туда, туда, к шатрам Арея!
Итак, в мундире щегольском,
Ты скоро станешь в ратном строе
Меж удальцами удальцом!
О милый мой! согласен в том:
Завидно счастие такое!
Не приобщуся невпопад
Я к мудрецам чрез меру важным.
Иди! воинственный наряд
Приличен юношам отважным.
Люблю я бранные шатры,
Люблю беспечность полковую,
Люблю красивые смотры,
Люблю тревогу боевую,
Люблю я храбрых, воин мой,
Люблю их видеть в битве шумной

Летящих в пламень роковой
Толпой веселой и безумной!
Священный долг за ними вслед
Тебя зовет, любовник брани;
Ступай, служи богине бед,
И к ней трепещущие длани
С мольбой подымет твой поэт.

<1820>, <1827>

* * *

В дорогу жизни снаряжая
Своих сынов, безумцев нас,
Снов золотых судьба благая
Дает известный нам запас:
Нас быстро годы почтовые
С корчмы довозят до корчмы,
И снами теми путевые
Прогоны жизни платим мы.

<1825>

* * *

Смерть дщерью тьмы не назову я
И, раболепною мечтой
Гробовый остов ей даруя,
Не ополчу ее косой.

О дочь верховного Эфира!
О светозарная краса!
В руке твоей олива мира,
А не губящая коса.

Когда возникнул мир цветущий
Из равновесья диких сил,
В твое храненье всемогущий
Его устройство поручил.

И ты летаешь над твореньем,
Согласье прям его лия,
И в нем, прохладным дуновеньем,
Смиряя буйство бытия.

Ты укрощаешь восстающий
В безумной силе ураган,
Ты, на брега свои бегущий,
Вспять возвращаешь Океан.

Даешь пределы ты растенью,
Чтоб не покрыл гигантский лес
Земли губительною тенью,
Злак не восстал бы до небес.

А человек! святая дева!
Перед тобой с его ланит
Мгновенно сходят пятна гнева,
Жар любострастия бежит.

Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Недоуменье, принужденье —
Условье смутных наших дней;
Ты всех загадок разрешенье,
Ты разрешенье всех цепей.

<1828>, <1834>

ПОСЛЕДНЯЯ СМЕРТЬ

Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье.
Он в полноте понятья своего,
А между тем как волны на него,
Одни других мятежней, своенравней,
Видения бегут со всех сторон:
Как будто бы своей отчизны давней
Стихийному смятенью отдан он;
Но иногда, мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим не откровенный.

Созданье ли болезненной мечты,
Иль дерзкого ума соображенье,
Во глубине полночной темноты
Представшее очам моим виденье?
Не ведаю; но предо мной тогда
Раскрылися грядущие года;
События вставали, развивались,
Волнуяся, подобно облакам,
И полными эпохами являлись
От времени до времени очам,
И, наконец, я видел без покрова
Последнюю судьбу всего живова.

Сначала мир явил мне дивный сад:
Везде искусств, обилия приметы;

Близ веси весь и подле града град,
Везде дворцы, театры, водометы,
Везде народ, и хитрый свой закон
Их в Эмпирей и в Хаос уносила
Живая мысль на крылиях своих;
Но по земле с трудом они ступали,
И браки их бесплодны пребывали.

Прошли века, и тут моим очам
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по суше, по водам,
Свершалася живущего судьбина.
Где люди? где? Скрывалися в гробах!
Как древние столпы на рубежах,
Последние семейства истлевали;
В развалинах стояли города,
По пажитям заглохнувшим блуждали
Без пастырей безумные стада;
С людьми для них исчезло пропитанье:
Мне слышалось их гладкое блеянье.

И тишина глубокая вослед
Торжественно повсюду воцарилась,
И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась.
Величествен и грустен был позор
Пустынных вод, лесов, долин и гор.
По-прежнему животворя природу,
На небосклон светило дня взошло;
Но на земле ничто его восходу
Произнести привета не могло:
Один туман над ней, синея, вился
И жертвою чистительной дымился.

<1827>

* * *

Предрассудок! он обломок
Давней правды. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал.

Гонит в нем наш век надменный,
Не узнав его лица,
Нашей правды современной
Дряхлолетнего отца.
Воздержи младую силу!
Дней его не возмущай;
Но пристойную могилу,
Как уснет он, предку дай.

<1841>

Александр Иванович *ОДОЕВСКИЙ*

1802—1839

* * *

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
И — лишь оковы обрели.

Но будь покоен, бард! — цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы!
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы!

Конец 1828 или начало 1829 (?)
Чита

ДВА ДУХА

Стоит престол на крыльях: серафимы,
Склоня чело, пылают перед ним;
И океан горит неугасимый —
Бесплотный сонм пред господом своим.
Все духи в дух сливаются единый,
И, как из уст единого певца,
Исходит песнь из солнечной пучины,
Звучит хвалу всемирного творца.
Но где средь волн сияет свет предвечный,
Уже в ответ звучнеют голоса
И, внемля им, стихают небеса,

Как струнный трепет арфы бесконечной...
«Вы созданы без меры и числа
Предвечных уст божественным дыханьем...
И бездна вас с любовью приняла,
Украсилась нетлеющим созданьем.
На чудный труд всевышний вас призвал:
Вам дал он мир, всю будущую вечность —
Но вещества, всю мира бесконечность —
На вечное строенье даровал.
Дольется ваша творческая сила!..
Блудящие нестройные светила
Вводите в путь, как стройный мир земной,
Как Землю. Духа вышнего строенье
Исполните изменчивые тленья
Своею неизменной красотой».
Замолкла песнь. Два духа светлым станом
Блеснули над бесплотным океаном;
Им божий перст на пропасть указал.
Под ними за мелькающей Землею
То тихо, то с порывной быстротою
Два мира, как за валом темный вал,
В бездонной мгле, светилами блестящей,
В теченьи, в вихре солнечных кругов,
Катились сред бесчисленных миров,
Бежали — в бесконечности летящей.

Склоняя взор пылающих очей,
Два ангела крылами зашумели,
Низринулись и в бездну полетели,
Светлее звезд, быстрее их лучей.
Минули мир за миром; непрерывно,
Как за волной волна падучих вод,
Всходил пред ними звездный хоровод;
И, наконец, в красе, от века дивной,
Явилась им Земля, как райский сон,
И одного из ангелов пленила.
Над нею долго... тихо... плавал он,
И видел, как божественная сила
Весь мир земной еще животворила.
Везде — черта божественных следов:
Во глубине бушующих валов,
На теме гор, встающих над горами.
Венчанные алмазными венцами,
Они метают пламя из снегов,
Сквозь радуги свергают водопады,
То, вея тихо крыльями прохлады
Из лона сенелиственных лесов,
Теряются в долинах благовонных,
И грозно вновь исходят из валов,
Из-под морей, безбрежных и бездонных.

Душистой пылью, негой всех цветов
И всех стихий величьем и красою,
Летая, ангел крылья отягчил,
И медленно поднялся над Землею,
И в бездну, сквозь златую цепь светил,
Летящий мир очами проводил.
Еще в себе храня очарованье,
Исполненный всех о́тцветов земных,
Всех образов недвижных и живых,
Он прилетел... и начал мирозданье...
Мир вдвое был обширнее Земли.
По нем живые воды не текли,
Весь мрачный шар был смесью безобразной.
Дух влагу свел и поднял цепи гор,
Вкруг темя их провел венец алмазный,
И на долины кинул ясный взор,
И, вея светозарными крылами,
Усеял их и лесом и цветами.
И Землю вновь, казалось, дух узрел.
Все образы земные вновь предстали,
Его опять собой очаровали,—
Другой же дух еще высоких дел
Не кончил. Он летал. Его дыханье,
Нетленных уст весь животворный жар
Пылал... живил... огромный, мертвый шар.
Изринулись стихии... Мирозданье
Вздрогну́ло... Трепет в недрах пробежал...
Все гласы бурь завыли; но покойно
В борьбе стихий, над перстию нестройной
Дух творческий и плавал и летал...
Покрылся мир палящей лавой; льдины,
Громады льдов растаяли в огне,
Распались на шумящие пучины,
И огнь потух в их мрачной глубине;
Взошли леса, в ответ им зашумели.
Но в круг лесов, высоких и густых,
Еще остатки пепельные тлели,
Огромные, как цепи гор земных.
Окончил дух... устроил мир обширный...
Взвился... очами обнял целый труд,
И воспарил. Пред непреложный суд
Два ангела предстали. Дух всемирный
С престола встал... Свой бесконечный взор
С высот небес сквозь бездну он простер...
Катится мир, но мир, вблизи прекрасный,
Нестроен был. Всё чуждое цвело,
Но образов и мера, и число
С объемом мира были несогласны.
Узрел господь, и манием перста
Расстроил мир. Земная красота,

Всё чуждое слетело и помчалось,
Сквозь цепь миров с Землею сочеталось.
Другой же мир, как зданье божьих рук,
Юнел. В красе явился он суровой,
Но в бездне он, — ответный звукам звук —
Сияет век одеждой вечно новой,
Чарует вечно юной красотой;
И, облит света горнего лучами,
Бесплотный Зодчий слышал глас святой,
Внимал словам, воспетым небесами:
«Ты к высшему стремился образцу,
И строил труд на вечном основаньи,
И не творенью, но творцу
Ты подражал в своем созданьи».

1831 или 1832 (?)

Федор Иванович *ТЮТЧЕВ*

1803—1873

14-е ДЕКАБРЯ 1825

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, —
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена —
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.
О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула —
И не осталось и следов.

1826

ПОЛДЕНЬ

Лениво дышит полдень мглистый;
Лениво катится река;
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет;
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

Между 1827—1830

<ИЗ «ФАУСТА» ГЕТЕ>

I

Звучит, как древле, пред тобою
Светило дня в строю планет
И предначертанной стезею,
Гремя, свершает свой полет!
Ему дивятся серафимы,
Но кто досель его постиг!
Как в первый день, непостижимы
Дела, всевышний, рук твоих!

И быстро, с быстротой чудесной,
Кругом вратится шар земной,
Меняя тихий свет небесный
С глубокой ночи темнотой.
Морская хлябь гремит валами
И роет каменный свой брег,
И бездну вод с ее скалами
Земли уносит быстрый бег!

И беспрерывно бури воют,
И землю с края в край метут,
И зыбь гнетут, и воздух роют,
И цепь таинственную вьют.
Вспылал предтеча-истребитель,
Сорвавшись с тучи, грянул гром,
Но мы во свете, вседержитель,
Твой хвалим день и мир поем.

Тебе дивятся серафимы!
Тебе гремит небес хвала!
Как в первый день, непостижимы,
Господь! руки твоей дела!
[...]

* * *

Как дочь родную на закланье
Агамемнон богам принес,
Прося попутных бурь дыханья
У негодующих небес, —
Так мы над горестной Варшавой
Удар свершили роковой,
Да купим сей ценой кровавой
России целость и покой!

Но прочь от нас венец бесславья,
Сплетенный рабскою рукой!
Не за коран самодержавья
Кровь русская лилась рекой!

Нет! нас одушевляло в бое
Не чревобесие меча,
Не зверство янычар ручное
И не покорность палача!

Другая мысль, другая вера
У русских билася в груди!
Грозой спасительной примера
Державы целость соблюсти,
Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать
И весть на подвиг просвещенья
Единомысленных, как рать.

Сие-то высшее сознанье
Вело наш доблестный народ —
Путей небесных оправданье
Он смело на себя берет.
Он чует над своей главою
Звезду в незримой высоте
И неуклонно за звездою
Спешит к таинственной мете!

Ты ж, братскою стрелой пронзенный,
Судеб свершая приговор,
Ты пал, орел одноплеменный,
На очистительный костер!
Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережем,
И наша общая свобода,
Как феникс, зародится в нем.

1831

* * *

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, —

Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

<1836>

* * *

Душа моя — Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам годины буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных.

Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?..

<1836>

КОЛУМБ

Тебе, Колумб, тебе венец!
Чертеж земной ты выполнивший смело
И довершивший наконец
Судеб неконченное дело,
Ты зáвесу расторг божественной рукой —
И новый мир, неведомый, нежданный,
Из беспредельности туманной
На божий свет ты вынес за собой.

Так связан, съединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества...
Скажи заветное он слово —
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его.

1844

ПРОРОЧЕСТВО

Не гул молвы прошел в народе,
Весть родилась не в нашем роде —
То древний глас, то свыше глас:
«Четвертый век уж на исходе, —
Свершится он — и грянет час!»

И своды древние Софии,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь.
Пади пред ним, о царь России, —
И встань как всеславянский царь!

1 марта 1850

ДВА ГОЛОСА

1

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!
Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы — молчат и оне.

Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги:
Бессмертье их чуждо труда и тревоги;
Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец.

2

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба.

Пускай Олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

1850 (?)

НАШ ВЕК

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он
И жаждет веры... но о ней не просит...

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! — Я верю, боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

10 июня 1851

* * *

Вот от моря и до моря
Нить железная скользит,
Много славы, много горя
Эта нить порой гласит.

И, за ней следя глазами,
Путник видит, как порой
Птицы вещие садятся
Вдоль по нити вестовой.

Вот с поляны ворон черный
Прилетел и сел на ней,
Сел, и каркнул, и крылами
Замахал он веселей.

И кричит он, и ликует,
И кружится всё над ней:
Уж не кровь ли ворон чует
Севастопольских вестей?

13 августа 1855

* * *

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил благословляя.

13 августа 1855

* * *

О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так, ты жилица двух миров,
Твой день — болезненный и страстный,
Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

1855

* * *

Он, умирая, сомневался,
Зловещей думою томим...
Но бог недаром в нем сказался —
Бог верен избранным своим...

Сто лет прошли в труде и горе —
И вот, мужая с каждым днем,
Родная Речь уж на просторе
Поминки празднует по нем...

Уж не опутанная боле,
От прежних уз отрешена,
На всей своей разумной воле
Его приветствует она...

И мы, признательные внуки,
Его всем подвигам благим
Во имя Правды и Науки
Здесь п а м я т ь в е ч н у ю гласим.

Да, велико его значенье —
Он, верный Русскому уму,
Завоевал нам Просвещенье,
Не нас поработил ему,—

Как тот борец ветхозаветный,
Который с Силой неземной
Боролся до звезды рассветной
И устоял в борьбе ночной.

Начало апреля 1865

* * *

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

28 ноября 1866

* * *

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?

Ужель навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?

Всё гуще мрак, всё пуще горе,
Всё неминуемей беда —
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись — теперь иль никогда...

20 декабря 1866

СОВРЕМЕННОЕ

Флаги веют на Босфоре,
Пушки празднично гремят,
Небо ясно, блещет море,
И ликует Цареград.

И недаром он ликует:
На волшебных берегах
Ныне весело пирует
Благодушный падишах.

Угощает он на славу
Милых западных друзей —
И свою бы всю державу
Заложил для них, ей-ей.

Из премудрого далека
Франкистанской их земли
Погулять на счет пророка
Все они сюда пришли.

Пушек гром и мусикия!
Здесь Европы всей привал,
Здесь все силы мировые
Свой справляют карнавал.

И при криках исступленных
Бойкий западный разгул
И в гаремах потаенных
Двери настежь распахнул.

Как в роскошной этой раме
Дивных гор и двух морей
Веселится об исламе
Христианский съезд князей!

И конца нет их приветам,
Обнимает брата брат...
О, каким отрадным светом
Звезды Запада горят!

И всех ярче и милее
Светит тут звезда одна,
Коронованная фея,
Рима дочь, е г о жена.

С пресловутого театра
Всех изяществ и затей,
Как вторая Клеопатра,
В сонме царственных гостей,

На Восток она явилась,
Всем на радость, не на зло,
И пред нею всё склонилось:
Солнце с Запада взошло!

Только там, где тени бродят
По долинам и горам
И куда уж не доходят
Эти клики, этот гам,—

Только там, где тени бродят,
Там, в ночи, из свежих ран
Кровью медленно исходят
Миллионы христиан...

Октябрь 1869

Александр Иванович *ПОЛЕЖАЕВ*

1804/1805 — 1838

РОК

Зари последний луч угас
В природе усыпленной;
Протяжно бьет полночный час
На башне отдаленной.
Уснули радость и печаль
И все заботы света;
Для всех таинственная даль
Завесой тьмы одета.
Всё спит... Один свирепый рок
Чужд мира и покоя,
И столько ж страшен и жесток
В тиши, как в вихре боя.
Ни свежей юности красы,
Ни блеск души прекрасной
Не избегут его косы,
Нежданной и ужасной!
Он любит жизни бурной шум,
Как любят рев потока,
Или как любит детский ум
Игру калейдоскопа.
Пред ним равны — рабы, цари;
Он шутит над султаном,
Равно как шучивал Али
Янинский над фирманом.
Он восхотел — и Крез избег
Костра при грозном Кире,
И Кир, уснув на лоне нег,
Восстал в подземном мире.
Велел — и Рима властелин —
Народный гладиатор,
И Русь, как кур, передушил
Ефрейтор-император.

Между 1826—1828

ПРОВИДЕНИЕ

Я погибал...
Мой злобный гений
Торжествовал!..
Отступник мнений
Своих отцов,
Враг угнетений,
Как царь духов,
В душе безбожной
Надежды ложной
Я не питал
И из Эреба
Мольбы на небо
Не воссылал.
Мольба и вера
Для Люцифера
Не созданы, —
Гордыне смелой
Они смешны.
Злодей созрелый,
В виду смертей
В когтях чертей —
Всегда злодей.
Порабощенье,
Как зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье.
Окаменен,
Как хладный камень,
Ожесточен,
Как серный пламень,
Я погибал
Без сожалений,
Без утешений...
Мой злобный гений
Торжествовал!
Печать проклятий —
Удел моих
Подземных братий,
Тиранов злых
Себя самих —
Уже клеймилась
В моем челе;
Душа ко мгле
Уже стремилась...
Я был готов
Без тайной власти
Сорвать покров
С моих несчастий.

Последний день
Сверкал мне в очи;
Последней ночи
Встречал я тень, —
И в думе лютой
Всё решено;
Еще минута
И... свершено!..
Но вдруг нежданный
Надежды луч,
Как свет багряный,
Блеснул из туч:
Какой-то скрытый,
Но мной забытый
Издавна бог
Из тьмы открытой
Меня извлек!
Рукою сильной
Остов могильный
Вдруг оживил, —
И Каин новый
В душе суровой
Творца почтил.
Непостижимый,
Неотразимый,
Он снова влил
В грудь атеиста
И лжесофиста
Огонь любви!
Он снова дни
Тоски печальной
Озолотил
И озарил
Зарей прощальной!
Гори ж, сияй,
Заря святая!
И догорай,
Не померкая!

Между 1826—1828

* * *

Притеснил мою свободу
Кривоногий штабс-солдат:
В угождение уроду
Я отправлен в каземат.
И мечтает блинник сальный
В черном сердце подлеца

Скрыть под лапою нахальной
Имя вольного певца.
Но едва ль придется шуту
Отыграться без стыда:
Я — под спудом на минуту,
Он — в болоте навсегда.

1828

ДУХИ ЗЛА

Есть духи зла — неистовые чада
Благословенного отца;
Удел их — грусть, отчаянье — отрада,
А жизнь — мученье без конца.

В великий час рождения вселенной,
Когда извлек всевышний перст
Из тьмы веков эфир одушевленный
Для хора солнцев, лун и звезд;

Когда творец торжественное слово
В премудрой благости изрек:
«Да будет прах величия основой!»
И встал из праха человек...

Тогда ему, светлы, необозримы,
Хвалу воспели небеса,
И юный мир, как сын его любимый,
Был весь — волшебная краса...

И ярче звезд и солнца золотого,
Как иорданские струи,
Вокруг его, властителя святого,
Вились архангелов рои.

И пышный сонм небесных легионов
Был ясен, свят перед творцом,
И на скрижаль божественных законов
Взирал с трепещущим челом.

Но чистый огнь невинности покорной
В сынах бессмертия потух —
И грозно пал, с гордынею упорной,
Высокий ум, высокий дух.

Свершился суд!.. Могучая десница
Подъяла молнию и гром —
И пожрала подземная темница
Богоотверженный Содом!

И плач, и стон, и вопль ожесточенья
Убили прелесть бытия,
И отказал в надежде примиренья
Ему правдивый судия.

С тех пор враги прекрасного созданья
Таятся горестно во мгле,
И мучит их, и жжет без сострađанья
Печать проклятья на челе.

Напрасно ждут преступные свободы:
Они противны небесам,
Не долетит в объятия природы
Их недостойный фимиам!

8 июля 1834
Село Ильинское

АТЕИСТУ

Не оглушайте вы меня
Ни вашим карканьем, ни свистом
Против начала бытия!
Смотря внимательно на вас,
Я не могу быть атеистом:
Вы без души, ума и глаз!

<1835>

ГАЛЬВАНИЗМ, ИЛИ ПОСЛАНИЕ К ЗЕВЕСУ

Le monde est plein des trompeurs
et des trompes.
N. M.[1]

Итак, узнал я наконец
Тебя, Зевес самодержавный!
Узнал, что мир — большой глупец,
А ты — проказник презабавный!
Два металлических кружка
Да два телятины куска
С цепочкой медной за ушами —
Вот тайна молний и громов,
Которыми, как чудесами,
Ты нас стращал из облаков.

[1] Мир полон обманщиков и обманутых. Н. М. (фр.).— Ред.

Гальвани с мертвою лягушкой
В лаборатории своей
Нам доказал, что ты людей
Всегда считал одной игрушкой!
Сын праха, слабый и глухой,
Под руководством гальванизма
Едва ль, Зевес, почтенный мой,
Я не сойду до атеизма!
К чему мне ты? Я сам Зевес!
Перуны, молнии и громы
Мне без обмана и чудес
Теперь торжественно знакомы!
Огонь и блеск в моих очах,
И гром и треск в моих ушах!
Я весь: разгульный шум Содома
И мусульманский вертоград
С тех пор, как дивный препарат
Из мяса, шелку и металла
Уснувших сил моих начала
Электризует и живит,
И всё вокруг меня нестройно,
Разнообразно, беспокойно,
Но гармонически звенит!
Итак, Зевес, мое почтенье!
Тебе я больше не слуга!
Я сам велик — еще мгновенье...
И вознесусь на облака!
Тогда, как вздорного соседа,
Тебя порядочно уйму,
А молодого Ганимеда,
Орла и Гебу отниму. [1]

1830-е годы

---

[1] Замечание. Это шуточное стихотворение написал я экспромтом в то время, когда один известный и опытный медик после долгого, неутомимого старанья возвратить мне слух, потерянный от сильной простуды, решился испытать надо мной силу гальванизма и я, в первый раз, почувствовал благотворное действие этого электричества.

Более полутора года я страдал почти совершенною глухотою и терял уже надежду на излечение, но гальванизм, искусно и осторожно приноровленный к моей болезни, возвратил мне слух в два месяца.

Никогда не забуду благородного медика, который посвятил свои глубокие познания пользе человечества, и уверен, что голос мой повторяется тысячами голосов людей, обязанных ему нередко самою жизнью.

Александр Фомич
ВЕЛЬТМАН

1800—1870

<ИЗ ПОВЕСТИ «СТРАННИК»>

1

В крылатом легком экипаже
Читатель, полетим, мой друг!
Ты житель севера, куда же?
На запад, на восток, на юг?
Туда, где были иль где будем?

В обитель чудных, райских мест,
В мир просвещенный, к диким людям
Иль к жителям далеких звезд
И дальше — за предел вселенной,
Где жизнь, существенность и свет
Смиренно сходятся на нет?
[...]

9

Кто слово Ветхого завета
Над мрачной бездной произнес
И искрой собственного света
Безбрежный озарил Хаос?
Не ты ли, Солнце? Что ж сгорело?
На запад светлый взор поник?
Где храм величественный Бела?
Где твой хранимый Вестой лик?
О, не гордись своею силой!
Всё славит ясный твой восход,
Доколь и над твоей могилой
Другое Солнце не взойдет!

10

С неизъяснимою досадой
В палатке я своей сидел;
Всё было занято осадой,
И я был занят кучей дел.

Передо мной, как ряд курганов,
Стопы бумаг, маршрутов тьма;
Вот век! В нем жить нельзя без планов,
Без чертежей и бе̇з письма!
Вот век! Старик скупой, угрюмый,
Окованный какой-то думой!
Как не припомнить давних дней,
Когда возил в походах Дарий
Постели вместо канцелярий,
А женщин вместо писарей.
То было время! Не по плану,
А просто шли искать побед;
При войске был всегда поэт,
Подобный барду Оссиану,
На поле славы дуб горел,
А он героев пел да пел!

<1828—1832>

<ПЕСНЯ РАЗБОЙНИКОВ

Из повести «Муромские леса»>

Что отуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что ты задумалась, девушка красная,
Очи блеснули слезой?

Жаль мне покинуть тебя, черноокую!
Певень ударил крылом,
Крикнул!.. Уж полночь!.. Дай чару глубокую,
Вспень поскорее вином!

Время!.. Веди мне коня ты любимова,
Крепче держи под уздцы!
Едут с товарами в путь из Касимова
Муромским лесом купцы!

Есть для тебя у них кофточка шитая,
Шубка на лисьем меху!
Будешь ходить ты вся златом облитая,
Спать на лебяжьем пуху!

Много за душу свою одинокую,
Много нарядов куплю!
Я ль виноват, что тебя, черноокую,
Больше, чем душу, люблю!

<1831>

Лукьян Андреевич
ЯКУБОВИЧ

1805—1839

ТРИ ВЕКА

Преданье есть: в минувши веки,
Там, при слияньи дивных рек,
Сошли на землю человеки...
И был тогда прекрасный век!
Как царь земли был здесь свободен,
И телом бодр, и чист умом,
И сердцем добр и благороден,
С открытым взором и челом!

Был век другой: умов волненье,
В сердцах страстей мятежный жар,
Вражда, корысть и исступленье
Раздули гибельный пожар.
Здесь человек утратил волю,
Одряхл и телом и умом —
И шел по жизненному полю,
Поникнув взором и челом!

Но в третий век прошла невзгода,
Затихла буря, свет проник,
И процвела опять природа,
И лучший мир опять возник.
И в этот век земную долю
Холодный опыт нам открыл,
И гордый ум, и сердца волю
Законам вечным подчинил!

1831

Дмитрий Петрович
ОЗНОБИШИН

1804—1877

АНТИАСТРОНОМ

Пусть астрономы говорят —
Морочить им не стыдно! —
Что солнцев тысячи горят, —
Нам всё одно лишь видно;
Что сонмы звездны в высоте,
Сгорев, потухнут разом,
Что все мы заперты в звезде,
Вокруг облитой газом.

Ведь им рассказывать простор!
Кто смерит неба стенки?
По мне, всё это — тонкий вздор,
Как пар кометы Энки.
От нас до тверди далеко,
Мы звезд видали ль диски?
Хоть заберемся высоко,
Всё будем к ним не близки.

Земное, право, ближе к нам,
И тут подчас проруха:
Фалеса, говорят, из ям
Таскала вверх старуха.

А всё от звезд... И что за цель
Глазеть на огневые?
Они за тридевять земель
Пусть будут хоть тройные.

Когда бы нам творец судил,
Окончив дней теченье,
Быть вновь жильцами тех светил —
Всё было б впрок ученье.
Но жажда истомит в Луне,
Юпитер долго в стуже,
На Солнце весь сгоришь в огне,
В других планетах — хуже.

Лишь дух слетит, как блеск из глаз,
    К возжегшему денницу,
Земля уложит остов наш
    В безмолвную ложницу,
И кости будут чернозем:
    Там силой благодатной,
Быть может, процветет на нем
    Цвет дивно ароматный.

Но в цвете том не быть душе, —
    Хоть море выдь из брега,
Хоть ветерок поверх дыши
    Лучей весенних негой,
Хоть светлым жемчугом роса
    Осыпься в венчик зыбкий, —
Он запах выльет в небеса
    Без скорби, без улыбки.

Друзья! пока играет кровь,
    Рассудок светел думой,
И в сердце ластится любовь,
    Оставим бред угрюмый.
Пусть спорит астроном до слез:
    «Родятся гроздья паром!»
Мы выжмем гроздья зыбких лоз,
    Ему ж все лозы — даром.

1834

Михаил Петрович
ЗАГОРСКИЙ

1804—1824

АНДРОМАХА

Быстро флот Агамемнона,
На развитых парусах,
Утекал от Илиона,
Обращенного во прах.
На закате свет румяный
Мраку ночи уступал,
Рог серебряный Дианы
В спящем море трепетал.

Воин, бранью утомленный,
Опочивши по трудах,
Край отчизны отдаленной
Видел в сладостных мечтах.
Только легкие порывы
Ветров, спутников судам,
Только кормчего отзывы
Разносились по водам.

Андромаха, в грусти слезной,
Сквозь синеющий туман,
Взор вперя на брег любезный,
Брег фригийских злачных стран,
Где безмолвною могилой
Взят ее супруга прах,
К ним неслась душой унылой
И стенала так в слезах:

«Ах, померкнул трон Приама,
Ах, померкнул он навек,
И падение Пергама
Торжествует лютый грек!
Пали мощные герои,
Как под градом цвет лугов,
И величье гордой Трои
Будет баснею веков.

Тщетно Зевс-громодержитель
Рать данаев отражал,
Тщетно, брани возбудитель,
Марс твердыни защищал:
Час, назначенный судьбою,
С бурным мщением притек,
И священною главою
Илион на прахе лег.

Вижу, вижу ужас боя,
Вижу смерти мрачный пир:
Брань неистовая, воя,
Гонит прочь веселый мир,
С адской радостью когтями
Кроткую оливу рвет
И над грозными полками
Смрадный пламенник трясет.

Гектор, Гектор мой любезный!
Ах, куда тебя стремит
Сила груди дерзновенной!
Храбрость стрел не отвратит:
Там Пелопса горды внуки,
Там коварный Одиссей,
Там Аяксы жаждут руки
Омочить в крови твоей.

Горе, горе мне, несчастной!
Там Пелея сын младой,
Мышцей, взорами ужасный,
Мчится гибельной грозой:
Перед ним бегут дружины,
Как пред вихрем роковым, —
Ах, супруг мой, ты ль единый,
Ты ль посмеешь биться с ним!

Щит печального Пергама,
Тронься горестью моей,
Тронься воплями Приама
И младенца пожалей!
Ты не внемлешь, — ах, жестокий,
Кто ж несчастным будет щит,
Кто их слезные потоки
И страданье утолит!

Разлученная с тобою,
Где покоем наслаждусь?
Где бессчастной головою
Безопасно я склонюсь?

Ах, смягчит ли вид мой бледный
Чуждых хладные сердца!
Нет ни матери у бедной,
Нет ни доброго отца!

В Плаке, венчанном лесами,
Обладатель Гетеон
Правил сильными мужами, —
Но, увы, погибнул он
Под десницею Ахилла!
Матерь, пленница врага,
В рабстве тягостном изныла:
Гроб ей чуждые брега.

Ты бежишь — но, ах уж поздно!
Прилетел ужасный миг;
Злобный враг несется грозно:
Свет, беги от глаз моих!
Смерти хладная обитель,
Дай ступить на твой мне праг!
Стой, суровый победитель,
И почти холодный прах!

Закатились очи ясны,
Бледны алые уста,
Страшен прежде вид прекрасный,
И завяла красота!
Борзый конь кипит и мчится,
И кровавою струей
Поле бранное багрится:
Вид ужасный для очей!

Скоро ль, скоро ль час кончины
Мне пошлет всесильный рок?
Я избуду злой кручины;
Слез иссякнет горький ток;
Там, в жилище безмятежном,
Вновь я сына обрету
И опять в супруге нежном
Счастье прежнее найду!»

Жертва горести и страха,
В сонме плачущих подруг,
Так стенала Андромаха;
Всё безмолвно было вкруг;
Рог серебряный Дианы,
Погружаясь, померкал,
И денницы свет румяный
На востоке возрастал.

<1824>

Дмитрий Владимирович ВЕНЕВИТИНОВ

1805—1827

СОНЕТ

К тебе, о чистый Дух, источник вдохновенья,
На крылиях любви несется мысль моя;
Она затеряна в юдоли заточенья,
И всё зовет ее в небесные края.
Но ты облек себя в завесу тайны вечной:
Напрасно силится мой дух к тебе парить.
Тебя читаю я во глубине сердечной,
И мне осталося надеяться, любить.

Греми надеждою, греми любовью, лира!
В преддверьи вечности, греми его хвалой!
И если б рухнул мир, затмился свет эфира
И хаос задавил природу пустотой, —
Греми! Пусть сетуют среди развалин мира
Любовь с надеждою и верою святой!

1825

РОДИНА

Природа наша, точно, мерзость:
Смиренно плоские поля —
В России самая земля
Считает высоту за дерзость —
Дрянные избы, кабаки,
Брюхатых баб босые ноги,
В лаптях дырявых мужики,
Непроходимые дороги,
Да шпицы вечные церквей —
С клистирных трубок снимок верный,
С домов господских вид мизерный
Следов помещичьих затей,
Грязь, мерзость, вонь и тараканы,
И надо всем хозяйский кнут —
И вот что многие болваны
«Священной родиной зовут».

1826

Виктор Григорьевич *ТЕПЛЯКОВ*

1804—1842

ДВА АНГЕЛА

...What glorious shape
Comesthis way moving; seems another morn
Ris'n on mid-noon...

Milton. Paradise Lost. B. V.[1]

...Sorrow seems
Half of his immortality...

Lord Byron. Cain[2]

1

Есть ангел; чистой красотою
Как вешний блещет он цветок,
Небес под утренней слезою
Свой распускающий шипок.
Его глава, как солнце мая,
Окружена лучами рая.
В его божественных очах
Невинность разума сияет;
На мелодических устах,
Как луч на розовых листках,
Любовь бессмертная играет.
Крылами тихо веет он —
И сфер поющих миллион
В эфире радостно катится.
Ночная ль песня соловья
Иль ропот дальнего ручья,
Как нектар, в душу вам струится —
То с нею ангел говорит.
Уст ароматных ли магнит
Иль розы вас влечет дыханье —
То льется ангела призванье.

---

[1] ...Что за величественная тень приближается;
будто второе утро встает в полдень...
Мильтон, Потерянный рай, кн. 5.— Ред.

[2] ...Скорбь, кажется,— половина его бессмертия...
Лорд Байрон, Каин.— Ред.

Атлас ли девственных ланит,
Зажженный поцелуем жарким,
Румянцем вспыхивает ярким —
То отблеск ангельских лучей
Со дна души наружу льется;
Сердечный голос — ангел сей;
Он блещет в магии очей,
Он над младенцем спящим вьется.
Посланник неба, мрак земной
Он солнцем правды озаряет,
Прощать обиды научает
И мир для юности живой
В поющий праздник превращает.
Он дружбы чистый льет бальзам,
Он облегчительным слезам
Страданья очи отверзает.
Он узнику в тюрьме глухой
Горит звездою избавленья
И грудь, пронзенную тоской,
Питает манной утешенья!..

Когда божественный слепец
Пел человека совершенство,
Любви невинность и блаженство
Двух первосозданных сердец, —
Не сей ли ангел солнце рая
Очам души его казал
И, мрак паденья разгоняя,
Пред ней эдем разоблачал?..

На лоне матери-природы
Он и мои младые годы
Когда-то розами венчал;
Игру младенца золотую
Благословеньем оживлял
И в сердце юноши святую
Миров гармонию вдыхал!..

2

Другой есть ангел; бурной ночи
Его подобна красота;
Змеиным жалом блещут очи,
Кровавым заревом уста.
Венец, из острых молний слитый,
Горит вкруг гордого чела,
И белоснежные ланиты
Дум необъятных кроет мгла.

С усмешкой он добро святое
У черной злобы зрит в когтях;
Могильный червь, ничтожный прах —
Пред ним величие земное.
Вы громкой жаждете ль молвы —
Он кажет цепь Наполеона;
Отчизне ль жизнь дарите вы —
Сверкает чашей Фокиона.
Любви ли вас влечет магнит —
Он о Жоконде говорит;
Вы Сминдирида ли судьбиной
Хотите век понежить свой [1] —
Над вашей он, из роз, периной
Вздымает череп гробовой!..
В его фиале мед с отравой —
Всемирной скорби океан;
Чары́ — в премудрости лукавой...
Струящий ненависть волкан —
Он против брата вам влагает
В десницу мстительный кинжал
И хладным пеплом осыпает
Любимый сердца идеал.
Предвечной бури бушеванье —
Его тлетворное дыханье.
Отпадших звезд крамольный царь,
То ядовитой он душою
В самом себе клянет всю тварь,
То рай утраченный порою,
Бессмертной мучимый тоской,
Как лебедь на лазури вод,
Как арфа чудная, поет...
[. . . .]
С тех пор как ты мой ум туманный,
О грозный ангел, посетил —
Какой-то голос дико-странный
В моей душе заговорил...
С тех пор в груди замерзли слезы,
Гляжу на всё с усмешкой я
И попираю жизни розы
В саду земного бытия!..

<1833>

---

[1] Сибарит, знаменитый своей негой и роскошью. Известна, между прочим, его мучительная бессонница от помятого листка роз, составлявших его перину.

Дмитрий Юрьевич *ТРИЛУННЫЙ (СТРУЙСКИЙ)*

1806—1856

СУДЬБА ГЕНИЯ

Не улыбнется мир угрюмый
И жизнь — как тяжкое ярмо
Тому, на чьем челе клеймо
Нарезано глубокой думы.
Сей сын небес, сей друг людей
Для многих в мире непонятен:
Его преследует злодей,
И дураку он неприятен.

<1830>

ДЕМОН

Во тьме, в которой нет рассвета,
Как беззаконная комета
Блуждает он, мрачнее тьмы.
Неложный призрак он поэта!
Ему подвластные умы
Воздвигли в честь его кумиры,
И у него есть в мире храм,
Толпы жрецов, рабы и лиры,
И гнусной лести фимиам.
Но не забыл он, неутешный,
Сиянье дивное небес,
И проклинает мир кромешный
И миг, как блеск его исчез!
И он, как червь, вселенну точит,
Зовет предвечного на брань,
И смехом яростным хохочет,
Когда, подъяв с громами длань,
На царство грешное обрушит,
Источник правды в нем иссушит
И вдруг безжалостной стопой
Его сотрет с коры земной!

О враг добра непримиримый,
Ужасен ты, неуловимый!
Везде нам виден образ твой;
Ты прозван случаем, <судьбой>,
И под покровом хитрой маски
Святые истины веков
Ты обращал в пустые сказки.
Среди таинственных гробов
Блестит во мгле твой факел ложный;
К нему спеша, мудрец безбожный
Влечет погибельной звездой
Толпу несчастных за собой...
Но и твое ужасно горе!
Нет радуги в ночи твоей,
Она как в льдяных латах море
Иль гроб без солнечных лучей!
Душой опальной, безнадежной
На муку вечности безбрежной
Ты вечно предан. Демон, плачь!
Кто Херувим был лучезарный,
Тот стал мучитель и палач!
Твоей душе неблагодарной
Нигде, ни в чем отрады нет;
Ты ненавидишь божий свет,
Его разрушить ты желал бы!
Вторично бога ты предал бы!
Но есть предел в твоих громах —
Ты сеешь смерть в своих гробах,
Но жизнь пробьется из могилы;
И смотришь ты, злодей унылый,
На вековечный божий цвет:
И для тебя надежды нет!

<1837>

Андрей Николаевич *МУРАВЬЕВ*

1806—1874

ПРОМЕТЕЙ

E caddi come corpo morte cade.
Dante[1]

По высям Кавказа скитается Дух —
 Суровый его повелитель,
Он царства свершает холодного круг,
 Снегов покидая обитель,
В порфире метелей, в венце ледяном,
И бури сзывает могучим жезлом!

Давно уж, в златые младенчества дни,
 Когда над цветущим созданьем
Носилися жизни приметы одни
 И смерть не была ожиданьем, —
На трон одинокий ступенями скал
Он шел и с улыбкой на землю взирал!

Внезапно исторгся орел из-под ног, —
 На кости стопа наступила.
Он стал, и без ужаса видеть не мог,
 Что птица впервые открыла:
Пред ним распростерся на диких скалах
Великого остов, иссохший в цепях!

Широкие кости окованных рук
 Свободно в железах ходили,
От ног раздавался пронзительный стук, —
 Их ветры о камень разили;
Но череп остаток власов развевал
И, страшно кивая, зубами стучал!

[1] И я рухнул как мертвое тело. *Данте (ит.).— Ред.*

Трепещущий Дух над костями стоит,
Впервые о смерти мечтает...
На светлый свой призрак уныло глядит
И с остовом грозным сличает.
Одни у них члены и те же черты, —
И смертию — Духа смутились мечты!

Он легкой рукою тяжелую кость
С трудом со скалы подымает,
Но с радостью видит, как тяжкая кость
Опять на скалу упадает...
А он, подымаясь, летает в зыбях!
«Бессмертен!» — и тщетный рассеялся страх!

Но Дух своенравный пылает стыдом,
Он мстит за минуту боязни,
И остов свергает могучим жезлом
Со скал — к довершению казни!
С вершины Кавказа, во звуке цепей,
Упал, рассыпаясь костьми, Прометей!

1825 или 1826

Андрей Иванович *ПОДОЛИНСКИЙ*

1806—1886

ИЗ ПОЭМЫ «СМЕРТЬ ПЕРИ»

И голова ее упала
Без сил на плечи; наконец
Потускли очи, как свинец,
И грудь приметно угасала.
Вдруг хор знакомых голосов
Ей слышен будто с облаков:

«Судья правосудный на троне сидит,
С любовью прощает, без гнева казнит!

Ты тяжкий грех пред богом совершила:
С земным в союз запретный ты взошла;
Земная жизнь ослушную казнила,
Чтоб муки ты земные поняла!

Но ты влеклась к проступку состраданьем,
И вздох любви на небе не забыт:
Искуплен грех любовью и страданьем,
А смерть — творца с созданием мирит!

Судья милосердый на троне сияет,
Казнит он без гнева, с любовью прощает!»

Хор замолк; и светлых крыл
Кто-то яркими лучами
Разом Пери обхватил,
Слил уста с ее устами,
И незримыми перстами
Сердце вдруг остановил.

Цепь земная разорвалась
Легче звука и мечты,
Пери вольная помчалась
В беспредельность высоты;

И навстречу ей, сияя,
Из отверстой двери рая,
В виде ярких облаков,
Вылетает сонм духов.
И он, недавно столько милый,
С своей подругой светлокрылой
Предстал, как прежде, перед ней,
Но в блеске славы и лучей...
Она летит к чете прекрасной,
Приемлет дружеский привет:
Уже в душе ее бесстрастной
Любви и ненависти нет!
И сбылося упованье!
Там, где жизнь и ликованье
Без границ и без конца,
Где возвышено созданье
Лицезрением творца,
Образ ангела прекрасный
Пери снова приняла,
Вновь, как в утро жизни ясной,
Розой райской расцвела,
И, как дней ее в начало,
Вновь ничто не возмущало
Мира сладкого души.
Только в утренней тиши,
Как с земли вставали звуки,
Билась грудь ее трудней:
Мнилось — прежние подруги
Откликались грустно к ней!

10 апреля 1834 — 21 марта 1836

Владимир Сергеевич *ПЕЧЕРИН*

1807—1885

<МОНОЛОГ ВОЛЬДЕМАРА>

(один; смотрит на часы)

Пробило десять. Так! Свершилось всё!
И к вековому зданью предрассудков
Я первый должен факел поднести?
Зажечь пожар неистовый, в котором
Столетье ветхое сгорит? Постой,
Безумный юноша! Что начинаешь ты?
Ты властен ли сказать огню: «Здесь твой предел!»,
Ты можешь ли из бурного хаоса
Могучим словом вызвать новый мир?

О, как страшно среди моря злого
Без руля и весел плыть!
И не знать магического слова,
Чтоб стихии усмирить!
И в борении ужасном
И бессильном волны рассекать,
К небу руки воздевать напрасно
И в слепой пучине утопать!

Так в долине погибает
В бурю стая голубков,
На скалы орел взлетает
Выше молний и громов.

Мощный дух стихии заклинает
И выходит светлый из валов;
Повелит — и возникает
Из хаоса новый ряд миров!

Зачем не суждено мне век прожить
В приюте селянина — мирном, тесном?
И в чаще сельского родного сада
Не слышать шума площади народной?

. . . .
. . . .

Нет, нет! О дух сомненья, удались!
Сам бог с младенчества меня избрал,
Да буду я вождем его народу:
Его десница привела меня
На стогны, в жизнь кипящую столицы;
Он дум божественных открыл мне тайны,
Мне очи прояснил, да вижу я
Неправды сильных, скорбь Его народа
И переполненную меру зла —
При корне дерева лежит секира;
Созрела жатва: ангелов своих
Владыка шлет исторгнуть плевелы.

Мне ль в бездействии, тоскуя,
Как былинке прозябать?
Нет! Я бог! Миры хочу я
Разрушать и созидать!
Дайте крылья! Дайте силы!
Дайте Леты мне испить,
Чтоб и дружбу, и всех милых,
И тебя, любовь, забыть!

Ринусь в дикое веков боренье!
Лавр меня победный обовьет;
Я паду — но песню искупленья
Надо мной столетье пропоет!

1833

Алексей Степанович *ХОМЯКОВ*

1804—1860

ЖЕЛАНИЕ

Хотел бы я разлиться в мире,
Хотел бы с солнцем в небе течь,
Звездою в сумрачном эфире
Ночной светильник свой зажечь.
Хотел бы зыбию стеклянной
Играть в бездонной глубине
Или лучом зари румяной
Скользить по плещущей волне.
Хотел бы с тучами скитаться,
Туманом виться вкруг холмов
Иль буйным ветром разыграться
В седых изгибах облаков;
Жить ласточкой под небесами,
К цветам ласкаться мотыльком
Или над дикими скалами
Носиться дерзостным орлом.
Как сладко было бы в природе
То жизнь и радость разливать,
То в громах, вихрях, непогоде
Пространство неба обтекать!

<1827>

СУД БОЖИЙ

Глас божий: «Сбирайтесь на праведный суд,
    Сбирайтесь к Востоку, народы!»
И, слепо свершая назначенный труд,
Народы земными путями текут,
    Спешат через бурные воды.

Спешат, и, кровавый предчувствуя спор,
    Смятенья, волнения полны,
Сбираются, грозный, гремящий собор,
На Черное море, на синий Босфор:
    И ропщут, и пенятся волны.

Чреваты громами, крылаты огнем,
Несутся суда — и над ними:
Двуглавый орел с одноглавым орлом,
И скачущий лев с однорогим конем,
И флаг под звездами ночными.

Глас божий: «Сбирайтесь из дальних сторон!
Великое время приспело
Для тризны кровавой, больших похорон:
Мой суд совершится, мой час положен,
В сраженье бросайтеся смело.

За веру безверную, лесть и разврат,
За гордость Царьграда слепую
Отману я дал сокрушительный млат,
Громовые стрелы и острый булат,
И силу коварную, злую.

Грозою для мира был страшный боец,
Был карой Восточному краю:
Но слышу я стоны смиренных сердец,
И ломаю престол, и срываю венец,
И бич вековой сокрушаю».

Народы собрались из дальних сторон:
Волнуются берег и море;
Безумной борьбою весь мир потрясен,
И стон над землею, и на море стон,
И плач, и кровавое горе.

Твой суд совершится в огне и крови:
Свершат его слепо народы...
О боже, прости их! и всех призови!
Исполни их веры и братской любви,
Согрей их дыханьем свободы!

22 марта 1854
Москва

РАСКАЯВШЕЙСЯ РОССИИ

Не в пьянстве похвальбы безумной,
Не в пьянстве гордости слепой,
Не в буйстве смеха, песни шумной,
Не с звоном чаши круговой;
Но в силе трезвенной смиренья
И обновленной чистоты
На дело грозного служенья
В кровавый бой предстанешь ты.

О Русь моя! как муж разумный,
Сурово совесть допросив,
С душою светлой, многодумной,
Идет на божеский призыв,
Так, исцелив болезнь порока
Сознаньем, скорбью и стыдом,
Пред миром станешь ты высоко,
В сияньи новом и святом!

Иди! тебя зовут народы!
И, совершив свой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни мир!
Иди! светла твоя дорога:
В душе любовь, в деснице гром,
Грозна, прекрасна, — ангел бога
С огнесверкающим челом!

3 апреля 1854

Степан Петрович *ШЕВЫРЕВ*

1806—1864

СОН

Мне бог послал чудесный сон:
Преобразилася природа,
Гляжу — с заката и с восхода
В единый миг на небосклон
Два солнца всходят лучезарных
В порфирах огненно-янтарных,
И над воскреснувшей землей
Чета светил по небокругу
Течет во сретенье друг другу.
Всё дышит жизнию двойной:
Два солнца отражают воды,
Два сердца бьют в груди природы —
И кровь ключом двойным течет
По жилам божия творенья,
И мир удвоенный живет —
В едином миге два мгновенья.

И с сердцем грудь полуразбитым
Дышала вдвое у меня,
И двум очам полузакрытым
Тяжел был свет двойного дня.
Мой дух предчувствие томило:
Ударит полдень роковой,
Найдет светило на светило,
И сокрушительной грозой
Небесны огласятся своды,
И море смерти и огня
Польется в жилы всей природы;
Не станет мира и меня...
И на последний мира стон
Последним вздохом я отвечу.
Вот вижу роковую встречу,
Полудня слышу вещий звон.

Как будто молний миллионы
Мне опаляют ясный взор,
Как будто рвутся цепи гор,
Как будто твари слышны стоны...

От треска рухнувших небес
Мой слух содрогся и исчез.
Я бездыханный пал на землю;
Прошла гроза — очнулся — внемлю:
Звучит гармония небес,
Как будто надо мной незримы
Егову славят серафимы.
Я пробуждался ото сна —
И тихо открывались очи,
Как звезды в мраке бурной ночи, —
Взглянул горе́: прошла война,
В долинах неба осиянных
Не видел я двух солнцев бранных —
И вылетел из сердца страх!
Прозрел я смелыми очами —
И видел: светлыми семьями
Сияли звезды в небесах.

Февраль 1827

<ДВА ДУХА>

Дух смерти

Везде, где ни промчался я,
Оскудевает жизни сила;
Ветшает давняя земля,
Веков несытая могила, —
И смерть столезвейной косой
Ее не утоляет глада,
И заражающего смрада
Она полна, как труп гнилой!

Дух жизни

Везде, где ни промчался я,
Кипели жизни хороводы;
Из персей пламенной природы
Млеко струилось бытия.
Младенцев свежих миллионы
Ее лелеяла рука,
И от живящего млека
Носился воздух благовонный.

Дух смерти

С Востока я: там мор и глад
О смерти гордо соревнуют;
Над прахом тлеющих громад
И враны даже не пируют.

Дух жизни

Я с Запада: там врач попрал
Болезни неисцельной жало,—
Из миллиона смерти жал
Еще единого не стало.

Дух смерти

С полудня я: там два бича
Живое истребляют племя,
Война и деспот в два меча
Торопят медленное время.

Дух жизни

Я с полночи: там светлый пир!
Живет и блещет цвет народа!
Там сочетались сильный Мир
И многоплодная Свобода.

Дух смерти

Я нисходил во глубь земли,
В ее богатую державу,
Где поколенья погребли
Свои сокровища и славу.
Равно гниют — рабы, князья,
И скудный саван, и порфира,
И снедью глупого червя
Богоизбранный гений мира.

Дух жизни

Зри колыбелей миллион:
В них зародился гений новый;
Дитя веков, созреет он —
И сокрушит твои оковы.
Благословен его восход:
Из океана поколений
По небу века он пройдет,
Как солнце ясное, без тени.

Дух смерти

Ты видишь миллион могил:
В них век его истлеет мертвый;
Одно из них закон судил
И для твоей высокой жертвы.

Дух жизни

Я вижу, вижу, но над ней
Стонает миллион живущих!..
Он из-под тысячи смертей
Воскреснет в племенах грядущих,
И оградят его века,
Стеной обстанут поколенья:
Сквозь них с косою истребленья
Не досягнет твоя рука.

22 апреля 1829
Берлин

Каролина Карловна
ПАВЛОВА

1807—1893

ДОЧЬ ЖИДА

Томно веют сикоморы,
Сад роскошный тих и нем;
Сон сомкнул живые взоры,
Успокоился гарем.

Что, главу склоня так низко,
В зале мраморной одна,
Что сидишь ты, одалиска,
Неподвижна и бледна?

Или слушаешь ты, дева,
Средь заветной тишины
Звуки дальнего напева,
Дальный гул морской волны? —

В область счастья, в область мира,
Красотой своей горда,
Ждет могучего эмира
Дочь единая жида.

Без заботы, без боязни
Здесь забудет, хоть на миг,
И победы он, и казни,
И врагов последний крик.

Много ль сладостных приманок
Для владыки ты найдешь?
Черноокиx ли гречанок
Песнь влюбленную споешь?

Или гурией небесной
Перед ним запляшешь ты?
Или сказкою чудесной
Развлечешь его мечты?

«Нет, не песней, нет, не сказкой
Встречу здесь владыку я,
Но святою, чистой лаской,
Лучше плясок и пенья́.

В этот жданный час отрады
Вспомню мать свою я вновь,
Все эмировы награды,
Всю эмирову любовь.

И узнает он немую
Думу тайную мою;
Тихим вздохом очарую,
Взором страстным упою.

И, склонясь с улыбкой нежной
К повелителю лицом,
Жар груди его мятежной
Усмирю моим ножом».

Январь 1840

* * *

Преподаватель христианский, —
Он духом тверд, он сердцем чист;
Не злой философ он германский,
Не беззаконный коммунист!

По собственному убежденью
Стоит он скромно выше всех!..
Невыносим его смиренью
Лишь только ближнего успех.

Около 1845

* * *

За деньги лгать и клясться рада
Ты, как безбожнейший торгаш;
За деньги изменишь, где надо,
За деньги душу ты продашь.

Не веришь ты, что, взяв их груду,
Быть может совесть не чиста,
И ты за то винишь Иуду,
Что он продешевил Христа.

Конец 1840-х годов

ЛАМПАДА ИЗ ПОМПЕИ

От грозных бурь, от бедствий края,
От беспощадности веков
Тебя, лампадочка простая,
Сберег твой пепельный покров.

Стоишь, клад скромный и заветный,
Красноречиво предо мной, —
Ты странный, двадцатисотлетный
Свидетель бренности земной!

Светил в Помпее луч твой бледный
С уютной полки, в тихий час,
И над язычницею бедной
Сиял, быть может, он не раз,

Когда одна, с улыбкой нежной,
С слезой сердечной полноты,
Она души своей мятежной
Ласкала тайные мечты.

И в изменившейся вселенной,
В перерожденьи всех начал,
Один лишь в силе неизменной
Закон бессмертный устоял.

И можешь ты, остаток хлипкий
Былых времен, теперь опять
Сиять над тою же улыбкой
И те же слезы озарять.

Февраль 1850

Николай Михайлович
ЯЗЫКОВ
1803—1846

К ХАЛАТУ

Как я люблю тебя, халат!
Одежда праздности и лени,
Товарищ тайных наслаждений
И поэтических отрад!
Пускай служителям Арея
Мила их тесная ливрея;
Я волен телом и душой.
От века нашего заразы,
От жизни бранной и пустой
Я исцелен — и мир со мной:
Царей проказы и приказы
Не портят юности моей.
И дни мои, как я в халате,
Стократ пленительнее дней
Царя, живущего некстати.

Ночного неба президент,
Луна сияет золотая;
Уснула суетность мирская —
Не дремлет мыслящий студент:
Окутан авторским халатом,
Презрев слепого света шум,
Смеется он, в восторге дум,
Над современным Геростратом.
Ему не видится в мечтах
Кинжалы Занда и Лувеля,
И наши слава-пустомеля
Душе возвышенной — не страх.
Простой чубук в его устах,
Пред ним, уныло догорая,
Стоит свеча невосковая;
Небрежно, гордо он сидит
С мечтами гения живого —
И терпеливого портного
За свой халат благодарит.

2 декабря 1823

Владимир Игнатьевич СОКОЛОВСКИЙ

1808—1839

* * *

Русский император
Богу дух вручил,
Ему оператор
Брюхо начинил.
Плачет государство,
Плачет весь народ—
Едет к нам на царство
Костюшка-урод.
Но царю вселенной,
Богу вышних сил,
Царь Благословенный
Грамотку вручил.
Манифест читая,
Сжалился творец—
Дал нам Николая,
Сукин сын, подлец.

1825

УТРО НА ЕНИСЕЕ

Кипучий, быстрый Енисей!
Неси меня своей волною;
Уж солнце всходит за горою,
Неси меня, неси скорей!

Как будто синий океан
Клубит под бурными ветрами,
Так над твоими островами
Клубится утренний туман.

Он подымался на утес,
Он заслонил его вершину,
Но ветер освежил долину
И в даль небес его унес!

Я видел: сквозь зеленый лес
Мелькали горы голубые,
И розы облаков младые,
И золотой пожар небес.

Гордись, река! Я трепетал
Перед надводными скалами;
Я жил тогда, когда мечтами
В стране возвышенной летал!

О Енисей! Увижу ль вновь
Твои пленительные волны,
И буду ли, восторга полный,
Тут петь творца, тебя, любовь?

Кипучий, быстрый Енисей!
Неси меня своей волною;
Уж солнце светит над горою
И цель близка... неси скорей!

26 июля 1828

<ИЗ ПОЭМЫ «МИРОЗДАНИЕ»>

Из главы 7

«ДЕНЬ ШЕСТЫЙ»

Хор небесных сил

Славен, силен Саваоф!
Дивен Ты в красах созданья
И святой Любовью Слов,
И могуществом Дыханья!

Как таинственно Оно
Прах и Дух соединило
И в творение одно
Мир безмерный отразило!
Ты дохнул — и прах восстал,
И, наполненный Тобою,
Непонятно просиял
Он небесной красотою.

Ты в него чудесно влил
Дивный Дух — светильник знанья,
Чтоб постиг и оценил
Он твои благодеянья.

Три начала слиты в нем:
Жизни, чувств и размышленья,
И себя, своим Отцом,
Передаст он в поколенья.

Исполняя Твой закон,
Свет разрушится веками,
И последний вал времен
Расплеснется над гробами.

Тлен и прах хаос возьмет,
Но бессмертное Дыханье
Исполином перейдет
Чрез могилу мирозданья.

И сольется вновь тогда
Здесь Оно с Твоей красою,
Как с блестящею зарею
Утра светлая звезда!

(1832)

Алексей Васильевич *КОЛЬЦОВ*

1809—1842

ИССТУПЛЕНИЕ

Духи неба, дайте мне
Крылья сокола скорей!
Я в полночной тишине
Полечу в объятья к ней!

Сладострастными руками
Кругом шеи обовьюсь,
Ее черными глазами
Залюбуюсь, загляжусь!

Беззаботно к груди полной,
Как пчела к цветку, прильну,
Сладострастьем усыпленный,
Беспробудно я засну.

1832

ПЕСНЯ

Ты не пой, соловей,
Под моим окном;
Улети в леса
Моей родины!

Полюби ты окно
Души-девицы...
Прощебечь нежно ей
Про мою тоску;

Ты скажи, как без ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Перед осенью.

Без нее ночью мне
Месяц сумрачен;
Среди дня без огня
Ходит солнышко.

Без нее кто меня
Примет ласково?
На чью грудь отдохнуть
Склоню голову?

Без нее на чью речь
Улыбнуся я?
Чья мне песнь, чей привет
Будет по сердцу?

Что ж поешь, соловей,
Под моим окном?
Улетай, улетай
К душе-девице!

1832

УДАЛЕЦ

Мне ли, молодцу
Разудалому,
Зиму-зимскую
Жить за печкою?

Мне ль поля пахать?
Мне ль траву косить?
Затоплять овин?
Молотить овес?

Мне поля — не друг,
Коса — мачеха,
Люди добрые —
Не соседи мне.

Если б молодцу
Ночь да добрый конь,
Да булатный нож,
Да темны леса!

Снаряжу коня,
Наточу булат,
Затяну чекмень,
Полечу в леса!

Стану в тех лесах
Вольной волей жить,
Удалой башкой
В околотке слыть.

С кем дорогою
Сойдусь, съедусь ли, —
Всякий молодцу
Шапку до земли!

Оберу купца,
Убью барина,
Мужика-глупца
За железный грош!

Но не грех ли мне
Будет от бога —
Обижать людей
За их доброе?

В церкви поп Иван
Миру гуторит,
Что душой за кровь
Злодей платится...

Лучше ж воином
За царев закон,
За крещеный мир
Сложить голову!..

1833

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА

(Дума)

Тучи носят воду,
Вода поит землю,
Земля плод приносит;
Бездна звезд на небе,
Бездна жизни в мире;
То мрачна, то светла
Чудная природа...

Старея в сомненьях
О великих тайнах,
Идут невозвратно
Веки за веками;
У каждого века
Вечность вопрошает:
«Чем кончилось дело?» —
«Вопроси другова», —
Каждый отвечает.

Смелый ум с мольбою
Мчится к провиденью.
Ты поведай мыслям
Тайну сих созданий!
Шлют ответ, вновь тайный,
Чудеса природы,
Тишиной и бурей
Мысли изумляя...

Что же совершится
В будущем с природой?..
О, гори, лампада,
Ярче пред распятьем!
Тяжелы мне думы,
Сладостна молитва!

1833

БОЖИЙ МИР

(Дума)

Отец света — вечность;
Сын вечности — сила;
Дух силы есть жизнь;
Мир жизнью кипит.
Везде триединый,
Воззвавший всё к жизни!
Нет века ему,
Нет места ему!
С величества трона,
С престола чудес
Божий образ — солнце
К нам с неба глядит
И днем поверяет
Всемирную жизнь.
В другом месте неба
Оно отразилось —
И месяцем землю
Всю ночь сторожит.
Тьма, на лоне ночи
И живой прохлады,
Все стихии мира
Сном благословляет.
Свет дает им силу,
Возрождает душу.
В царстве божьей воли,
В переливах жизни —
Нет бессильной смерти,
Нет бездушной жизни!

1837
Воронеж

Константин Александрович *БАХТУРИН*

1809—1841

ПЕСНЯ ЯМЩИКА

Аль опять
Не видать
Прежней красной доли?
Я душой
Сам не свой,
Сохну как в неволе.

А бывал
Я удал!
С ухарскою тройкой
Понесусь
И зальюсь
Песенкою бойкой!

Не кнутом,
Поведем
Только рукавицей —
И по пням,
По холмам
Мчат лошадки птицей!

Ни с слезой,
Ни с тоской
Молодец не знался, —
Попевал
Да гулял...
Вот — и догулялся!

Уж дугу
Не смогу
Перегнуть как надо;
Вожжи врозь,
Ну хоть брось!
Экая досада!

Ночью, днем
Об одном
Тяжко помышляю,
Всё по ней,
По моей
Лапушке страдаю!..

Аль опять
Не видать
Прежней красной доли?
Я душой
Сам не свой,
Сохну, как в неволе.

<1840>

Нестор Васильевич
КУКОЛЬНИК

1809—1868

<ИЗ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ФАНТАЗИИ «ТОРКВАТО ТАССО»>

Акт пятый

РИМ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Место перед Пантеоном.
Тасс и Мости (спящий у входа в Пантеон).

Тасс
(ходя около храма и осматривая)

О, кто тебя из камня изваял,
Великий храм, и на земле поставил,
Божественный венец искусства? Дивно
Твой купол вознесен под купол неба
И спорит с ним красой и велелепьем;
Как вечность, тянутся столпы; как мыслям
Великого ума, им нет числа;
И как мечты поэта, стройны, мрачны,
Они глядят с презрением на мир
И в небеса бегут, землей гнушаясь.
Как в зеркало, гляжусь я в этот храм —
И он меня так странно отражает!
Я вижу в нем себя—и не себя.
Мне кажется, он рук моих созданье;
Когда же я воздвиг его, не помню.
Смотрю, не насмотрюсь; он мне знаком..,
То славы храм, то Римский Пантеон!
Давно об нем певцы пропели песни,
Давно молва свое проговорила,
А он всё нов, дряхлея, молодится,
И нет конца его существованью!..

Те же и два германские путешественника.

Пер<вый> путеш<ественник>

Теперь никто не отвлечет внимания;
Мы можем оценить архитектуру...

Теряются за колоннами.

Тасс

Кто может оценить творенье неба,
Определить то чудо вдохновенья,
Которым здесь ознаменован гений?
Самонадеянность людей! Не стыдно ль
Желать вселенную поднять на плéчах,
На человеческих ничтожных плéчах!
Не стыдно ли с уверенностью дерзкой
Небесное земным умом ценить!
Благоговейте, если в силах! Только!
Довольно с вас! И то благодарите,
Что от суда такого добрый гений
Всего изящного не отвратился,
Не предал вас холодному забвенью
И гроб ваш посещать благоволит.
Но гений, я забыл, давно оставил
Земную твердь. Он снова в океане
Небесных волн ждет новых поколений;
И правда, некому теперь принять
Его на суетной земле, все люди
Окаменели: ужасы войны,
Кровь и пожар... Пожар! Что, если пламя,
Всеразрушающий, враждебный гений,
Как тать тебя, великий храм, обымет,
Предательским и жарким лобызаньем
Всего тебя обрушит в кучи пепла?
Падут твои безмерные столпы,
Глава твоя полгорода покроет,
И не спасет тебя зиждитель-гений!
Но как я прост! Я и забыл, что ты —
Прочнее моря, воздуха, земли
И всех стихий! Из камня, из бессмертья
Воздвигнут ты, и от стихий влиянья
Собой тебя закрыл зиждитель-гений!

<ПЕСНЯ ИЗ ДРАМЫ «КНЯЗЬ ДАНИИЛ ДМИТРИЕВИЧ ХОЛМСКИЙ»>

Ходит ветер у ворот,—
У ворот красотки ждет.
Не дождешься, ветер мой,
Ты красотки молодой.
Ай люли, ай люли,
Ты красотки молодой!

С парнем бегает, горит,
Парню шепчет, говорит:
«Догони меня, дружок,
Нареченный муженек!»

Ай люли, ай люли,
Нареченный муженек!
Ой ты, парень удалой,
Не гоняйся за женой!
Ветер дунул и затих,—
Без невесты стал жених.
Ай люли, ай люли,
Без невесты стал жених!

Ветер дунул, и Авдей
Полюбился больше ей...
Стоит дунуть в третий раз—
И полюбится Тарас!
Ай люли, ай люли,
И полюбится Тарас!

Июнь 1840

Е. БЕРНЕТ (Алексей Кириллович ЖУКОВСКИЙ)

1810—1864

<ИЗ ПОЭМЫ «ЕЛЕНА»>

НОЧЬ ДЕСЯТАЯ

ЕЩЕ СВИДАНИЕ

2

Оно раскрылось: при луне
Елена бледная в окне...
Когда, сломив цепей кольцо,
Окончив долгий путь разлуки,
Мы видим милое лицо,
Внимаем радостные звуки,
Когда восторги грудь стеснят,—
Уста в тот миг не говорят...
Напрасно сердце ищет речи:
Огонь очей, мгновенный крик—
Вот все приветы сладкой встречи,
Вот счастья огненный язык!
Так было с ним. Весь—исступленье,
Он руки поднял к высоте,
К печальной, дивной красоте,
К своей возлюбленной Елене!..
Он к ней хотел наверх лететь,
Сожечь горящими устами,
Схватить в объятья, умереть...
Но руки не были крылами!
Потом очнулся бурный ум,
Созрел перун во мраке дум—
И речи брызнули огнями.

3

«О, ты опять передо мной,
Моя сестра, моя царица!
Ты заблистала вновь, денница!
Ты рассветал, день голубой!
Ты разлилася, нега лета!
Ты веешь, вешний ветерок!

Цветнеешь, радуга завета!
Кипишь, живительный поток!..
И вся тепла ты, как моленье,
Тверда, как серафимов мочь,
Возвышенна, как вдохновенье,
Повита в таинства, как ночь!

Так, это ты! твой стан прекрасный,
Твое высокое чело!
О, не напрасно, не напрасно
Меня намеренье вело!
[...]

8

«Возьми ж меня!» — раздался крик —
И что-то с башни в этот миг,
Одеждой свиснув, как крылами,
Мелькнуло пред его глазами
И, как подстреленный орел,
Упало на гранитный пол...
Тяжелый стук!.. Но после стука
Ни вздоха, ни мольбы, ни звука!..
По членам пробежала дрожь;
Тот страшный звук, как острый нож,
Прорезал сердце — в сердце сломан,
Ум оглушил, как божий гром!..
Он к месту ужасом прикован,
Глядит наверх, глядит кругом —
И помутились думы, чувства...
На башне, у окна, — всё пусто:
Там только лампы бледный свет...
Елена — здесь, Елены — нет!..

9

Да, нет ее!.. Рыдай, злодей,
Рыдай напрасными слезами!
Ты, свирепейший из людей,
Чудовище под небесами!
Ты, мрачный дух, звезду затмил
Высокую между звездами,
Сожег цвет лучший меж цветами,
Ты херувима умертвил!..
О, никогда еще душа
Так бескорыстно не любила!
За что ж, безумием дыша,
Земная страсть ее убила?
Хотел ты, изверг, обнимать
Простого, чистого младенца;
Тебе ль ценить величье сердца,
Тебе ль святое понимать!..

Терзайся, сетуй и зови,
Зови и воплем и мольбою
В невинно пролитой крови
Лежащую перед тобою!
Увы, твой недоступен глас
Для той, которая не дышит —
И ныне в первый, первый раз
Покорный слух тебя не слышит!
Одел чело багровый цвет —
Оно не розами обвито!
На нем ужасной смерти след,
Оно растерзано, разбито!..
Рука хладна и тяжела,
Она тебя ласкала, лютый!
Грудь бездыханная жила
Тобой до страшной сей минуты!..

10

Тебе здесь места нет теперь,
Окровавленный, дикий зверь!
Беги из стороны родимой,
Скитайся грустным прошлецом,
Как Каин, господом гонимый!
Не будь ни братом, ни отцом,
Не знай отрады и удачи!
Пускай тебя покинет сон,
Пускай слезы не выжмешь в плаче,
Не вынудишь из груди стон!
Пускай ни общество, ни время
Твоих забот не уведет,
Пускай всегда тебя гнетет
Невыносимой скорби бремя!
Стань жизнь твоя как ночь и мгла,
Как призраки, виденья, грезы —
И не найди себе угла,
Где лить отвергнутые слезы!..

<*1837*>

Михаил Данилович *ДЕЛАРЮ*

1811—1868

ПАДШИЙ СЕРАФИМ

Гонимый грозным приговором,
За райским огненным затвором
Скитался падший серафим,
Не смея возмущенным взором
Взывать к обителям святым.
Ему владеющий вселенной,
Творец миров и горних сил,
За дух кичливый и надменный
Перуном крылья опалил:
С тех пор кляня существованье,
Творца и всё его созданье,
Вдали эдема он бродил.
Тоскою сердце в нем кипело,
Надежды чистый луч исчез...
Но вот однажды от небес
К нему раскаянье слетело
И сердце хладное согрело
Своей небесной теплотой:
С улыбкой нежной состраданья
Давно забытые мечтанья
Над ним взроилися толпой...

Поникнув мрачной головою,
В раздумьи тяжком он стоял;
Его тоскующей душою
Какой-то трепет обладал.
«Увы! — отверженный сказал. —
Не мне блистать в эдемском свете,
Не мне предвечного любовь!
Я крылья опалил в полете —
Могу ль лететь к эдему вновь?»

Сказал, и слез ручей обильный
Ланиты бледные свежит, —
Так цвет увядший надмогильный
Роса небесная живит.
И что же? Дивной красотою
Его шесть крыльев вновь цветут,
И он летит... туда, где ждут
Прощенных милостью святою.

1827

Евдокия Петровна РОСТОПЧИНА

1811—1858

ДУМА ВАССАЛОВ

Виноваты вы и правы оба!..
Непримирим ваш вечный спор!..
В жене понятны месть и злоба,
Борьбы отчаянный отпор,
А в муже — гнев за оскорбленья,
За вероломство многих лет!
Согласно жить вам средства нет!
Спасенье вам — разъединенье!
Ваш брак лишь грех и ложь!.. Сам бог
Благословить его не мог!..

Закон, язык, и нрав, и вера —
Вас разделяют навсегда!..
Меж вами ненависть без меры,
Тысячелетняя вражда!..
Меж вами память, страж ревнивый,
И токи крови пролитой...
Муж цепью свяжет ли златой
Порыв жены вольнолюбивой?..
Расстаньтесь!.. Брак ваш — грех!.. Сам бог
Благословить его не мог!..

22 сентября 1853
Вороново

ОТ ПОЭТА К ЦАРЯМ

Беда стране, где раб и льстец
Одни допущены к престолу!..
А. Пушкин

Не бойтесь нас, цари земные:
Не страшен искренний поэт,
Когда порой в дела мирские
Он вносит божьей правды свет.

Во имя правды этой вечной
Он за судьбой людей следит;
И не корысть, а пыл сердечный
Его устами говорит.

Он не завистник: не трепещет
Вражда в груди, в душе его;
Лишь слабых ради в сильных мещет
Он стрелы слова своего!..

Он враг лишь лжи и притеснений,
Он мрака, предрассудка враг;
В нем нет ни тайных ухищрений,
Ни алчности житейских благ.

Нет, не в упрек, не для обиды
Звучит его громовый стих,
Когда, глас высшей Немезиды,
Карает он и зло и злых, —

Он только верно выполняет
Свой долг святой пред божеством;
Он только громко повторяет,
Что честь и совесть скажут в нем!

Живет он средь житейской смуты
Не в свой, а в божий произвол;
На помощь дан для битвы лютой
Ему орудием глагол.

Не знает он любостяжанья;
Благоговейно принял он
От неба в дар свое призванье,
Добра желаньем вдохновлен.

Не нужно ничего поэту, —
Ни лент, ни места, ни крестов;
Поэт за благостыню эту
Вам не продаст своих стихов!

Зачем вельможные палаты
Тому, кто ищет высь небес?
Зачем блеск почестей и злата
Жильцу обители чудес?

Не бойтесь нас, земные власти, —
Но не гоните только нас:
Мы выше станем при несчастьи,
В гоненье дорастем до вас!

Под стражей общего вниманья
Растет и множится наш род;
За опалу, за поруганье
Любовью нам воздаст народ!

Молва за нас!.. Судьба бедою
Грозит ли нам издалека —
Уж над беспечной головою
Молвы хранящая рука!

Не обижайте нас — преданье
За нас потребует отчет
И в месть за нас, вам в наказанье,
И вас и нас переживет!

Не бойтесь нас!.. Мы правду знаем, —
Вам больше всех она нужна!
Мы смысл ее вам разгадаем,
Хоть вам не нравится она!

Не бойтесь нас!.. Мы правду скажем,
Народный глас к вам доведем,
И к славе путь мы вам укажем,
И вашу славу воспоем!

Но бойтесь уст медоточивых
Низкопоклонников, льстецов;
Но бойтесь их доносов лживых
И их коварных полуслов!

Но бойтесь похвалы лукавой
И царедворческих речей:
В них яд, измена и отрава,
Отрава царства и царей!

Но бойтесь всех подобострастных,
Кто лижут, ластятся, ползут...
Они вас, бедных, самовластных,
И проведут и продадут!

Они поссорят вас с народом,
Его любовь к вам охладят
И неминуемым исходом
Пред вами нас же обвинят!

Август 1856
Москва

Алексей Васильевич
ТИМОФЕЕВ

1812—1883

СВАДЬБА

Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами;
Нам не пели ни гимнов,
Ни обрядов венчальных!

Венчала нас полночь
Средь мрачного бора;
Свидетелем были
Туманное небо
Да тусклые звезды;
Венчальные песни
Пропел буйный ветер
Да ворон зловещий;
На страже стояли
Утесы да бездны,
Постель постилали
Любовь да свобода!..

Мы не звали на праздник
Ни друзей, ни знакомых;
Посетили нас гости
По своей доброй воле!

Всю ночь бушевали
Гроза и ненастье;
Всю ночь пировали
Земля с небесами;
Гостей угощали
Багровые тучи.
Леса и дубравы
Напились допьяна,
Столетние дубы
С похмелья свалились;
Гроза веселилась
До позднего утра.

Разбудил нас не свекор,
Не свекровь, не невестка,
Не неволюшка злая —
Разбудило нас утро!
Восток заалелся
Стыдливым румянцем;
Земля отдыхала
От буйного пира;
Веселое солнце
Играло с росою;
Поля разрядились
В воскресное платье;
Леса зашумели
Заздравною речью;
Природа в восторге,
Вздохнув, улыбнулась...

21 февраля 1834

Николай Платонович
ОГАРЕВ

1813—1877

АЛХИМИК

В убогой келье в час ночной
Сидел один монах седой.
Свеча горела перед ним;
Он пальцем тощим и сухим
В фольанте лист уж пожелтелый
Ворочал тихо и несмело.

Потом реторту робко взял
И горн с усильем раздувал.
Кипела жидкость; смрад и дым
Носились в воздухе над ним.
Но труд, надеждою богатый,
Был тщетен вновь — не вышло злата.

Еще бледнее стал старик
И головой на грудь поник.
«Я целый век мой с юных лет
Жить для науки дал обет.
Я сердца сжал в себе движенья,
Отверг любовь и наслажденье.

Да судит бог! я не искал,
Когда я злато добывал,
Ни денег, ни людских похвал.
В природе лишь узнать желал
Я пульса каждое биенье
И тайный ход всего творенья.

Трудился днем, не спал ночей!
И черный лоск с моих кудрей
Уже давным-давно сбежал,
И ничего я не узнал!
К чему ж я был влеченью верен?
Надежды нет — мой труд потерян!»

Старик средь гнева и тоски
Разбил реторту на куски,
И книгу сжег и на пол пал,
Закрыл глаза и не вставал...
И только смрадный дым из горна
Над ним носился клубом черным.

(Конец 30-х гг.).

ДВОЙНИК

Тихо все ночью и стогны в покое,
В доме здесь прежде живала она,
Город покинут ей давней порою,
Дом же остался, как в те времена.
Кто-то стоит тут и кверху взирает,
Руки ломает, измучен тоской.
Страшно мне! Месяц его озаряет —
Боже! то сам я стою пред собой.
Ты — мой двойник, ты — товарищ мой бледный,
Что передразнивать вздумал меня,
Так же томиться, как некогда, бедный,
В долгие ночи томился и я.

(1840)

ПРОЩАНЬЕ С КРАЕМ, ОТКУДА Я НЕ УЕЗЖАЛ

Прощай, прощай, моя Россия!
Еще недолго — и уж я
Перелечу в страны чужие,
В иные, светлые края.
Благодарю за день рожденья,
За ширь степей и за зиму,
За сердцу сладкие мгновенья,
За горький опыт, за тюрьму,
За благородные желанья,
За равнодушие людей,
За грусть души, за жажду знанья,
И за любовь, и за друзей, —
За все блаженство, все страданья;
Я все люблю, все святы мне
Твои, мой край, воспоминанья
В далекой будут стороне.
И о тебе не раз вздохну я,
Вернусь — и с теплою слезой
На небо серое взгляну я,
На степь под снежной пеленой...

(1840)

ТАНТАЛ

Вокруг меня журчит струя,
Но до воды хочу лишь я
Коснуться жаркими устами,—
Она уж льется прочь волнами;
С дерев прибережных ко мне
С плодами ветви гнутся, гнутся,
Но лишь хочу сорвать—оне
Вдруг зашумят и разогнутся,
И, насмехаясь в вышине,
Плоды далеко остаются.
И страшным голодом томим,
И страшной жаждою палим,
Дышу тревожно я, дыханье
Мое—огонь, внутри горит,
Гортань суха, тоска томит,
И даже слез нет на страданье!..
О! если бы когда-нибудь
С своих высот взглянули боги—
Как у меня ввалилась грудь,
Как исхудали руки, ноги,
Наружи ребра, желчина
Покрыла впалые ланиты,
Глаза безумные открыты,
Ни день, ни ночь не зная сна,—
Им стало б жаль... Но без вниманья
К моей страдальческой судьбе
Они едят и пьют себе,
Всегда довольны, без желанья.
А я томлюся день и ночь
И мук не в силах превозмочь,
И в ваш Олимп недостижимый
Проклятье, боги, вам я шлю
За голод мой неутолимый,
За жажду вечную мою!
За то, что вы всегда в покое
И что мученье—жизнь моя,
И наконец проклятье вдвое
За то, что все ж бессмертен я!

(1841)

АМЕРИКА

Среди океана
Лежала страна,
И были покойны
Ее племена.

Под небом лазурным
    Там пальмы росли
На почве обильной
    Прекрасной земли.
Беспечны и вольны
    Там были — отцы,
И жены, и дети,
    И мужи — бойцы.
Пришли европейцы:
    Земля им нужна —
И стали туземные
    Гнать племена.
И всех истребили, —
    Последний бежал,
В лесах проскитался,
    Без вести пропал.
Нет даже преданий!
    Прошло время то,
И как оно жило —
    Не знает никто.
И знаем мы только:
    Теперь его нет!
Зачем оно было?
    Кто даст мне ответ?

(Январь 1842)

Александр Пантелеймонович *БАЛАСОГЛО*

1813—1862 (?)

А. Н. В.[1]

Я был тогда еще ребенок,
И в городке глухих невежд
Вертел, угрюмый дикаренок,
Калейдоскоп своих надежд,
Когда, гуляя да мечтая,
Я вдруг подслушал у молвы,
Что есть поэт Бахчисарая,
Кавказ, Тригорское и вы.
О, как я бросился в расспросы,
Как стал просить, искать стихов!
И вот на жаркие упросы
Мне сдал журналы весь Тучков.
Тогда всходил «Московский вестник»
Витией славы на амвон
И «Телеграф», его совместник,
Еще был молод и учен.
Тогда еще жужжала скромно
Свои суждения «Пчела»,
Злой «Инвалид» хромал бездомно,
Сбираясь бить из-за угла,
И, вероятно, строя куры
Всему Парнасу наших муз,
Учил афишечный наш вкус
Ждать «Новостей литературы».
И много было всех имен
В ту благодатную годину:
О многих нет уж и помину,
Другие ждут иных времен.
Что до меня, в то время славы
Я привязался всей душой
К Москве и к «Вестнику»; но нравы
Уж там не те, и я другой.
Тогда не то: там был властитель
Всех дум России, всех сердец,

[1] Печатается с сокращениями.— *Ред.*

Мой дальний идол, мой учитель,
Он, незабвенный ваш певец!
Он, светозарный ум народа!
Несоблазнимый бич толпы,
Могучий гений перехода
С одной тропы на все тропы!
Он, дикий вопль, смягченный думой,
Высокий гимн в чаду пиров,
С душой то страстной, то угрюмой,
И с дивной музыкой стихов.
Каким обдуманным призваньем
Сияла мысль его чела!
Каким уверенным шаганьем
Он шел, сознав, что Русь пошла!
Как волновал он силой звуков
Всё поколение вперед,
И сколько нас и сколько внуков
Еще он двинет в новый ход!
Я упивался одиноко
Его Тиртеевским умом,
Когда безгранно и глубоко
Страдал и жил его стихом,
То умиление молитвы,
То необузданность любви,
То гвалт пиров, то клики битвы
Рождали жар в моей крови.
Я весь дрожал, не чуя сердца,
И замирала голова,
Когда объяли нововерца
Его волшебные слова.
[...]
О, было время, гимн пророка
Творил пророка из меня,
Душа стонала без упрека,
И я, горя, молил огня.
Но что ж? — Влюбленный в этот «Вестник»,
Приют их всех, его родни,
Я стал их друг, их брат-ровесник,
И вот я здесь — а где они?
Где мой волшебник, мой Языков,
С разгульной чашей, с красотой,
С цевницей песен, с пиром кликов,
С своей тригорскою душой?
Где Веневитинов? — угрюмец,
Философ жизни в двадцать лет,
Он, сирый в мире вольнодумец,
Осиротивший мир и свет!
Где грустный демон Подолинский,
С глухим гудением стиха?..

Где Баратынский — Баратынский,
Ум, падший ангел без греха!
Где Хомяков, младенец веры,
С живой мелодиею строф?
Где русский Мур ирландской сферы,
Всегда задумчивый Козлов?
Где Ознобишин, мой восточник,
Игривый, страстный, полный сил?
Где этот Дельвиг, полуночник?..
Увы, как много уж могил!..
[...]
Литература стала рынок,
Где всё продажно — ум и яд,
Позор фигляров, гуд волынок
И вой раздавленных ребят.
За тьмой возов не видно храмов,
А вместо гимнов и молитв
Стоит содом от буйных хамов
И сплошь азарт кулачных битв!..

Теперь я понял превосходно
Ту раздражительную грусть,
Какой дышал он благородно,
Учимый Русью наизусть.
Вот он зачем, вплетаясь в братство
К паркетной черни, целый век
Ценил в душе аристократство,
Хоть был и русский человек.
Его рассудку было стыдно
Тонуть в ничтожестве певцов,
Ему убийственно-обидно
Казалось братство гаеров.
Он боязливо ненавидел
Нагое равенство людей,
И в мышцах гадов гений видел
Всю нищету своих идей.
Спасая честь своей особы
От пятен давки без борьбы,
Когда вокруг медузы злобы, —
Один эгид — свои рабы.
Но мог ли б он, дитя свободы,
Скликать готовых в кабалу? —
Он, воплощенный гнев природы
На снопы рабствующих злу!
[.....]

Но он погиб. Борьба со светом —
Недолго чистая борьба...
Остался б просто он поэтом
Вдали, в глуши... Судьба! Судьба!

Какие жертвы ни приносит
Всеобщей жизни человек,
Его не ждет, его не просит,
Его отталкивает век.
Найти свой рок в простом повесе!..
Но это волки, это лес,
И есть всегда в подобном лесе
Свой Равальяк и свой Дантес.
Убийца был простой образчик
Тех отвратительных начал,
К которым трость и полуплащик
Так чудно идут в куклах зал.
Россия выставила гений,
Они — Европа на Руси,
Арена диких вожделений —
Слепили крест: возьми, неси!
Поэт поднял и нес достойно,
Пока мальчишка, в свой черед,
Не вздумал тешиться, спокойно
Ища над гением острот,
И он нашел. Поэт поддался,
Толпа захлопала — ура!!!
«Попался умник! Что? попался?
Шабаш! пора шута с двора!»
Что оставалось тут поэту?
Просить, унизиться, снести?
Сойти со сцены? сдаться свету
На мудро начатом пути?
Пропасть в толпу, в толкучий рынок,
На посмеяние рабам?..
Нет, поединок! поединок!
Стереть обидчика и срам!
Они стрелялись. Где? — в Европе!
Стал ярый гений — стал глупец.
Есть смерть в угаре, есть в утопе,
И есть надежда на свинец.
Судьба решит, кто ей дороже:
Глупец иль гений. — Раз-два-три!..
Кого же нет?.. О боже, боже!
Он жив, но жив лишь до зари.
Зачем, зачем они хоронят
Его столь пышным большинством:
Его уж ниже не уронят
И не подымут торжеством.
Зачем идут в широких шляпах
Факелоносцы в два ряда?
К чему огни в презренных лапах?
Погашена его звезда.
Зачем так медленно ступает
Хор этих певчих?.. Ноты... флер...

О, как мне душу раздирает
Печальным воем этот хор!
Зачем идут они с крестами?
Не воскресить его, отцы!
«Молите господа сердцами!
Молитесь, братия-слепцы!»
Зачем под черные попоны
Впрягли так много лошадей?
Пусть ездят цугом на поклоны
Да давят этаких людей.
К чему на этом катафалке
Стоит такой богатый гроб?
Его богатство было в палке,
Которой гений бил особ.
Зачем в мундирах, в звездах, в лентах
Идет пешком вся эта знать?
Ей ни в стихах, ни в монументах
Себя пред ним не оправдать.
На что в плерезах эти розы?
О лица женщин, это вы.
К чему, к чему все эти слезы!
Не переплакать вам молвы.
Зачем терзает так размерно
Глухая музыка толпу?
Все переходно, все неверно!
Мы все к могиле бьем тропу.
[....]
Многоученая Европа,
Конечно, права между тем:
Мы прозябали вне окопа
Всех политических систем.
Ее искусства и науки
Цвели без нас и не для нас:
Рим передал не в наши руки
Останки свитков, вилл и ваз.
Не нам, не нам — ее народам
Да будет слава и позор,
Что, в торжестве чужим невзгодам,
Они валят к нам весь свой сор.
Но мы из этого же сора
Всё извлечем, всё разберем
И бурей, жаждущей простора,
Весь мир целебно обожжем.

Конечно, Русь и не вносила
Своих богов в их пантеон,
Одна ее крутая сила
Вставала пугалом племен.
Но, может быть, не так мы дики,
Как величает нас Париж,

И наши воинские клики
Не всё, чем бредит их вертиж.
Придет пора, — и я уверен,
Что после Пушкина уж нам
Не так отчаян и безмерен
Шаг к их всемирным образцам.
Чтó был он, в самом деле, в мире,
Который он же нам открыл,
Как не отзыв на русской лире
Тому, что Запад пел и выл?
Как не последний отголосок,
Которым русская душа
Сдалась, их «буйный недоносок»,
На песнь народа-торгаша?
Лорд Байрон был певец страданья
О том, что мир так зло нечист,
Глубокий вопль самосознанья,
Что человек есть эгоист.
Но человек не англичанин:
Он и торгаш и людоед,
Однако ж был у них же Каннин,
У них же был и сам поэт.
Россия приняла стихии
Всей европейской кутерьмы.
И вот явился и в России
Такой же Байрон на умы.
Но он, высокий обожатель
Всемирно первого певца,
Не как невольный подражатель
Достиг народного венца.
Он тем велик, что, совпадая
С печалью английской души,
Постиг мечту родного края
И огласил ее в глуши.
Что пел Державин одиноко,
Что Ломоносов сознавал,
То Пушкин выстрадал глубоко
И пред Европой отстоял.
Придет пора, и будут люди:
Он оправдается, зачем,
Едва раскрыв для песен груди,
Он чуть не смолк было совсем.
Никто не чувствовал в то время,
Когда он думал и не пел,
Какое тягостное бремя
Судьба дала ему в удел.
Его разрозненная школа
Едва ли знает и сама,
Что романтизм его раскола
Был гимн не русского ума.

Один Языков, может статься,
Как выраженье сам себя,
Учась, студентствуя, любя,
Умел по-русски выражаться;
И, может быть, еще досель
Не перестал в странах ученых
Учиться просто у мудреных,
Не льстясь на гниль и скороспель.
[...]
А я давно благословляю
Свою бесцветную судьбу,
Что я хоть изредка видаю
Тех, кто постиг мою борьбу.
И что, гонявшись так напрасно
За тем, кого теперь — увы! —
Уж и оплакивать опасно,
Я очутился там, где вы:
Где есть ценящие в столице —
По виду русской — русский ум;
Где мнится мне, хоть он в гробнице,
Его приходом всякий шум;
Где мысль его авторитета
Цветет живей его письмен
И где бессмертный лавр поэта
Уж обнял буквы всех имен.

8 февраля 1840

Михаил Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ

1814—1841

ПИР

Приди ко мне, любезный друг,
Под сень черемух и акаций,
Чтоб разделить святой досуг
В объятьях мира, муз и граций.
Не мясо тучного тельца,
Не фрукты Греции счастливой
Увидишь ты; не мед, не пиво
Блеснут в стакане пришлеца;
Но за столом любимца Феба
Пирует дружба и она;
А снедь — кусок прекрасный хлеба
И рюмка красного вина.

<1829>

МОЙ ДЕМОН

Собранье зол его стихия.
Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев желтых, облетевших
Стоит его недвижный трон;
На нем, средь ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.
Он недоверчивость вселяет,
Он презрел чистую любовь,
Он все моленья отвергает,
Он равнодушно видит кровь,
И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,
И муза кротких вдохновений
Страшится неземных очей.

<1829>

К ДРУГУ

Взлелеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкою душой,
Я не пленен небесной красотой,
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдет, как тень пустого сна.
Не буду я счастливым близ прекрасной;
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, друг, узнать не должен, кто она.
Навек мы с ней разлучены судьбою,
Я победить жестокость не умел.
Но я ношу отказ и месть с собою;
Но я в любви моей закоренел.
Так вор седой заглохшия дубравы
Не кается еще в своих грехах;
Еще он путников, соседей страх,
И мил ему товарищ, нож кровавый!..
Стремится медленно толпа людей,
До гроба самого от самой колыбели,
Игралищем и рока и страстей
К одной, святой, неизъяснимой цели.
И я к высокому, в порыве дум живых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставлю их...

<1829>

МОНОЛОГ

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете.
К чему глубокие познанья, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?
Мы, дети севера, как здешние растенья,
Цветем недолго, быстро увядаем...
Как солнце зимнее на сером небосклоне,
Так пасмурна жизнь наша. Так недолго
Ее однообразное теченье...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжко, и душа тоскует...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша;
И уж ничто души не веселит.

<1829>

Н. Ф. И. ...ВОЙ

Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье;

Счастливцы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.

Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы примирила ты
С людьми и с буйными страстями;

Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился изумленный,
Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослепленный.

Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,
Однако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился,

К тому, чего даны в залог
С толпою звезд ночные своды,
К тому, что обещал нам бог
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы.

Но пылкий, но суровый нрав
Меня грызет от колыбели...
И в жизни зло лишь испытав,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум, печальной цели.

<1830>

К***

Не думай, чтоб я был достоин сожаленья,
Хотя теперь слова мои печальны; — нет;
Нет! все мои жестокие мученья —
Одно предчувствие гораздо больших бед.

Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел;
У нас одна душа, одни и те же муки;
О если б одинаков был удел!..

Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я душой,
Любил закат в горах, пенящиеся воды,
И бурь земных и бурь небесных вой.

Как он, ищу спокойствия напрасно,
Гоним повсюду мыслию одной.
Гляжу назад — прошедшее ужасно;
Гляжу вперед — там нет души родной!

<1830>

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

<1830>

СЧАСТЛИВЫЙ МИГ

Не робей, краса младая,
Хоть со мной наедине;
Стыд ненужный отгоняя,
Подойди — дай руку мне.

Не тепла твоя светлица,
Не мягка постель твоя,
Но к устам твоим, девица,
Я прильну — согреюсь я.

От нескромного невежды
Занавесь окно платком;
Ну, — скидай свои одежды,
Не упрямься, мы вдвоем;
На пирах за полной чашей,
Я клянусь, не расскажу
О взаимной страсти нашей;
Так скорее ж... я дрожу.

О! как полны, как прекрасны,
Груди жаркие твои,
Как румяны, сладострастны
Пред мгновением любви;
Вот и маленькая ножка,
Вот и круглый гибкий стан,
Под сорочкой лишь немножко
Прячешь ты свой талисман;

Перед тем чтобы лишиться
Непорочности своей,
Так невинна ты, что, мнится,
Я, любя тебя, — злодей.
Взор, склоненный на колена,
Будто молит пощадить;
Но ужасным, друг мой Лена,
Миг один не может быть.

Полон сладким ожиданьем
Я лишь взор питаю свой;
Ты сама, горя желаньем,
Призовешь меня рукой;
И тогда душа забудет
Всё, что в муку ей дано,
И от счастья нас разбудит
Истощение одно.

<1831>

АНГЕЛ

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез,
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

<1831>

* * *

Настанет день — и миром осужденный,
Чужой в родном краю,
На месте казни — гордый, хоть презренный —
Я кончу жизнь мою;
Виновный пред людьми, не пред тобою,
Я твердо жду тот час;
Что смерть? — лишь ты не изменись душою —
Смерть не разрознит нас.
Иная есть страна, где предрассудки
Любви не охладят,
Где не отнимет счастия из шутки,
Как здесь, у брата брат.
Когда же весть кровавая примчится
О гибели моей
И как победе станут веселиться
Толпы других людей;
Тогда... молю! — единою слезою
Почти холодный прах
Того, кто часто с скрытною тоскою
Искал в твоих очах
Блаженства юных лет и сожаленья;
Кто пред тобой открыл
Таинственную душу и мученья,
Которых жертвой был.
Но если, если над моим позором
Смеяться станешь ты
И возмутишь неправедным укором
И речью клеветы
Обиженную тень, — не жди пощады;
Как червь, к душе твоей

Я прилеплюсь, и каждый миг отрады
  Несносен будет ей,
И будешь помнить прежнюю беспечность,
  Не зная воскресить,
И будет жизнь тебе долга, как вечность,
  А всё не будешь жить.

<1831>

ПИР АСМОДЕЯ

(Сатира)

У беса праздник. Скачет представляться
Чертей и душ усопших мелкий сброд,
Кухмейстеры за кушаньем трудятся,
Прозябнувши, придворный в зале ждет.
И вот за стол все по чинам садятся,
И вот лакей картофель подает,
Затем что самодержец Мефистофель
Был родом немец и любил картофель.

По правую сидел приезжий <Павел>,
По левую начальник докторов,
Великий Фауст, муж отличных правил
(Распространять сужденья дураков
Он средство нам превечное доставил).
Сидят. Вдруг настежь дверь и звук шагов:
Три демона, войдя с большим поклоном,
Кладут свои подарки перед троном.

1-ый демон (говорит)

Вот сердце женщины: она искала
От неба даже скрыть свои дела
И многим это сердце обещала
И никому его не отдала.
Она себе беды лишь не желала,
Лишь злобе до конца верна была.
Не откажись от скромного даянья,
Хоть эта вещь не стоила названья.

«C'est trop commun!» [1] — воскликнул бес
                                        державный
С презрительной улыбкою своей.
«Подарок твой подарок был бы славный,
Но новизна царица наших дней;

---

[1] Это слишком пошло! *(фр.)*

И мало ли случалося недавно,
И как не быть приятных мне вестей;
Я думаю, слыхали даже стены
Про эти бесконечные измены».

2-ой демон

На стол твой я принес вино свободы;
Никто не мог им жажды утолить,
Его земные опились народы
И начали в куски короны бить;
Но как помочь? кто против общей моды?
И нам ли разрушенье усыпить?
Прими ж напиток сей, земли властитель,
Единственный мой царь и повелитель.

Тут все цари невольно взбеленились,
С тарелками вскочили с мест своих,
Боясь, чтобы черти не напились,
Чтоб и отсюда не прогнали их.
Придворные в молчании косились,
Смекнув, что лучше прочь в подобный миг;
Но главный бес с геройскою ухваткой
На землю выплеснул напиток сладкой.

3-ий демон

В Москву болезнь холеру притащили.
Врачи вступились за нее тотчас,
Они морили и они лечили
И больше уморили во сто раз.
Один из них, которому служили
Мы некогда, вовремя вспомнил нас,
И он кого-то хлору пить заставил
И к прадедам здорового отправил.

Сказал и подает стакан фатальный
Властителю поспешною рукой.
«Так вот сосуд любезный и печальный,
Драгой залог науки докторской.
Благодарю. Хотя с полночи дальной,
Но мне милее всех подарок твой».
Так молвил Асмодей и всё смеялся,
Покуда пир вечерний продолжался.

(1830—1831)

СМЕРТЬ ПОЭТА

> Отмщенья, государь, отмщенья!
> Паду к ногам твоим:
> Будь справедлив и накажи убийцу,
> Чтоб казнь его в позднейшие века
> Твой правый суд потомству возвестила,
> Чтоб видели злодеи в ней пример.

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь...— он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет.
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок, — они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

*

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

<1837>

<К Н. И. БУХАРОВУ>

Мы ждем тебя, спеши, Бухаров,
Брось царскосельских соловьев,
В кругу товарищей гусаров
Обычный кубок твой готов;
Для нас в беседе голосистой
Твой крик приятней соловья;

Нам мил и ус твой серебристый
И трубка плоская твоя,
Нам дорога твоя отвага,
Огнем душа твоя полна,
Как вновь раскупренная влага
В бутылке старого вина.
Столетья прошлого обломок,
Меж нас остался ты один,
Гусар прославленных потомок,
Пиров и битвы гражданин.

<1838>

* * *

1-е января

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки,—
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться,— памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листы
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всесильный господин —
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно средь морей
Цветет на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник не́званную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

<1840>

* * *

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

<1841>

УТЕС

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

<1841>

ПРОРОК

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами.
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

<1841>

Николай Михайлович САТИН

1814—1873

ДУХ СОМНЕНИЯ

Мне тяжело, я весь в огне,
В огне мучительном сомненья,
И страшно что-то шепчет мне
Могильный глас разуверенья.
О, замолчи, не умерщвляй
Моих надежд, моих мечтаний,
В моей душе не заглушай
Последний отзвук упований.

Умолкни, сжалься надо мной,
Сомненья пагубного гений!
И к дружбе пламенной, святой
Не прибавляй яд подозрений.
Как больно ты мне сердце сжал,
Оставь меня, прими моленья!
Я в жизни слишком мало знал
Минут волшебных наслажденья.

Пусть в мир мечтательный я впал,
Пусть заблужденья в нем хранятся,
Но для души родным он стал,
И с ним ей тяжко разлучаться.
Помедли ж, гений, наносить
Удар последний разрушенья,
Из чаши дружбы дай испить
Всю беспредельность упоенья!

Пусть это сладкий, дивный сон,
Отсрочь минуту пробужденья!
Тем сном я к небу вознесен...
И как страшна мне мысль паденья...
Не увлекай же, гений злой,
Меня из стран очарованья,
С моей растерзанной душой
Не снесть мне ужас испытанья.

Вторая половина 1830-х годов (?)

Надежда Сергеевна ТЕПЛОВА

1814—1848

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

Прости, лечу! В дали необозримой,
Как утренний туман, исчезну я,
Невидима очам, для чувств непостижима,
Как темная загадка бытия.

Твои смешны ничтожные усилья,
Тебе нельзя достигнуть до меня:
Я легче воздуха, я получила крылья,
Теперь совсем другая я.

Смотри: как тлен, мои распались цепи,
Мне радостный отныне жребий дан, —
Я беспредельные теперь увижу степи,
Я преплыву безбрежный океан.

Прости, лечу! В красе неизъяснимой
Передо мной и небо, и земля;
И в мире многое мне стало постижимо, —
Теперь совсем другая я.

1835

Сергей Федорович *ДУРОВ*

1816—1869

* * *

Когда трагический актер,
Увлекшись гением поэта,
Выходит дерзко на позор
В мишурной мантии Гамлета,—

Толпа, любя обман пустой,
Гордяся мнимым состраданьем,
Готова ложь почтить слезой
И даровым рукоплесканьем.

Но если, выйдя за порог,
Нас со слезами встретит нищий
И, прах целуя наших ног,
Попросит крова или пищи,—

Глухие к бедствиям чужим,
Чужой нужды не понимая,
Мы на несчастного глядим,
Как на лжеца иль негодяя!

И речь правдивая его,
Не подслащенная искусством,
Не вырвет слез ни у кого
И не взволнует сердца чувством...

О род людской, как жалок ты!
Кичась своим поддельным жаром,
Ты глух на голос нищеты,
И слезы льешь — перед фигляром!

<1845>

Алексей Константинович *ТОЛСТОЙ*

1817—1875

* * *

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несет меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несет меня лихой,
А куда? не знаю!

Он ученым ездоком
Не воспитан в холе,
Он с буранами знаком,
Вырос в чистом поле;
И не блещет как огонь
Твой чепрак узорный,
Конь мой конь, славянский конь,
Дикий, непокорный!

Есть нам, конь, с тобой простор!
Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор
К цели неизвестной.
Чем окончится наш бег?
Радостью ль? кручиной?
Знать не может человек —
Знает бог единый!..

Упаду ль на солончак
Умирать от зною?
Или злой киргиз-кайсак
С бритой головою
Молча свой натянет лук,
Лежа под травою,
И меня догонит вдруг
Медною стрелою?

Иль влетим мы в светлый град
Со кремлем престольным?
Чудно улицы гудят
Гулом колокольным,
И на площади народ,
В шумном ожиданьи,
Видит: с запада идет
Светлое посланье.

В кунтушах и в чекменях,
С чубами, с усами,
Гости едут на конях,
Машут булавами.
Подбочась, за строем строй
Чинно выступает,
Рукава их за спиной
Ветер раздувает.

И хозяин на крыльцо
Вышел величавый;
Его светлое лицо
Блещет новой славой;
Всех его исполнил вид
И любви и страха,
На челе его горит
Шапка Мономаха.

«Хлеб да соль! И в добрый час! —
Говорит державный, —
Долго, дети, ждал я вас
В город православный!»

И они ему в ответ:
«Наша кровь едина,
И в тебе мы с давних лет
Чаем господина!»

Громче звон колоколов,
Гусли раздаются,
Гости сели вкруг столов,
Мед и брага льются,
Шум летит на дальний юг
К турке и к венгерцу —
И ковшей славянский звук
Немцам не по сердцу!

Гой вы, цветики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем грустите вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

(В 1840-х гг.).

* * *

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

(В 50-е годы)

* * *

Если б я был богом океана,
Я б к ногам твоим принес, о друг,
Все богатства царственного сана,
Все мои кораллы и жемчуг!
Из морского сделал бы тюльпана
Я ладью тебе, моя краса:
Мачты были б розами убраны,
Из чудесной ткани паруса!

Если б я был богом океана,
Я б любил тебя, моя душа;
Я б любил без бури, без обмана,
Я б носил тебя, едва дыша!
Но беда тому, кто захотел бы
Разлучить меня с тобою, друг!
Всклокотал бы я и закипел бы!
Все валы свои помчал бы вдруг!
В реве бури, в свисте урагана
Враг узнал бы бога океана!
Всюду, всюду б я его сыскал!
Со степей сорвал бы я курганы!
Доплеснул волной до синих скал,
Чтоб добыть тебя, моя циана,
Если б я был богом океана!

КОЛОДНИКИ

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль,
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.

Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперед тяжело,
Угрюмые сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибая колени,
Конвойные с ними идут.

«Что̀, братцы, затянемте песню,
Забудем лихую беду!
Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду!»

И вот повели, затянули,
Поют, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даром минувшие дни,

Поют про свободные степи,
Про дикую волю поют,
День меркнет все боле, а цепи
Дорогу метут да метут...

Яков Петрович *ПОЛОНСКИЙ*

1819—1898

К ДЕМОНУ

Я погибал —
Мой злобный **гений**
Торжествовал.
П о л е ж а е в

И я сын времени, и я
Был на дороге бытия
Встречаем демоном сомненья;
И я, страдая, проклинал
И, отрицая провиденье,
Как благодати ожидал
Последнего ожесточенья.
Мне было жаль волшебных снов,
Отрадных, детских упований
И мне завещанных преданий
От простодушных стариков.
Когда молитвенный мой храм
Лукавый демон опрокинул,
На жертву пагубным мечтам
Он одного меня покинул;
Я долго кликал: где же ты,
Мой искуситель? Дай хоть руку!
Из этой мрачной пустоты
Неси хоть в ад! . . . . . .
. . . .
И вот, среди мятежных дум,
Среди мучительных сомнений
Установился шаткий ум
И жаждет новых откровений.
И если вновь, о демон мой,
Тебя нечаянно я встречу,
Я на привет холодный твой
Без содрогания отвечу.

Весь мир открыт моим очам,
Я снова горд, могуч, спокоен —
Пускай разрушен прежний храм,

О чем жалеть, когда построен
Другой — не на холме гробов,
Не из разбросанных обломков
Той ветхой храмины отцов,
Где стало тесно для потомков.
И как велик мой новый храм —
Нерукотворен купол вечный,
Где ночью путь проходит млечный,
Где ходит солнце по часам,
Где все живет, горит и дышит,
Где раздается вечный хор,
Который демон мой не слышит,
Который слышит Пифагор.
И, чу, в ответ на эти звуки
Встают . . . .
. . . .
. . . . И вот
Все Гении земного мира
И все, кому послушна лира,
Мой храм наполнили толпой;
Гомера, Данте и Шекспира
Я слышу голос вековой.
Теперь попробуй, демон мой,
Нарушить этот гимн святой,
Наполнить смрадом это зданье.
О нет! с могуществом своим,
Бессильный, уходи к другим,
И разбивай одни преданья —
Остатки форм без содержанья.

1844

ИЗ КОРАНА

Скажи строптивым, малодушным,
Коварно-злым и непослушным,
Что в неразумии своем
Меня слепцы лишь не находят,
И не идут прямым путем,
А ощупью в потемках бродят.

Не спрячут их запоры башен —
Везде найдет их Азраил;
Придет незваный, бледен, страшен —
И изо всех ударит сил...
И вздрогнут каменные стены,
И подогнутся их колены.

Пророк, напомни маловерным,
Что я приду нелицемерным
Судом судить, и будет течь
Река огня в тот день, — и будут
Их на цепях железных жечь.
Напомни им — да не забудут.

(1840—1845)

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Мчится, мчится железный конек!
По железу железо гремит.
Пар клубится, несется дымок;
Мчится, мчится железный конек,
Подхватил, посадил да и мчит.

И лечу я, за делом лечу, —
Дело важное, время не ждет.
Ну, конек! я покуда молчу...
Погоди, соловьем засвищу,
Коли дело-то в гору пойдет...

Вон навстречу несется лесок,
Через балки грохочут мосты,
И цепляется пар за кусты;
Мчится, мчится железный конек,
И мелькают, мелькают шесты...

Вон и родина! Вон в стороне
Тесом крытая кровля встает,
Темный садик, скирды на гумне;
Там старушка одна, чай, по мне
Изнывает, родимого ждет.

Заглянул бы я к ней в уголок,
Отдохнул бы в тени тех берез,
Где так много посеяно грез.
Мчится, мчится железный конек
И, свистя, катит сотни колес.

Вон река — блеск и тень камыша;
Красна девица с горки идет,
По тропинке идет не спеша;
Может быть — золотая душа,
Может быть — красота из красот.

Познакомиться с ней бы я мог,
И не все ж пустяки городить, —
Сам бы мог, наконец, полюбить...
Мчится, мчится железный конек,
И железная тянется нить.

Вон, вдали, на закате пестрят
Колокольни, дома и острог;
Однокашник мой там, говорят,
Вечно борется, жизни не рад...
И к нему завернуть бы я мог...

Поболтал бы я с ним хоть часок!
Хоть немного им прожито лет,
Да немало испытано бед...
Мчится, мчится железный конек,
Сеет искры летучие вслед...

И, крутя, их несет ветерок
На росу потемневшей земли,
И сквозь сон мне железный конек
Говорит: «Ты за делом, дружок,
Так ты нежность-то к черту пошли»...

(1860-е гг.)

* * *

Блажен озлобленный поэт,
Будь он хоть нравственный калека,
Ему венцы, ему привет
Детей озлобленного века.

Он как титан колеблет тьму,
Ища то выхода, то света,
Не людям верит он — уму,
И от богов не ждет ответа.

Своим пророческим стихом
Тревожа сон мужей солидных,
Он сам страдает под ярмом
Противоречий очевидных.

Всем пылом сердца своего
Любя, он маски не выносит
И покупного ничего
В замену счастия не просит.

Яд в глубине его страстей,
Спасенье — в силе отрицанья,
В любви — зародыши идей,
В идеях — выход из страданья.

Невольный крик его — наш крик,
Его пороки — наши, наши!
Он с нами пьет из общей чаши,
Как мы отравлен — и велик.

1872

Афанасий Афанасьевич *ФЕТ*

1820—1892

* * *

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
    На рубеже земли обетованной.

Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,
Тобой так сладостно и больно возмущенных

В те дни, как постигал я первую любовь
    По бунту чувств неугомонных,

По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемым то вздохами, то смехом,
По ропоту простых, незначащих речей,
    Лишь нам звучавших страсти эхом.

(1850-е гг.)

* * *

Die Gleichmäßigkeit des Laufes der Zeit in allen Köpfen beweist mehr, als irgend etwas, daß wir Alle in denselben Traum versenkt sind, ja daß es Ein Wesen ist, welches ihn traümt.

Schopenhauer.[1]

I

Измучен жизнью, коварством надежды,
Когда им в битве душой уступаю,

[1] Равномерность течения времени во всех головах доказывает более, чем что-либо другое, что все мы погружены в один и тот же сон; более того, что все видящие этот сон являются единым существом. *Шопенгауэр (нем.).*

И днем и ночью смежаю я вежды
И как-то странно порой прозреваю.

Еще темнее мрак жизни вседневной,
Как после яркой осенней зарницы,
И только в небе, как зов задушевный,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность
И пламя твое узнаю, солнце мира.

И неподвижно на огненных розах
Живой алтарь мирозданья курится,
В его дыму, как в творческих грезах,
Вся сила дрожит и вся вечность снится.

И все, что мчится по безднам эфира,
И каждый луч, плотской и бесплотный, —
Твой только отблеск, о солнце мира,
И только сон, только сон мимолетный.

И этих грез в мировом дуновенье
Как дым несусь и я таю невольно,
И в этом прозренье и в этом забвенье
Легко мне жить и дышать мне не больно.

II

В тиши и мраке таинственной ночи
Я вижу блеск приветный и милый,
И в звездном хоре знакомые очи
Горят в степи над забытой могилой.

Трава поблекла, пустыня угрюма,
И сон сиротлив одинокой гробницы,
И только в небе, как вечная дума,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И снится мне, что ты встала из гроба,
Такой же, какой ты с земли отлетела,
И снится, снится: мы молоды оба,
И ты взглянула, как прежде глядела.

(1864?)

ДОБРО И ЗЛО

Два мира властвуют от века,
Два равноправных бытия:
Один объемлет человека,
Другой — душа и мысль моя.

И как в росинке чуть заметной
Весь солнца лик ты узнаешь,
Так слитно в глубине заветной
Все мирозданье ты найдешь.

Не лжива юная отвага:
Согнись над роковым трудом —
И мир свои раскроет блага;
Но быть не мысли божеством.

И даже в час отдохновенья
Подъемля потное чело,
Не бойся горького сравненья
И различай добро и зло.

Но если на крылах гордыни
Познать дерзаешь ты как бог,
Не заноси же в мир святыни
Своих невольничьих тревог.

Пари всезрящий и всесильный,
И с незапамятных высот
Добро и зло как прах могильный
В толпы людские отпадет.

(14 сентября 1884)

УГАСШИМ ЗВЕЗДАМ

Долго ль впивать мне мерцание ваше,
Синего неба пытливые очи?
Долго ли чуять, что выше и краше
Вас ничего нет во храмине ночи?

Может быть, нет вас под теми огнями:
Давняя вас погасила эпоха,—
Так и по смерти лететь к вам стихами,
К призракам звезд, буду призраком вздоха!

(6 мая 1890)

ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ

И целомудренно и смело,
До чресл сияя наготой,
Цветет божественное тело
Неувядающей красой.

Под этой сенью прихотливой
Слегка приподнятых волос
Как много неги горделивой
В небесном лике разлилось!

Так, вся дыша пафосской страстью,
Вся млея пеною морской
И всепобедной вея властью,
Ты смотришь в вечность пред собой.

(1856)

ПЕРВАЯ БОРОЗДА

Со степи зелено-серой
Подымается туман,
И торчит еще Церерой
Ненавидимый бурьян.

Ржавый плуг опять светлеет;
Где волы, склонясь, прошли,
Лентой бархатной чернеет
Глыба взрезанной земли.

Чем-то блещут свежим, нежным
Солнца вешние лучи,
Вслед за пахарем прилежным
Ходят жадные грачи.

Ветерок благоухает
Сочной почвы глубиной
И Юпитера встречает
Лоно Геи молодой.

(1850-е гг.)

ПАРОХОД

Злой дельфин, ты просишь ходу,
Ноздри пышут, пар валит,
Сердце мощное кипит,
Лапы с шумом роют воду.

Не лишай родной земли
Этой девы, этой розы;
Погоди, прощанья слезы
Вдохновенные продли!

Но напрасно... Конь морской,
Ты понесся быстрой птицей —
Только пляшут вереницей
Нереиды за тобой.

(1854)

ЗЕВС

Шум и гам, — хохочут девы,
В медь колотят музыканты,
Под визгливые напевы
Скачут, пляшут корибанты.

В кипарисной роще Крита
Вновь заплакал мальчик Реи,
Потянул к себе сердито
Он сосцы у Амальтеи.

Юный бог уж ненавидит,
Эти крики местью дышат, —
Но земля его не видит,
Небеса его не слышат.

(15 ноября 1859)

К СИКСТИНСКОЙ МАДОННЕ

Вот сын ее, — он — тайна Иеговы
Лелеем девы чистыми руками.
У ног ее земля под облаками,
На воздухе нетленные покровы.

И, преклонясь, с Варварою готовы
Молиться ей мы на коленях сами
Или, как Сикст, блаженными очами
Встречать того, кто рабства сверг оковы.

Как ангелов, младенцев окрыленных,
Узришь и нас, о дева, не смущенных:

Здесь угасает пред тобой тревога.
Такой тебе, Рафаэль, вестник бога,
Тебе и нам явил твой сон чудесный
Царицу жен — царицею небесной!

(1864)

РАКЕТА

Горел напрасно я душой,
Не озаряя ночи черной:
Я лишь вознесся пред тобой
Стезею шумной и проворной.

Лечу на смерть вослед мечте.
Знать, мой удел — лелеять грезы
И там со вздохом в высоте
Рассыпать огненные слезы.

(24 января 1888)

Николай Алексеевич НЕКРАСОВ

1821—1877

* * *

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства:
Ему так искренен привет
Друзей спокойного искусства;

Ему сочувствие в толпе,
Как ропот волн, ласкает ухо;
Он чужд сомнения в себе —
Сей пытки творческого духа;

Любя беспечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Он прочно властвует толпой
С своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его не гонят, не злословят,
И современники ему
При жизни памятник готовят...

Но нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающею лирой.

Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

И веря и не веря вновь
Мечте высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья,—

И каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,
И умных, и пустых людей,
Равно клеймить его готовых.

Со всех сторон его клянут,
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!

В день смерти Гоголя,
21 февраля 1852.

* * *

Безвестен я. Я вами не стяжал
Ни почестей, ни денег, ни похвал,
Стихи мои — плод жизни несчастливой,
У отдыха похищенных часов,
Сокрытых слез и думы боязливой;
Но вами я не восхвалял глупцов,
Но с подлостью не заключал союза,
Нет! свой венец терновый приняла,
Не дрогнув, обесславленная Муза
И под кнутом без звука умерла.

1855

ДЕМОНУ

Где ты, мой старый мучитель,
Демон бессонных ночей?
Сбился я с толку, учитель,
С братьей болтливой моей.

Дуешь, бывало, на пламя —
Пламя пылает сильней,
Краше волнуется знамя
Юности гордой моей.

Прямо ли, криво ли вижу,
Только душою киплю:
Так глубоко ненавижу,
Так бескорыстно люблю!

Нынче я все понимаю,
Все объяснить я хочу,
Все так охотно прощаю,
Лишь неохотно молчу.

Что же со мною случилось?
Как разгадаю себя?
Все бы тотчас объяснилось,
Да не докличусь тебя!

Способа ты не находишь
Сладить с упрямой душой?
Иль потому не приходишь,
Что уж доволен ты мной?

(1855—1859)

* * *

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

1856

* * *

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России,—
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...

1857

* * *

Всевышней волею Зевеса
Вдруг пробудившись ото сна,
Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна:

В печати уж давно не странность
Слова «прогресс» и «либерал»,
И слово дикое — «гуманность»
Уж повторяет генерал.

То мало: вышел из-под пресса
Уж третий томик Щедрина...
Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна!

На грамотность не без искусства
Накинулся почтенный Даль —
И обнаружил много чувства,
И благородство, и мораль.

По благородству, не из видов
Статейку тиснул в пол-листа
Какой-то господин Давыдов
О пользе плети и кнута...

Убавленный процентик банка,
Весьма пониженный тариф,
Статейки господина Банка —
Все это были, а не миф.

(1857)

БУНТ

(Живая картина)

...Скачу, как вихорь, из Рязани,
Являюсь: бунт во всей красе,
Не пожалел я крупной брани —
И пали на колени все!

Задавши страху дерзновенным,
Пошел я храбро по рядам
И в кровь коленопреклоненным
Коленом тыкал по зубам...

(1857)

ЧЕЛОВЕК СОРОКОВЫХ ГОДОВ

...Пришел я к крайнему пределу,
Я добр, я честен; я служить
Не соглашусь дурному делу,
За добрым рад не есть, не пить,
Но иногда пройти сторонкой
В вопросе грозном и живом,
Но понижать мой голос звонкий
Перед влиятельным лицом —
Увы! вошло в мою натуру!..
Но от рожденья я таков,
Но я прошел через цензуру
Незабываемых годов.
На всех рожденных в двадцать пятом
Году и около того —
Отяготел жестокий фатум:
Не выйти нам из-под него.
Я не продам за деньги мненья,
Без крайней нужды не солгу...
Но — гибнуть жертвой убежденья
Я не могу... я не могу...

(1867)

* * *

Зачем меня на части рвете,
Клеймите именем раба?..
Я от костей твоих и плоти,
Остервенелая толпа!
Где логика? Отцы — злодеи,
Низкопоклонники, лакеи,
А в детях видя подлецов,
И негодуют и дивятся,
Как будто от таких отцов
Герои где-нибудь родятся?
Блажен, кто в юности слепой
Погорячится и с размаху
Положит голову на плаху...
Но кто, пощáженный судьбой,
Узнает жизнь, тому дороги
И к честной смерти не найти.
Стоять он будет на пути
В недоумении, в тревоге
И думать: глупо умирать,
Чтоб им яснее доказать,
Что прочен только путь неправый;
Глупей трагедией кровавой
Без всякой пользы тешить их!

Когда являлся сумасшедший,
Навстречу смерти гордо шедший,
Что было в помыслах твоих,
О публика! одну идею
Твоя вмещала голова:
«Посмотрим, как он сломит шею!»
Но жизнь не так же дешева!
Не оправданий я ищу,
Я только суд твой отвергаю.
Я жить в позоре не хочу,
Но умереть за что — не знаю.

(1867)

<Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ>

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенней и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!»

Так мыслит он — и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Царям земли напомнить о Христе.

1874

* * *

За желанье свободы народу
Потеряем мы сами свободу,
За святое стремленье к добру —
Нам в тюрьме отведут конуру.

Аполлон Николаевич МАЙКОВ

1821—1897

СЕНОКОС

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают:
Мужички его кругом
На воз вилами кидают...
Воз растет, растет, как дом...

В ожиданьи конь убогий
Точно вкопанный стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Только жучка удалая
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая впопыхах.

1856

* * *

Сидели старцы Илиона
В кругу у городских ворот;
Уж длится града оборона
Десятый год, тяжелый год!
Они спасенья уж не ждали,
И только павших поминали,
И ту, которая была
Виною бед их, — проклинали:
«Елена! ты с собой ввела
Смерть в наши домы! ты нам плена
Готовишь цепи!!!...»

В этот миг
Подходит медленно Елена,
Потупя очи, к сонму их;
В ней детская сияла благость
И думы легкой чистота;
Самой была как будто в тягость
Ей роковая красота...
Ах, и сквозь облако печали
Струится свет ее лучей...
Невольно, смолкнув, старцы встали
И расступились перед ней.

1869

ПОСЛЕДНИЕ ЯЗЫЧНИКИ

Когда в челе своих дружин
Увидел крест животворящий
Из царской ставки Константин
И пал пред господом молящий, —

Смутились старые вожди,
Столпы языческого мира...
Они, с отчаяньем в груди,
Встают с одра, встают от пира,

Бегут к царю, вопят: «О царь!
Ты губишь все, свою державу,
И государство, и алтарь,
И вечный Рим, и предков славу!

Пред кем ты пал? ведь то рабы!
И их ты слушаешь, владыко!
И утверждаешь царств судьбы
На их ты проповеди дикой!

Верь прозорливости отцов!
Их распинать и жечь их надо!
Не медли, царь, скорей оков!
Безумна милость и пощада!»

Но не внимал им Константин,
Виденьем свыше озаренный,
И поднял стяг своих дружин,
Крестом господним осененный.

В негодованьи цепь с орлом
Трибуны с плеч своих сорвали
И шумно в груды пред царем
Свое оружье побросали —
И разошлися...

Победил
К Христу прибегший император!
И пред распятым преклонил
Свои колена триумфатор.

И повелел по городам
С сынов Христа снимать оковы,
И строить стал за храмом храм,
И словеса читать Христовы.

Трибуны старые в домах
Сидели, злобно ожидая,
Как, потрясенная, во прах
Падет империя родная.

Они сбирались в древний храм
Со всех концов на годовщину
Молиться дедовским богам,
Пророча гибель Константину.

Но время шло. Их круг редел,
И гасли старцы друг за другом...
А над вселенной крест горел,
Как солнца луч над вешним лугом.

Осталось двое только их.
Храня обет, друг другу данный,
Они во храм богов своих
Сошлися, розами венчанны.

Зарос и треснул старый храм;
Кумир поверженный валялся;
Из окон храма их очам
Константинополь открывался:

Синел Эвксин, блестел Босфор;
Вздымались куполы цветные;
Там — на вселенский шли собор
Ерархи, иноки святые;

Там — колесницы, корабли...
Под твердью неба голубою
Сливался благовест вдали
С победной воинской трубою...

Смотрели молча старики
На эту роскошь новой славы,
Полны завистливой тоски,
Стыдясь промолвить: «Мы неправы».

Давно уж в мире без утех
Свой век они влачили оба;
Давно смешна была для всех
Тупая, старческая злоба...

Они глядят — и ждет их взор,
Эвксин на город не прорвется ль?
Из-за морей нейдет ли мор?
Кругом земля не пошатнется ль?

Глядят, не встанет ли кумир...
Но Олимпиец, грудью в прахе,
Лежит недвижим, нем и сир,
Как труп пред палачом на плахе.

Проклятья самые мертвы
У них в устах... лишь льются слезы,
И старцы с дряхлой головы
Снимают молча плющ и розы...

Ушли... Распятие в пути
На перекрестке их встречает...
Но нет! не поняли они,
Что божий сын и их прощает.

1857

Алексей Михайлович ЖЕМЧУЖНИКОВ

1821—1908

КЕНТАВР

Свершилось чудо!.. Червь презренный,
Который прежде, под землей
Плодясь в стыде и потаенно,
Не выползал на свет дневной;
Который знал в былые годы,
Что мог он только воровски
Губить богатой жизни всходы,
В тиши подтачивать ростки,—
Преобразясь, восстал из праха!
Ничтожный гад стал крупный зверь;
И, прежнего не зная страха,
Подчас пугает сам теперь.
Заговорив людскою речью,
Как звери сказочных времен,
Как бы природу человечью
Порой выказывает он.
Знать, с классицизмом воротился
Мифологический к нам век:
Ни жеребец, ни человек —
Кентавр в России народился.

Носясь то вдоль, то поперек
По нашим нивам, весям, градам,
Кидая грязью с резвых ног,
Взметая пыль, лягая задом,—
Когда он, бешеный, бежит,
То с конским ржанием, то с криком,
И топчет все в порыве диком,—
Сама земля под ним дрожит!..
И утомясь, но все же гордый,
Что совершил безумный бег,
С своей полуживотной морды
Он пеной фыркает на всех...
И все сторонятся, робея,
Чтоб он не мог кого-нибудь —
Приняв, конечно, за плебея —
Иль оплевать, или лягнуть.

В ляганье вся задача скрыта;
Вся сила — в мускулах ноги...
Какая ж мысль, давя мозги,
Приводит в действие копыта?
Судя по всем чертам лица,
Нет мысли! Кроме разве задней...
Зато природа жеребца
В нем совершенней и приглядней...
Что за хребет! и что за рост!
Налюбоваться мы не можем!
Как гордо он вздымает хвост,
Своею мыслию тревожим...

Иных мыслителей в Москве
Теперь, по-видимому, бесит,
Что, стать пытаясь во главе,
Кентавр меж нами куролесит.
Им злой почудился в нем дух;
Глядят вперед они тревожно...
С их стороны такой испуг
Мне непонятен. Невозможно
Играть бесплоднее в слова
Иль заблуждаться простодушней...
Ведь ты ж сама была, Москва,
Его заводскою конюшней!..

1870

Николай Федорович
ЩЕРБИНА
1821—1869

ДВА ТИТАНА
(Океан и Прометей)

Ты разли́лся бесконечно,
Крепкогрудый Океан,
Злое думающий вечно,
Вечно ропчущий Титан!
Власть твоя сильна от века,
И идет из рода в род,
Но пред мыслью человека
Побледнеет и падет...

Необузданная сила!..
Не склонюсь я перед ней:
Пусть гордится, как могила,
Что так много поглотила
Мощно мысливших людей!

Есть другой Титан могучий,
Твой соперник, Океан!
Ранен молнией гремучей,
На скале, покрытой тучей,
Зевсом скованный Титан.

У него живой любовью
Сердце страстное полно,
Истекающее кровью,
Крепко мыслию оно...
И не может Дий суровый
Навсегда, навек замкнуть
В некрушимые оковы
Адамантовую грудь!
Он, всемирной власти полный,
По валам твоим пройдет
И рукой своей об волны
Твой трезубец разобьет.

5 июня 1851

ЖИЗНЬ

Верю, я бессмертен!
В атомах вселенной
Я уж зарождался,
С вечной жизнью бога,
В божьей мысли жил я...
Жизненная влага
И пылинки персти
Первых дней созданья
Слиты в этом теле...
И ужель не буду
В мире вечно жить я,
С этим вечным миром —
Образом Всевечной
Некрушимой Мысли?
Разве заронился
Втуне хоть единый
Солнца луч на землю?
Или не возник он,
В ней преображенный,
Цветом ароматным
В изумрудных листьях?
Иль, в дыханьи зноя,
С чашечки расцвета
Не упал на землю
Радужною пылью,
И с землей не слился
В вечных превращеньях?..

1844

АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

О, как я ребенком, бывало,
Небесные звезды любил!
Душа моя свято мечтала...
Я с ними как друг говорил.

Я думал, что ангелов очи
В эфире звездами горят
И в долгие, темные ночи
Покой нам и счастье хранят...

Я взрос, — и от древа познанья
По долгу дворянства вкусил:
Мне стали противны мечтанья, —
Я звезды свои разлюбил,

Считая их просто мирами —
Подобием нашей земли,
Когда меж землей и звездами
Всё те ж мы законы нашли...

Там, верно, есть Глинка Авдотья,
Стиховный творящая блуд, —
И все эти жизни лохмотья,
Что в нравственной тине гниют.

Своя там актриса Орлова,
Madame Магдалина Тартюф,
Что скрыла пороки былого,
Притворством ханжей обманув,

Что «с древом и с камнем блудила»
В Одессе, Москве и в Крыму,
Что многим карман облегчила
И свету известна всему,

Что маской святоши покрылась,
Блудница, на старости лет,
С отцами святыми сдружилась:
Зане́ уж любовников нет...

Такое ж там мысли растленье,
Свои там шпионы, как Греч,
И Третье там есть отделенье,
Где можно за правду посечь.

И там есть хлыщи, как Панаев,
С копеечным юмором их,
И много других негодяев,
И пошлостей много других...

Там столько ж венков эфемерных,
Там сотни бессмыслиц на час,
И много воров там примерных...
Короче, — там всё, как у нас.

18 января 1856
Гринвич

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

(Посвящается отечественным государственным людям)

Одно мы пред судом народов
Собой способны доказать,
Что может шайка идиотов
Народом умным управлять.

Насколько туп синклит державный,
Настолько даровит народ,
И это в Руси православной
Чрез всю историю идет...

Умерь же свой восторг и клики,
Устрялов, старый балагур:
Мы видим, — даже Петр Великий
Был гениальный самодур.

1859

МИНИСТЕРСТВУ

Ты тупоумно, непристойно,
Проказа родины моей,
И оказалось ты достойно
Лишь оппозиции детей.

Своих реформ ты жалкий пленник,
Прямой прогресс тебе тиски...
Довольно: с «Искрой» «Современник»
Тебя достойные враги!

11 апреля 1862

ВЕК

Век девятнадцатый веком бездарности
Должен в России прослыть,
Хоть за реформы его благодарности
И невозможно лишить.

9 декабря 1867

Аполлон Александрович
ГРИГОРЬЕВ

1822—1864

ДОБРОЙ НОЧИ

Спи спокойно — доброй ночи!
    Вон уж в небесах
Блещут ангельские очи
    В золотых лучах.
Доброй ночи... Выдет скоро
    В небо сторож твой
Над тобою путь дозора
    Совершать ночной.

Чтоб не смела сила злая
    Сон твой возмущать:
Час ночной, пора ночная —
    Ей пора гулять.
В час ночной, тюрьмы подводной
    Разломав запор,
Вылетает хороводной
    Цепью рой сестер.

Лихорадки им прозванье;
    Любо им смущать
Тихий сон — и на прощанье
    В губы целовать.
Лихоманок-лихорадок,
    Девяти подруг,
Поцелуй и жгуч и сладок,
    Как любви недуг.

Но не бойся: силой взора
    С неба сторож твой
Их отгонит — для дозора
    Светит он звездой.
Спи же тихо — доброй ночи!..
    Под лучи светил,
Над тобой сияют очи
    Светлых божьих сил.

Июнь 1843

КОМЕТА

Когда средь сонма звезд, размеренно и стройно,
Как звуков перелив, одна вослед другой,
Определенный путь свершающих спокойно,
Комета полетит неправильной чертой,
Недосозданная, вся полная раздора,
Невзнузданных стихий неистового спора,
Горя еще сама и на пути своем
Грозя иным звездам стремленьем и огнем,—
Что нужды ей тогда до общего смущенья,
До разрушения гармонии?.. Она
Из лона отчего, из родника творенья
В созданья стройный круг борьбою послана,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосозданья.

Июнь 1843

К***

Мой друг, в тебе пойму я много,
Чего другие не поймут,
За что тебя так судит строго
Неугомонный мира суд...
Передо мною из-за дали
Минувших лет черты твои
В часы суда, в часы печали
Встают в сиянии любви,
И так небрежно, так случайно
Спадают локоны с чела
На грудь, трепещущую тайно
Предчувствием добра и зла...
И в робкой деве влагой томной
Мечта жены блестит в очах,
И о любви вопрос нескромный
Стыдливо стынет на устах...

1843

ВОЗЗВАНИЕ

Восстань, о боже! — не для них,
Рабов греха, жрецов кумира,
Но для отпадших и больных,
Томимых жаждой чад твоих,—
Восстань, восстань, спаситель мира!

Искать тебя пошли они
Путем страдания и жажды...
Как ты, *лима́ савахвани́*,
Они взывали не однажды,
И так же видели они
Твой дом, наполненный купцами,
И гордо встали — и одни
Вооружилися бичами...

Январь 1844

ВЛАДЕЛЬЦАМ АЛЬБОМА

Пестрить мне страшно ваш альбом
Своими грешными стихами;
Как ваша жизнь, он незнаком
Иль раззнакомился с страстями.

Он чист и бел, как светлый храм
Архитектуры древне-строгой.
Где служат истинному богу,
Там места нет земным богам.

И я, отвыкший от моленья,
Я — старый нравственности враг —
Невольно сам в его стенах
Готов в порыве умиленья
Пред чистотой упасть во прах.

О да, о да! не зачернит
Его страниц мой стих мятежный
И в храм со мной не забежит
Мой демон — ропот неизбежный.

Пускай больна душа моя,
Пускай она не верит гордо...
Но в вас я верю слишком твердо,
Но веры вам желаю я.

Ноябрь 1845

Александр Иванович ПАЛЬМ

1822—1885

ОБОЗ

Издалёка, дорогой большою
Потянулся обоз — всё с товаром;
Мужички — кто идет стороною,
А кто на́ воз прилег под рогожу.

На дворе стоит осень глухая;
Вишь ты, поле совсем пожелтело;
Уж езда на колесах плохая,
Колеи заковало морозом.

Ну, ты, пегой, плетись за другими!
Эх, долга будет нам путь-дорога!
Словно веник с сучками сухими
Встретишь липку, — и всё глушь такая!

А промчится почтовая тройка,
Как присвистнет осанистый парень,
Словно что-то припомнится горько...
Ну, ты, пегой, плетись помаленьку!

Налегке не езжали мы, что ли?
Аль коней не таких не видали?
Будет с нас — понатешились волей,
Прогулять мы сумели что было!

А как молодца взяли — женили,
Как женили да руки связали,
Да с заботой-нуждой породнили, —
Не взбредет и на ум эта удаль!

И плетись за другими ты следом
Да мурлычь себе глупую песню:
«Как жена поругалась с соседом»,
«Как солдатик пришел на побывку»,

От села, от тяжелой неволи
Рад, куда б занесло тебя дальше...
Вот метель подымается в поле,
А ночлега еще и не видно.

Дай — приедем: хозяин знакомый;
Он ворота со скрипом отворит,
Поднесет да постелет соломы —
И так крепко проспишь до рассвета...

<1847>

Дмитрий Дмитриевич
АХШАРУМОВ

1823—1910

* * *

Земля, несчастная земля, —
Мир стонов, жалоб и мученья!
На ней вся жизнь под гнетом зла
И всюду плач, — со дня рожденья;
В делах людских — раздор и крик,
И трубный звук, и гул орудий,
И вопль, и дикой славы клик;
Друг друга жгут и режут люди!
Но время лучшее придет:
Война кровавая пройдет,
Земля произрастет плодами,
И бедный мученик-народ
Свободу жизни обретет
С ее высокими страстями:
Обильный хлеб взрастет над взрытыми
полями,
И нищая земля покроется дворцами!

Тогда и для земной планеты
Настанет перио́д иной.
Не будет ни зимы, ни лета,
Изменится наш шар земной:
Эклиптика с экватором сольется,
И будет вечная весна...
И для людей другая жизнь начнется —
Гармонией живой исполнится она.
Тогда изменятся и люди и природа,
И будут на земле — мир, счастье
и свобода!

1849

ХЕРСОНЬ

Степная глушь, Сибирь вторая,
Херсонь, далекая Херсонь,
Куда, российский снег бросая,
Меня завез курьерский конь.

Зима без снега, ветер, вьюга
Оледеневших средь равнин;
А летом солнца зной, недуги, —
Вот край, где я живу один!

Где я, тоску превозмогая,
Хожу и бледный и худой,
С обритой полуголовой —
Под тяжкой лапой <Николая>.

В неволе жизнь моя томится,
Среди убийц, среди воров,
Ах, лучше мне они сторицей,
Чем мир жиреющих рабов;

Здесь душно, грязно, вши заели,
Я худ и голоден всегда,
Но и они все похудели,
И их замучила беда!

Мое исполнилось желанье —
Из каземата вышел я
Во многолюдное собранье
Людей-страдальцев, как и я!

1850

* * *

Мои острожные друзья,
Мои товарищи былые!
Вас не забыть, вас помню я —
Вы предо мною как живые;
Мне слышны ваши голоса
И ваши песни, ваши сказки —
Их слушал я не полчаса...
И ваши топанье и пляски,
С бряцаньем на ногах цепей,
Под блеск лучин из камышей.

1898

Лев Александрович
МЕЙ

1822—1862

ЦЕРЕРА

Октябрь... клубятся в небе облака,
Уж утренник осеребрил слегка
Поблекшие листы березы и осины,
И окораллил кисть поспелую рябины,
И притупил иголки по сосна́м...
Пойти к пруду: там воды мертво-сонны,
Там в круг сошлись под куполом колонны,
И всепечальнице земли воздвигнут храм,
Храм миродержице-Церере...
Там
Я часто, по весенним вечерам,
Сидел один на каменной ступени
И в высь глядел, и в темной той выси́
Одна звезда спадала с небеси
Вслед за другой мне прямо в душу... Тени
Ложилися на тихий пруд тогда —
Так тихо, что не слышала вода,
Не слышали и темные аллеи
И на воде заснувшие лилеи...
Одни лишь сойки с иволгой не спят:
Тревожат песней задремавший сад,—
И этой песне нет конца и меры...
Но вечно нем громадный лик Цереры...
На мраморном подножии, в венце
Из стен зубчатых, из бойниц и башен
Стоит под куполом, величественно страшен,
Спокоен, и на бронзовом лице
Небесная гроза не изменит улыбки
А очертания так женственны и гибки,
И так дрожат в руках богини ключ
И пук колосьев, что сама природа,
А не художник, кажется, дала
Ей жизнь и будто смертным прорекла:
«Склонитесь перед ней — вот сила
и свобода!».

Но вот без мысли, цели и забот
Обходит храм по праздникам народ;
На изваяние не взглянет ни единый,
И разве старожил, к соседу обратясь,
Укажет: «Вон, гляди! Беседку эту князь
Велел построить в честь Екатерины».

19 октября 1857

Иван Сергеевич АКСАКОВ

1823—1886

СОН

Я видел странный, дивный сон,
Какой не видывал от века.
Поведай мне, Мартын Задека,
Уж не пророческий ли он?..

Мне снилась грозная царица
С державным скипетром в руках;
Ей лик скрывала багряница,
Ее возила колесница
На исполинских колесах;

И в дышле разные народы
Идут под крепкою уздой,
Гордяся призраком свободы!
Но где Судьба стезей крутой
Проходит время и пространство,

Там все дрожат ее оков,
Высокой мудрости тиранства,
Ее тяжелого убранства,
Ее увесистых даров!

Где ни пройдет — глубоко вдавит
Неизгладимый, яркий след,
И часто путь ее кровавит
Трофей безжалостных побед!..

Но вкруг тяжелой колесницы
Там суетятся и кричат...
И хохот слышится царицы,
Как грома дальнего раскат:
«Что это там? какая туча?
Откуда страшная взялась?
Как суетлива и гремуча!
Вот я тебе, земная куча,
Не в добрый миг ты поднялась!
Они шумят, они бормочут,
Они кишат, как муравьи,

Меня с привычной колеи
Долой свести они хлопочут!
Хотят маршрут мне обновить!
Хотят тщедушные пигмеи,
В пылу мечтательной затеи,
Мой твердый ход остановить!
Прочь, прочь, что лезете вы смело,
Куда нелегкая несет?
Не за свое взялись вы дело,
Мое желанье не приспело,
Моя рука вас поведет!
Прочь, прочь!..» И, вняв такому слову,
Благоразумные спешат,
Чтоб подобру да поздорову
Скорей убраться им назад.
Толпа редеет. Но иные,
Хоть и смутясь от слов таких,
Еще стоят: все молодые
Да старцы доблии, прямые...
Но вот один, ловчей других,
Не слыша слов, вперед несется,
Глядит, не видя ничего,
Но так и метит, так и рвется,
Чтоб угодить под колесо!..

Проснулся я; мной овладела
Тоска, и долго думал я...
Пора пришла ль иль не созрела,
Не знаем мы... но вы, друзья,
Во мне не встретите сноверца:
Ужели внутренний призыв,
И скорбь души, и голос сердца —
Одна мечта, простой порыв?
О, прочь тяжелые сомненья,
В груди возникшие моей!

Пора иль нет, без убежденья,
Без благородного стремленья
Что ж будет жизнь? Что пользы в ней!
Нет! делу доброму ужели
Не лучше в дар принесть ее,
Чем так, без толку и без цели,
Влачить пустое бытие?..

Октябрь 1845

МОИМ ДРУЗЬЯМ

немногим честным людям,
состоящим в государственной службе

В среде бездушной, где закон
Орудье лжи, где воздух смраден

И весь неправдой напоен, —
Один лишь ты мне был отраден,

Ты, малочисленный союз
Мужей без страха и без лести,
Себя добром взаимных уз
Скрепивший для добра и чести!

Досуга праздно не губя,
Вы чужды дерзких замышлений;
Вы не взложили на себя
Задачи целых поколений.
Скупой потворствуя судьбе,
Избравши путь, неяркий с виду,
Вы обрекли себя борьбе,
И слабых внемлете мольбе,
И мстите бедного обиду.

Я знаю — подвиг вам сужден
Докучный, тесный, ежедневный,
Но сколько раз прекрасней он
Печальной праздности душевной,
Бесплодным преданной мечтам!..
А вы, средь козней и проклятий,
Все тот же пыл несли к трудам...
Мужайтесь! сил добудут вам
Благословенья ме́ньших братий!
Я знаю — мелок ваш удел,
Но пышен плод усилий дружных:
Невинный в битве одолел —
Проснулась бодрость в безоружных!
И мог обиженный не раз
Изведать здесь, в среде разврата,
Что встретит в каждом он из вас,
На всякий день, на всякий час,
В делах добра слугу и брата!

Так пусть же дремлет в тишине
Тоска несбыточных желаний;
Зато, без праздных ожиданий,
Вы люди честные вполне.
Так жизнь скупа! предел так краток!
Надеждам смелым не созреть!
И благо всем, кому без взяток
Придется здесь разок десяток
Слезу вдовицы утереть,
Вновь возвратить стесненным гру́дям
Простор и воздух в душной мгле...
Так благо вам, хорошим людям,
За ваше дело на земле!

1851

Петр Лаврович
ЛАВРОВ

1823—1900

ВЕРУЮ

Века пролетают. Проходят народы,
И потом, и кровью увлажив свой путь.
На плахе казненных растет цвет свободы.
Кичатся безумцы, чтоб в прахе уснуть.
И век каждый пишет заветное слово
На знамени войск, над престолом царей:
Оно облегчает страдальцу оковы;
Ему учит мать с колыбели детей.
Пред ним умолкает в бессильи наука,
Но ярко оно над умами горит.
То слово связует и деда и внука;
Врагов разноправных собою мирит.
И в храмы святые идут поколенья,
Заветное слово богам говорят;
Владыка и раб преклоняют колени,
И вместе все шепчут: я верую, брат,
Века пролетают, сменяются храмы;
Другие кумиры пленяют людей;
И молятся Будде поклонники Брамы;
И верят свободе клиенты царей.
Сменяет улыбку нагой Афродиты
Пречистая дева в слезах под крестом;
Молчальную схиму приемлют квириты;
Монах запирает врата пред царем.
Века пролетают. И крест всемогущий
Упал с каменистых Голгофы высот:
Он с дубом Додоны из Зевсовой пущи,
Но символом Пана во прахе гниет.
Бессмысленно смотрят на небо соборы,
Остатки минувших, погибших миров.
Средь них раздаются бессмысленно хоры
Забытых молений, непонятых слов.
Напрасно священник сосуд искупленья
Поднял над толпою, склоненною в прах.
Христа еще раз погребли поколенья,
И он не воскреснет в безверных сердцах.
Давно искупил мир ты, агнец бескровный!

Давно уже кончена жертва креста.
Смотрите! смотрите! вот дух безусловный
Восходит на трон упраздненный Христа.
Смотрите! священное право народа
Сменяет священное право царей.
Смотрите! вот дух улетел из природы;
Одно вещество воцарилося в ней.
Вот обществу в жертву приносят пророки
И жадность стяжанья, и радость семьи.
Вот новые маги ждут мертвых уроки
И им посылают вопросы свои.
Вот гибнут все боги; вот тонут преданья;
Плывет над потопом один лишь ковчег.
Создатели мира суть смертных созданья!
И Бога в себе узнает человек...
Что ж вынес наш век из борьбы поколений?
Что нас отличает от дряхлых детей,
Гниющих остатков отсталых стремлений?
Что пишет наш век на хоругви своей?
Средь чудного мира, пред ликом природы,
Единого храма, где зодчего нет,
Где в вечном движеньи незыблемы своды,
Где все измененья, и сила, и свет —
Пред ликом отживших уже поколений,
В нас разум взрастивших страданьем
своим, —
Пред грозной пророков умолкнувших
тенью, —
Забытых героев пред сонмом немым —
Пред ликом еще не рожденных потомков —
Пред темной завесой грядущих веков —
Пред теми, что придут, средь ветхих
обломков,
Искать нашей мысли под грудами слов —
Пред хором поэтов всех стран и языков,
Из веры кующих свой огненный стих —
Пред мощью науки, не знающей кликов,
Могильщицы вечной созданий людских —
Вы, слабые духом! вы, сильные знаньем,
Откиньте кумиров минувшего ряд,
И скажем все вместе с святым упованьем:
«Мы братья по вере: я верую, брат!»
Я верую в разум! не бес нас прельщает
Обманчивым знаньем, греховной мечтой.
Я верую в чувство! не Майя свивает
Пред нами покров обаятельный свой.
Не сон наша жизнь и не грезы страданья;
Не призрак, чарующий блеск красоты;
Не суетны мысли; не грешны желанья;
Не ложны поэта святые мечты.

Я верю в развитие! год за годами
Волна человечества вечно растет.
В познаньи и в правде, умом и делами
Идут поколенья вперед и вперед.
И горе безумцам, им ставящим грани!
И горе безумцам, ведущим их вспять!
Грядущее близко: в нем нет состраданья;
Оно не умеет щадить и прощать.
Я верую в вечность законов Природы
И в неизменимость законов судьбы!
Как с гор на долину стекаются воды,
Не зная молений, не зная борьбы,
Влекут человека так вечные силы
Разумных стремлений, безумных страстей,
Влекут с колыбели до самой могилы;
Но узник не чувствует вечных цепей.
Я верую в святость судьбы человека!
Я верю в единство и в братство людей!
Я верю в блаженство грядущего века!
Я верую в будущность царства идей!

Свершите же, братья, святое моленье!
Да будет наш символ торжествен и свят!
И скажешь, во имя живых поколений:
«Мы братья по вере: я верую, брат!»

(Август 1855)

Иван Саввич *НИКИТИН*

1824—1861

РУСЬ

Под большим шатром
Голубых небес, —
Вижу — даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше темных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.

По степям, в моря,
Реки катятся.
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг:
Нивы зрелые,
Чтó камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу:
Там, в глуши пустынь,
Снег, чтó белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее,
И горами лед
Ходит по морю;

И пожар небес
Ярким заревом
Освещает мглу
Непроглядную...

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!

Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!

У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?

Перед кем себя
Ты унизила?
Кому в черный день
Низко кланялась?

На полях своих,
Под курганами,
Положила ты
Татар полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела спор с Литвой
И дала урок
Ляху гордому.

И давно ль было,
Когда с Запада
Облегла тебя
Туча темная?

Под грозой ее
Леса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася.

И зловещий дым
От горевших сел
Высоко вставал
Черным облаком!

Но лишь кликнул царь
Свой народ на брань, —
Вдруг со всех концов
Поднялася Русь.

Собрала детей,
Стариков и жен,
Приняла гостей
На кровавый пир.

И в глухих степях,
Под сугробами,
Улеглися спать
Гости навеки.

Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури севера
О них плакали!..

И теперь среди
Городов твоих
Муравьем кишит
Православный люд.

По седым морям,
Из далеких стран,
На поклон к тебе
Корабли идут.

И поля цветут,
И леса шумят,
И лежат в земле
Груды золота.

И во всех концах
Света белого
Про тебя идет
Слава громкая.

Уж и есть за что́,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

<1853>

МЩЕНИЕ

Поднялась, шумит
Непогодушка,
Низко бор сырой
Наклоняется.

Ходят, плавают
Тучи по небу,
Ночь осенняя
Черней ворона.

В зипуне мужик
К дому барскому
Через сад густой
Тихо крадется.

Он идет, глядит
Во все стороны,
Про себя один
Молча думает:

«Вот теперь с тобой.
Барин-батюшка,
Мужик-лапотник
Посчитается;

Хорошо ты мне
Вчера вечером
Вплоть до плеч спустил
Кожу бедную.

Виноват я был,
Сам ты ведаешь:
Тебе дочь моя
Приглянулася.

Да отец ее —
Несговорчивый,
Не велит он ей
Слушать барина...

Знаю, ты у нас
Сам большóй-старшóй,
И судить-рядить
Тебя некому.

Так суди ж господь
Меня грешника:
Не видать тебе
Мое детище!»

Подошел мужик
К дому барскому,
Тихо выломил
Раму старую,

Поднялся, вскочил
В спальню темную,—
Не вставать теперь
Утром барину...

На дворе шумит
Непогодушка,
Низко бор сырой
Наклоняется;

Через сад домой
Мужик крадется,
У него лицо
Словно белый снег.

Он дрожит, как лист,
Озирается,
А господский дом
Загорается.

<1853>

ПЕСНЯ БОБЫЛЯ

Ни кола, ни двора,
Зипун — весь пожиток...
Эх, живи — не тужи,
Умрешь — не убыток!

Богачу-дураку
И с казной не спится;
Бобыль гол как сокол,
Поет-веселится.

Он идет да поет,
Ветер подпевает:
Сторонись, богачи!
Беднота гуляет!

Рожь стоит по бокам,
Отдает поклоны...
Эх, присвистни, бобыль!
Слушай, лес зеленый!

Уж ты плачь ли, не плачь, —
Слез никто не видит,
Оробей, загорюй, —
Курица обидит.

Уж ты сыт ли, не сыт, —
В печаль не вдавайся;
Причешись, распахнись,
Шути-улыбайся!

Поживем да умрем, —
Будет голь пригрета...
Разумей, кто умен, —
Песенка допета!

<1858>

Алексей Николаевич
ПЛЕЩЕЕВ

1825—1893

* * *

Когда я в зале многолюдном,
Тревогой тайною томим,
Внимаю Штрауса звукам чудным,
То полным грусти, то живым;
Когда пестреет предо мною
Толпа при свете ярких свеч;
И вот, улыбкой молодою
И белизной прозрачных плеч
Блистая, ты ко мне подходишь,
В меня вперяя долгий взор,
И разговор со мной заводишь,
Летучий, бальный разговор...

О, отчего так грустно, больно
Мне станет вдруг... Тебе едва
Я отвечаю, и невольно
На грудь клонится голова.
И всё мне кажется, судьбою
На муки ты обречена;
Что будет тяжкою борьбою
И эта грудь изнурена;
Что взор горит огнем страданья,
Слезу напрасно затая;
Что безотрадное рыданье
За смехом звонким слышу я!
И жаль мне, жаль тебя — и слезы
Готовы кануть из очей...
Но это всё больные грезы
Души расстроенной моей!
Прости мне, друг; не зная скуки,
Забыв пророческую речь,
Кружись, порхай под эти звуки
При ярком свете бальных свеч!

1845

* * *

Вперед! без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед,
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет.

Жрецов греха и лжи мы будем
Глаголом истины карать,
И спящих мы от сна разбудим,
И поведем на битву рать!

Не сотворим себе кумира
Ни на земле, ни в небесах;
За все дары и блага мира
Мы не падем пред ним во прах!..

Провозглашать любви ученье
Мы будем нищим, богачам,
И за него снесем гоненье,
Простив безумным палачам.

Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истощил;
Как раб ленивый и лукавый,
Талант свой в землю не зарыл!

Пусть нам звездою путеводной
Святая истина горит;
И, верьте, голос благородный
Недаром в мире прозвучит!

Внемлите ж, братья, слову брата,
Пока мы полны юных сил:
Вперед, вперед, и без возврата,
Что б рок вдали нам ни сулил!

<1846>

* * *

Возьми барабан и не бойся,
Целуй маркитантку звучней!
Вот смысл глубочайший искусства,
Вот смысл философии всей!

Сильнее стучи и тревогой
Ты спящих от сна пробуди!
Вот смысл глубочайший искусства,
А сам маршируй впереди!

Вот Гегель! Вот книжная мудрость!
Вот дух философских начал!
Давно я постиг эту тайну,
Давно барабанщиком стал!

<1846>

* * *

По чувствам братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.
Когда ж пробьет желанный час
И встанут спящие народы —
Святое воинство свободы
В своих рядах увидит нас.
Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется,
И, верно, отзыв в нем найдется
На неподкупный голос мой.

1846

Василий Степанович
КУРОЧКИН

1831—1875

ЯВЛЕНИЕ ГЛАСНОСТИ

О гласности болея и тоскуя
Почти пять лет,
К прискорбию, ее не нахожу я
В столбцах газет;
Не нахожу в полемике журнальной,
Хоть предо мной
И обличен в печати Н. квартальный,
М. становой.
Я гласности, я гласности желаю
В столбцах газет,—
Но формулы, как в алгебре, встречаю:
Икс, Игрек, Зет.

Так думал я назад тому полгода
(Пожалуй, год),
Но уж во мне свершала мать-природа
Переворот.
Десяток фраз, печатных и словесных,
Пустив умно
Об истинах забытых, но известных
Давным-давно,
Я в обществе наделал шуму, крику
И вот — за них
Увенчанный, как раз причислен к лику
Передовых.

Уж я теперь не обличитель праздный!
Уж для меня
Открылась жизнь и все ее соблазны —
И нету дня,
Отбою нет от лестных приглашений.
Как лен, как шелк,
Я мягок, добр, но чувствую, что — гений!
А гений — долг.

И голос мой звучит по светлым залам:
«Добро! Закон!»
И падает в беседе с генералом
На полутон.

Я говорю, что предрассудки стары —
Исчадья лжи, —
И чувствую, как хороши омары,
Когда свежи.
Я познаю, топча ковры гостиных,
Вкус старых вин
И цену их — друзей добра старинных,
Врагов рутин.
Я слушал их, порок громивших смело,
И понял вдруг,
Где слово — мысль, предшественница дела,
Где слово — звук.

Не знаю, как я стал акционером
И как потом
Сошелся я на ты с миллионером,
Былым врагом.
Но было так всесильно искушенье,
Что в светлом сне
Значенье слов — уступки, увлеченье —
Раскрылось мне.
Сам деспотизм пришелся мне по нраву
В улыбках дам —
И продал я некупленную славу
Златым тельцам.

Мы купчую безмолвную свершили,
И хитрый спич
Я произнес, когда клико мы пили,
Как магарыч.
Но все еще за милое мне слово
Стоя горой,
Я гласности умеренной, здоровой
Желал душой.
И голосил в словесности банкетной,
Что гласность — свет,
Хоть на меня глядели уж приветно —
Икс, Игрек, Зет.

Но пробил час — и образ исполинский,
Мой идеал,
Как Истину когда-то Баратынский,
Я увидал.
В глухую ночь она ко мне явилась
В сияньи дня —

И кровь во мне с двух слов остановилась:
«Ты звал меня!..»
«Ты звал меня» — вонзилось в грудь, как жало,
И в тот же миг
Я в ужасе набросил покрывало
На светлый лик.

Почудилось неведомое что-то:
Какой-то враг
Из всех речей, из каждого отчета,
Из всех бумаг
Меня дразнил — и, как металл звенящий,
Как трубный звук,
Нестройный хор, о гласности болящий,
Терзал мой слух.
Я полетел со стула вверх ногами,
Вниз головой,
И завопил, ударясь в пол руками:
«Нет! я не твой!

Нет, я не твой! Я звал тебя с задором,
Но этот зов
Был, как десерт обеденный, набором
Красивых слов.
Оставь меня! Мы оба не созрели...
Нет! Дай мне срок.
Дай доползти к благополучной цели,
Дай, чтоб я мог,
Обзаведясь влияньем и мильоном,
Не трепетать —
Когда придешь, со свистом и трезвоном,
Меня карать».

1860

* * *

Над цензурою, друзья,
Смейтесь так же, как и я:
Ведь для мысли и для слова,
Откровенно говоря,
Нам не нужно никакого
Разрешения царя!

Если русский властелин
Сам не чужд кровавых пятен, —
Не пропустит Головнин
То, что вычеркнул Путятин.

Над цензурою, друзья,
Смейтесь так же, как и я:
Ведь для мысли и для слова,
Откровенно говоря,
Нам не нужно никакого
Разрешения царя!

Монархическим чутьем
Сохранив в реформы веру,
Что напишем, то пошлем
Прямо в Лондон, к Искандеру.

Над цензурою, друзья,
Смейтесь так же, как и я:
Ведь для мысли и для слова,
Откровенно говоря,
Нам не нужно никакого
Разрешения царя!

1861—1862

Константин Константинович СЛУЧЕВСКИЙ

1837—1904

НАС ДВОЕ

Никогда, нигде один я не хожу,
Двое нас живут между людей:
Первый — это я, каким я стал на вид,
А другой — то я мечты моей.

И один из нас вполне законный сын;
Без отца, без матери другой;
Вечный спор у них и ссоры без конца;
Сон придет — во сне всё тот же бой.

Потому-то вот, что двое нас, — нельзя,
Мы не можем хорошо прожить:
Чуть один из нас устроится — другой
Рад в чем может только б досадить!

МЕФИСТОФЕЛЬ В ПРОСТРАНСТВАХ

Я кометой горю, я звездою лечу
И куда посмотрю, и куда захочу,
  Я мгновенно везде проступаю!
Означаюсь струей в планетарных пара́х,
Содроганием звезд на старинных осях —
  И внушаемый страх — замечаю!..

Я упасть — не могу, умереть — не могу!
Я не лгу лишь тогда, когда истинно лгу, —
  И я мир возлюбил той любовью,
Что купила его всем своим существом,
Чувством, мыслью, мечтой, всею явью и сном,
  А не только распятьем и кровью.

Надо мной ли венец не по праву горит?
У меня ль на устах не по праву царит
  Беспощадная, злая улыбка?!.

Да, в концерте творенья, что уши дерет,
И тогда только верно поет, когда врет, —
Я, конечно, первейшая скрипка...

Я велик и силен, я бесстрашен и зол;
Мне печали веков разожгли ореол,
И он выше, всё выше пылает!
Он так ярко горит, что и солнечный свет,
И сиянье блуждающих звезд и комет
Будто пятна в огне освещает!

Будет день, я своею улыбкой сожгу
Всех систем пузыри, всех миров пустельгу,
Всё, чему так приятно живется...
Да скажите же: разве не видите вы,
Как у всех на глазах, из своей головы,
Мефистофелем мир создается?!

Не с бородкой козла, не на тощих ногах,
В епанче и с пером при чуть видных рогах
Я брожу и себя проявляю:
В мелочь, в звук, в ощущенье, в вопрос и в ответ,
И во всякое «да», и во всякое «нет»,
Невесо́м, я себя воплощаю!

Добродетелью лгу, преступленьем молюсь!
По фигурам мазурки политикой вьюсь,
Убиваю, когда поцелую!
Хороню, сторожу, отнимаю, даю —
Раздробляю великую душу мою
И, могу утверждать, торжествую!..

КАМЕННЫЕ БАБЫ

На безлесном нашем юге,
На степных холмах,
Дремлют каменные бабы
С чарками в руках.

Ветер степью пролетая,
Клонит ковыли,
Бабам сказывает в сказках
Чудеса земли...

Как на севере, далеко,
На мохнатых псах,
Даже летом и без снега
Ездят на санях.

Как у нас в речных лиманах
    Столько, столько рыб,
Что и ангелы господни
    Счесть их не могли б.

Как живут у нас калмыки,
    В странах кумыса́,
Скулы толсты, очи узки,
    Редки волоса;

Подле них живут татары,
    Выбритый народ;
Каждый жен своих имеет,
    Молится — поет.

Как в надежде всепрощенья,
    Каясь во грехах,
Много стариц ждут спасенья
    В дебрях и скитах;

Как, случается порою,
    Даже до сих пор,
Вдруг поймают люди ведьму —
    Да и на костер...

Как, хоть редко, но бывает:
    Точно осовев,
Бабу с бабой повенчают,
    Лиц не доглядев...

Как живых людей хоронят:
    Было, знать, село,
Да по бабью слову скрылось,
    Под землю ушло...

Слышат каменные бабы
    С чарками в руках,
Что им сказывает ветер,
    Рея в ковылях!

И на сладкий зов новинки
    Шлют они за ним
За песчинками песчинки...
    И пройдут, как дым!

Леонид Николаевич ТРЕФОЛЕВ

1839—1905

НАКАНУНЕ КАЗНИ

Тихо в тюрьме. Понемногу
Смолкнули говор и плач.
Ходит один по острогу
С мрачною думой палач.
Завтра он страшное дело
Ловко, законно свершит:
Сделает... мертвое тело,
Душу одну... порешит.
Петля пеньковая свита
Опытной, твердой рукой.
Рвать — не порвешь: знаменита
Англия крепкой пенькой.
Сшит и колпак погребальный...
Как хорошо полотно!
Женщиной бедной, печальной
Ткалось с любовью оно;
Детям оно бы годилось,
Белое, словно снежок,
Но в кабачке очутилось
Вскоре за батькин должок.
Там англичанин, заплечный
Мастер, буянил и пил;
Труд горемыки сердечной
Он за бесценок купил.
Дюжины три иль четыре
Он накроил колпаков
Разных — и у́же, и шире —
Для удалых бедняков.
Все колпаки на исходе,
Только в запасе один;
Завтра умрет при народе
В нем наш герой-палладин.
Кто он?.. Не в имени дело,
Имя его — ни при чем;
Будет лишь сделано «тело»
Нашим врагом-палачом.

Как эту ночь он выно́сит,
Как пред холодной толпой
Взор равнодушный он бросит
Или безумно-тупой,
Как в содроганьях повиснет,
Затрепетав, словно лист? —
Всё разузнает и тиснет
Мигом статью журналист.
Может быть, к ней он прибавит
С едкой сатирою так:
«Ловко палач этот давит,
Ловко он рядит в колпак!
Скоро ли выйдет из моды
Страшный, проклятый убор?
Скоро ли бросят народы
Петлю, свинец и топор?»

26 июня 1865

ДУНЯ

Нива, моя нива,
Нива золотая!..

Жадовская

1

Дуня, моя Дуня,
Дуня дорогая!
В жаркий день июня
Ты, изнемогая,
Травушку косила
Ручкой неленивой,
Пела-голосила
Над родимой нивой:
«Где дружок найдется,
Чтоб мне слезы вытер?
Горько здесь живется, —
Я поеду в Питер.
Люди там богаты,
Здесь же — бедность, горе...
Из родимой хаты
Убегу я вскоре».
...И рыдала Дуня,
Дуня молодая,
В жаркий день июня
К ниве припадая.

2

Дуня, моя Дуня,
Дуня дорогая!
В жаркий день июня
Ты, полунагая,
В Питере дрожала
С рабскою мольбою:
«Острого кинжала
Нет ли, друг, с тобою?
Если есть, — пронзи ты
Грудь мою нагую,
Или... поднеси ты
Рюмочку-другую!»
— «Дуня! Милка, крошка,
Что с тобой, малютка?»
— «Я... пьяна... немножко,
Угощай же, ну-тка!»

...И хохочет Дуня,
Дуня молодая,
В жаркий день июня
Низко упадая.

<1885>

ПИИТА

Раз народнику-пиите
Так изрек урядник-ундер:
«Вы не пойте, погодите,
Иль возьму вас на цугундер!»

Отвечал с улыбкой робкой
Наш певец, потупя очи:
«Пусть я буду пешкой, пробкой,
Но без песен жить нет мочи.

Песня в воздухе несется,
Рассыпаясь, замирая;
С песней легче сердце бьется;
Песня — это звуки рая.

Песне сладкой всё покорно,
И под твердью голубою
Песнь не явится позорно
Низкой, подлою рабою.

Песня — радость в день печальный,
С песней счастлив и несчастный...»
Вдруг — свисток. Бежит квартальный,
А за ним и пристав частный.

Отбирают показанья
Твердой, быстрою рукою:
«Усладили вы терзанья
Русской песней, но какою?

Вы поете о народе, —
Это вредно. Пойте спроста:
«Во саду ли, в огороде...»,
«Возле речки, возле моста...»

Много чудных русских песен
Как пиите вам известно...
Мир поэзии не тесен,
Но в кутузке очень тесно».

Внявши мудрому совету,
Днесь пиита не лукавит:
Он теперь, в минуту эту,
Лишь Христа с дьячками славит.

21 декабря 1884

Алексей Николаевич *АПУХТИН*

1840—1893

* * *

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые!

Пусть даже время рукой беспощадною
Мне указало, что было в вас ложного,
Все же лечу я к вам памятью жадною,
В прошлом ответа ищу невозможного...

Вкрадчивым шепотом вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные...
В тихую ночь вы мой сон отгоняете,
Ночи бессонные, ночи безумные!

1876

СУМАСШЕДШИЙ

(Отрывок)

Да, васильки, васильки...
Много мелькало их в поле...
Помнишь, до самой реки
Мы их сбирали для Оли.

Олечка бросит цветок
В реку, головку наклонит...
«Папа, — кричит, — василек
Мой поплывет, не утонет?!»

Я ее на руки брал,
В глазки смотрел голубые,
Ножки ее целовал,
Бледные ножки, худые.

Как эти дни далеки...
Долго ль томиться я буду?
Все васильки, васильки,
Красные, желтые всюду...

Видишь, торчат на стене,
Слышишь, сбегают по крыше,
Вот подползают ко мне,
Лезут все выше и выше...

Слышишь, смеются они...
Боже, за что эти муки?
Маша, спаси, отгони,
Крепче сожми мои руки!

Поздно! Вошли, ворвались,
Стали стеной между нами,
В голову так и впились,
Колют ее лепестками.

Рвется вся грудь от тоски...
Боже! куда мне деваться?
Все васильки, васильки...
Как они смеют смеяться?

. . . .

Однако что же вы сидите предо мной?
Как смеете смотреть вы дерзкими глазами?
Вы избалованы моею добротой,
Но все же я король, и я расправлюсь с вами!
Довольно вам держать меня в плену, в тюрьме!
Для этого меня безумным вы признали...
Так я вам докажу, что я в своем уме:
Ты мне жена, а ты — ты брат ее... Что, взяли?
Я справедлив, но строг. Ты будешь казнена.
Что, не понравилось? Бледнеешь от боязни?
Что делать, милая, недаром вся страна
Давно уж требует твоей позорной казни!
Но впрочем, может быть, смягчу я приговор
И благости пример подам родному краю.
Я не за казни, нет, все эти казни — вздор.
Я взвешу, посмотрю, подумаю... не знаю...
Эй, стража, люди, кто-нибудь!
Гони их в шею всех, мне надо
Быть одному... Вперед же не забудь:
Сюда никто не входит без доклада.

<1890>

Иван Захарович СУРИКОВ

1841—1880

ЧАСОВОЙ

Полночь. Злая стужа
На дворе трещит,
Месяц облаками
Серыми закрыт.

У большого зданья,
В улице глухой
Мерными шагами
Ходит часовой.

Под его ногами
Жесткий снег хрустит,
А кругом глухая
Улица молчит;

Но шагает ровно
Бравый часовой,
И ружье он крепко
Жмет к плечу рукой.

Вспомнился солдату
Край его родной;
Вспомнилась избушка
С белою трубой;

Вспомнилась голубка,
Милая жена:
Чай, теперь на печке
Спит давно она.

Может быть, ей снится,
Как мороз трещит,
Как солдат озябший
На часах стоит.

1862 или 1863

РЯБИНА

«Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?»

— «С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде.

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

Там, за тыном, в поле,
Над рекой глубокой,
На просторе, в воле,
Дуб растет высокий.

Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнуться да качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листами
День и ночь шепталась.

Нет, нельзя рябинке
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротинке,
Век одной качаться».

1864

ДЕТСТВО

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Всё лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно;
Поднялася вьюга,
На небе темно.

Весь ты перезябнешь, —
Руки не согнешь, —
И домой тихонько,
Нехотя бредешь.

Ветхую шубенку
Скинешь с плеч долой;
Заберешься на печь
К бабушке седой.

И сидишь, ни слова...
Тихо всё кругом;
Только слышишь: воет
Вьюга за окном.

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетет;
Матушка за прялкой
Молча лен прядет.

Избу освещает
Огонек светца;
Зимний вечер длится,
Длится без конца...

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнет мне бабка
Сказку говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал,
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку—
Сердце так и мрет;
А в трубе сердито
Ветер злой поет.

Я прижмусь к старушке...
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

И во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич—
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветет;
В том саду большое
Дерево растет.

Золотая клетка
На сучке висит;
В этой клетке птица
Точно жар горит;

Прыгает в той клетке,
Весело поет,
Ярким, чудным светом
Сад весь обдает.

Вот я к ней подкрался
И за клетку—хвать!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум, звон;
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня...
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я.

Уж в избу, в окошко,
Солнышко глядит;
Пред иконой бабка
Молится, стоит.

Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачали
Горе и беда.

1865 или 1866

* * *

Сиротой я росла,
Как былинка в поле;
Моя молодость шла
У других в неволе.

Я с тринадцати лет
По людям ходила:
Где качала детей,
Где коров доила.

Светлой радости я,
Ласки не видала:
Износилась моя
Красота, увяла.

Износили ее
Горе да неволя:
Знать, такая моя
Уродилась доля.

Уродилась я
Девушкой красивой:
Да не дал только бог
Доли мне счастливой.

Птичка в темном саду
Песни распевает,
И волчица в лесу
Весело играет.

Есть у птички гнездо,
У волчицы дети —
У меня ж ничего,
Никого на свете.

Ох, бедна, я, бедна,
Плохо я одета, —
Никто замуж меня
И не взял за это!

Эх ты, доля моя,
Доля-сиротинка!
Что полынь ты трава,
Горькая осинка!

1867

ТОЛОКНО

День я хлеба не пекла,
Печку не топила —
В город с раннего утра
Мужа проводила.

Два лукошка толокна
Продала соседу,
И купила я вина,
Назвала беседу.

Всё плясала да пила —
Напилась, свалилась;
В это время в избу дверь
Тихо отворилась.

И с испугом я в двери
Увидала мужа.
Дети с голода кричат
И дрожат от стужи.

Поглядел он на меня,
Покосился с гневом —
И давай меня стегать
Плеткою с припевом:

«Как на улице мороз,
В хате не топлёно,
Нет в лукошках толокна,
Хлеба не печёно.

У соседа толокно
Детушки хлебают;
Отчего же у тебя
Зябнут, голодают?

О тебя, моя душа,
Изобью всю плетку,—
Не меняй ты никогда
Толокна на водку!»

Уж стегал меня, стегал,
Да, знать, стало жалко, —
Бросил в угол свою плеть
Да схватил он палку.

Раза два перекрестил,
Плюнул с злостью на пол,
Поглядел он на детей —
Да и сам заплакал.

Ох, мне это толокно
Дорого досталось!
Две недели на боках,
Охая, валялась!

Ох, болит моя спина,
Голова кружится;
Лягу спать, а толокно
И во сне мне снится!

1867 или 1868

Степан Алексеевич
ГРИГОРЬЕВ

1839—1874

ВЛАДИМИРКА

Звук цепей и скрип шагов
    По степи морозной,
Гул суровых голосов,
    Крик команды грозной.

Коней ржанье, во́лков вой,
    Пустыри, проселки,
Вдоль дороги столбовой
    Сосенки да елки.

По сугробам зайца след,
    Песни вьюги, стоны,
Серебристый снега цвет,
    Карканье вороны.

Небо звездное, луна
    В радужном сиянье;
Впереди лишь даль видна,
А за ней — страданье...

<1871>

Савва Яковлевич *ДЕРУНОВ*

1830/1831 — 1909

ПЕСНЯ

Свищет за окошком,
Вьюга ходит, вьется;
Где-то на селеньи
Песенка поется.

Песенки мотивы
За сердце хватают.
Радость иль страданье
Звуки выливают?

Все, кажись, невзгоды
Все прошли, забыты,
Луч блестит свободы,
К знанью путь открытый.

Людям жизнь иная,
Новая настала;
Правда ль? Но в ответ лишь
Вьюга завывала.

Песня, та же песня,
Грустная, былая,
Над селеньем та же
Ночь висит глухая.

<1872>

Дмитрий Егорович *ЖАРОВ*

1845—1874

* * *

Ой вы жители кабацкие,
Люди темные, безвестные,
Бросьте помыслы дурацкие,
За труды примитесь честные.

Вы не пашете, не косите,
Только водкой угощаетесь —
В кабаки копейки носите
И до смерти упиваетесь.

Эх, пора вам, люди бедные,
Прекратить беседы шумные,
Все попойки ваши вредные,
Песни дикие, безумные.

Для себя и для отечества
За труды примитесь с рвением,
Чтоб про Русь всё человечество
Говорило с уважением.

<1870>

Спиридон Дмитриевич *ДРОЖЖИН*

1848—1930

ДУНЯША

1

Быстро тучи проносилися
Темно-синею грядой,
Избы снегом запушилися:
Был морозец молодой.
Занесла кругом метелица
Все дороги и следы…
Из колодца красна девица
Достает себе воды, —
Достает и озирается,
Молодешенька, кругом,
А водица колыхается,
Позадернутая льдом…
Постояла чернобровая,
Коромысло подняла
И свою шубейку новую
Чуть водой не залила.
Вдоль по улице, как павушка,
Красна девица идет,
А навстречу ей Иванушка
Показался из ворот;
И, взглянув ей в очи ясные,
Тихо молвил на пути:
«Бог на помощь, девка красная,
Дай мне ведра понести!»
Вдруг ведерочки дубовые
Стал Ванюша подымать
И с улыбкой чернобровую
Обнимать и целовать.
Поцелуем красна девица
Заглушила поцелуй…
Разгуляйся ты, метелица,
Ветер, в сторону подуй!..

Долго, долго перед хатою
Ваня радостный стоял
И в мечтах своих женатую
Жизнь такую рисовал:
«Как женюсь, то избу новую
Справлю нынешней весной;
Все отдам рубли-целковые
До копеечки одной;
Чтоб жила, не знала милая
Ни печали, ни нужды,
Я возьмуся с новой силою
За крестьянские труды.
Год от года по монеточке
Накоплю я их опять,
Там, глядишь, пойдут и деточки, —
Пусть за ними ходит мать,
Пусть родная утешается
В годы старости своей...
А когда она скончается,
Сами вынянчим детей.
Мальчуганов отдам в школу я,
А девчонки-то и так...»
Вот какую жизнь веселую
Рисовал себе бедняк.

2

Ой ты, удаль молодецкая!
Ой, холодная зима!
Зазнобила дочь отецкая,
Свела молодца с ума.
Для чего она родилася
Краля-кралечка лицом
И зачем сошлась-слюбилася
С разудалым молодцом?
У нее ли есть богатые
И наряды, и казна,
А у молодца за хатою
Лишь соха да борона.
На дворе у ней скотинушка
И всего полным-полно,
У него ж нужда-кручинушка,
Горе горькое одно!

3

Столбовой большой дорогою
Тихо тащится обоз.
Над сторонкою убогою
Затрещал сильней мороз.

И, как песня многодумная,
Песня грустная моя,
Загудела вьюга шумная
И окутала поля.
Ходят, словно угорелые,
По деревням мужики
И, скучая сутки целые,
Наполняют кабаки.

Эх, недаром в песне сказано:
«Некручинну в горе быть,
Горе лыком перевязано,
А и в горе надо жить».
К бедняку ж оно привяжется —
Так ворота растворяй...
Вот и Ваня с ним ватажится:
«Целовальник, наливай!»
Он кричит и все рублевики
Вынимает напоказ, —
Ой вы, милые соколики,
Хоронил я долго вас,
Ведь трудами добывалися
Вы по гривенке одной
И на свадьбу припасалися:
«Свадьбы нет — так пир горой!»
И гуляет с ним до зорюшки
Деревенский бедный люд.
Над Иваном злое горюшко
Потешается и тут.
Словно с другом обнимается,
Вместе пляшет трепака,
И поет, и заливается
Посредине кабака.

4

Вот уж верба распушилася,
Солнце светит веселей...
Над деревней проносилася
С криком стая журавлей.
Раздавался в отдалении
Громкий звон колоколов...
В доме Дуни слышно пение,
Топот пьяных мужиков.
Пир, что море разливанное,
Весел староста, а дочь
За столом сидит печальная
И угрюмая, как ночь.

Из груди ее рыдание
Вырывается порой,
И чуть слышно причитание
Под узорчатой фатой.
«Ты прости-прощай, гуляньице,
Радость прежняя моя,
Во неволе с гореваньица,
Как цветок, увяну я...
Ох, весной сухому деревцу
Не расти, не расцветать,
С старым мужем красной девице
Только плакать да вздыхать!» —
Причитает чернобровая,
Утираючись платком.
Вдруг раскрылась дверь дубовая,
И вослед за женихом
Ваня твердою походкою
Шел в толпе и на ходу
Молвил: «Ворона с лебедкою,
Хоть умру, а разведу!»
Нож сверкнул в руке, кидается
Он на старого — и вмиг,
Пораженный в сердце, валится
Дружкам на руки жених...
Вся толпа заволновалася,
А невеста от стола
К добру молодцу бросалася
И в объятьях замерла.
Но едва девицу милую
Он успел поцеловать,
Как ему со всею силою
Стали рученьки вязать.

5

Жарко солнце разливается
На раздольные поля,
Как невеста, разряжается
Оживленная земля.
Словно бархатом оделися
Все кусточки и леса,
И над ними разносилися
Божьих птичек голоса.
Уж крестьяне сохи, бороны
Стали весело справлять
И на все четыре стороны
Горстью зернышки бросать.
Пашня черная виднеется
По приволжским берегам,

А за Волгою белеется
На пригорке божий храм;
В храме сладостное пение,
Посредине белый гроб
И в убогом облачении
Деревенский старый поп;
В гробе Дунюшка покойная
Спит, покрытая парчой,
И слышна молитва стройная:
«Со святыми упокой!»

1880

Алексей Ермилович
РАЗОРЕНОВ

1819—1891

* * *

Не брани меня родная,
Что я так люблю его,—
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

Я не знаю, что такое
Вдруг случилося со мной,
Что так бьется ретивое
И терзается тоской.

Всё оно во мне изныло,
Вся горю я как огнем,
Всё не мило мне, постыло,
Всё страдаю я по нем.

Мне не надобны наряды
И богатства всей земли...
Кудри молодца и взгляды
Сердце бедное зажгли...

Сжалься, сжалься же, родная,
Перестань меня бранить.
Знать, судьба моя такая,—
Я должна его любить!..

1850-е годы

Иван Дмитриевич *РОДИОНОВ*

1852—1881

* * *

Не корите меня, не браните,—
Не любить я его не могла,
Полюбивши же — все, что имела,
Все ему я тогда отдала.

Поглядите, что сталось со мною:
Где девалась моя красота?
Где румянец, что спорил с зарею?
Где волнистых волос густота?

Где девичий мой смех серебристый,
Где беспечная резвость моя,
Где улыбка и взгляд мой открытый,
Чем пленила коварного я...

Где та кровь, что бежала по жилам
Огневою, горячей струей,
Где та страсть, что сжигала, томила,
Клокотала в груди молодой,

Где тот голос, игривость в движеньях?
Где та юность, та юность моя,
Что ему лишь, ему безраздельно
Отдала, безрассудная, я?..

Отдала!.. Ничего не воротишь —
Ничего из былого назад,
Даже слабой надежды на счастье,
На его снисходительный взгляд...

Не корите меня, не браните,—
Я любила, люблю и сейчас
Той любовью, горячей, безумной,
Что чужда, непонятна для вас.

Я готова забыть мое горе
И простить ему все его зло...
Не корите меня, не браните,
Мне и так тяжело, тяжело!

(1876)

Петр Никитич
ТКАЧЕВ

1844—1885/1886

ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНЬЕ

Нам говорят: «Христос воскрес»,
И сонмы ангелов с небес,
Святого полны умиленья,
Поют о дне освобожденья,
Поют осьмнадцать уж веков,
Что с богом истина, любовь
Победоносно вышла с гроба.
Пристыжена людская злоба!
Что не посмеет фарисей
Рукою дерзкою своей
Теперь тернового венца
Надеть на голову Христа!
    И больше тысячи уж лет
    Как эту песню вторит свет,
    Как он приходит в умиленье,
    Что фарисеев ухищренья,
    Тупая ненависть врагов
    В союзе с пошлостью рабов,
    Хитро расставленные ковы —
    Могучее, живое слово
    Все победило, все разбило,
    И над Вселенной воцарил
    Любви и истины закон!..
Но отчего ж со всех сторон
Я слышу вопли и рыданьи?
Но отчего ж везде страданья,
Везде рабство и угнетенье,
К законам разума презренье
Я вижу в милом мне краю?
И за какую же вину
Он осужден... и навсегда
Под тяжким бременем креста
Позорно дни свои влачить,
Без права даже говорить
О том, как много он страдает,
Как много жизни пропадает

Под игом грубого насилья,
Томяся собственным бессильем,
Как на родных его полях,
Как в темных, смрадных рудниках,
Как за лопатой, за сохой
В дугу с согнутою спиной,
Под тяжким бременем оков
Страдают тысячи рабов!
Так где ж любовь и где свобода?
Ужель среди того народа,
Которым правят палачи,
Который в собственной земле
Находит только лишь могилы,
Где схронены живые силы
Не одного уж поколенья!
Так нам ли славить воскресенье?..
Нет, не смиренье, не любовь
Освободят нас от оков,
Теперь нам надобен топор,
Нам нужен нож — чтоб свой позор
Смыть кровью притеснителей!..
Мы будем рушить, рушить все.
Не пощадим мы ничего!
Что было создано веками,
Мы сломим мощными руками
И грязью в идол ваш священный
Рукою бросим дерзновенной!
Мы сроем церковь и дворец,
Пусть с рабством будет и конец
Всему отжившему, гнилому,
Пусть место новому, живому
Очистит наше разрушенье.
Зачем же петь о воскресенье.

8 апреля 1862

Иннокентий Федорович
АННЕНСКИЙ

1855—1909

ДВОЙНИК

Не я, и не он, и не ты,
И то же, что я, и не то же;
Так были мы где-то похожи,
Что наши смешались черты.

В сомненьи кипит еще спор,
Но, слиты незримой четою,
Одной мы живем и мечтою,
Мечтою разлуки с тех пор.

Горячешный сон волновал
Обманом вторых очертаний,
Но чем я глядел неустанней,
Тем ярче себя ж узнавал.

Лишь полога ночи немой
Порой отразит колыханье
Мое и другое дыханье,
Бой сердца и мой и не мой...

И в мутном круженьи годин
Все чаще вопрос меня мучит:
Когда наконец нас разлучат,
Каким же я буду один?

СРЕДИ МИРОВ

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у нее одной молю ответа,
Не потому, что от нее светло,
А потому, что с ней не надо света.

1901

ДЕТИ

Вы за мною? Я готов.
Нагрешили, так ответим.
Нам — острог, но им — цветок...
Солнца, люди, нашим детям!

В детстве тоньше жизни нить,
Дни короче в эту пору...
Не спешите их бранить,
Но балуйте... без зазору.

Вы несчастны, если вам
Непонятен детский лепет,
Вызвать шепот — это срам,
Горший — в детях вызвать трепет.

Но безвинных детских слез
Не омыть и покаяньем,
Потому что в них Христос,
Весь, со всем своим сияньем.

Ну, а те, что терпят боль,
У кого как нитки руки...
Люди! Братья! Не за то ль
И покой наш только в муке.

ПОЭТУ

В раздельной четкости лучей
И в чадной слитности видений
Всегда над нами — власть вещей
С ее триадой измерений.

И грани ль ширишь бытия
Иль формы вымыслом ты множишь,
Но в самом Я от глаз — Не Я
Ты никуда уйти не можешь.

Ты власть маяк, зовет она,
В ней сочетались бог и тленность,
И перед нею так бледна
Вещей в искусстве прикровенность.

Нет, не уйти от власти их
За волшебством воздушных пятен,
Не глубиною манит стих,
Он лишь как ребус непонятен.

Красой открытого лица
Влекла Орфея пиерида,
Ужель достойны вы певца,
Покровы кукольной Изиды?

Люби раздельность и лучи
В рожденном ими аромате.
Ты чаши яркие точи
Для целокупных восприятий.

Н. МИНСКИЙ
(Николай Максимович ВИЛЕНКИН)
1856—1937

МОЙ ДЕМОН

Нет, никогда с тех пор, как мрачные созданья
Сомнений и тоски тревожат дух людей
Гордыней гневною иль смехом отрицанья,
    Или отравою страстей,

С тех пор как мудрый змий из праха показался,
Чтоб демоном взлететь к надзвездной вышине,—
Доныне никому он в мире не являлся
    Столь мощным, страшным, злым,
        как мне...

Мой демон страшен тем, что пламенной печати
Злорадства и вражды не выжжено на нем,
Что небу он не шлет угрозы и проклятий
    И не глумится над добром.

Мой демон страшен тем, что, правду отрицая,
Он высшей правды ждет страстней, чем серафим.
Мой демон страшен тем, что, душу искушая,
    Уму он кажется святым.

Приветна речь его, и кроток взор лучистый,
Его хулы звучат печалью неземной.
Когда ж его прогнать хочу молитвой чистой,
    Он вместе молится со мной...

<1885>

ДВА ПУТИ

Нет двух путей — добра и зла,
    Есть два пути добра.
Меня свобода привела
    К распутью в час утра
И так сказала: две тропы,
    Две правды, два добра —

Раздор и муки для толпы,
Для мудреца — игра.
То, что доныне средь людей
Грехом и злом слывет,
Есть лишь начало двух путей,
Их первый поворот.
Сулит единство бытия
Путь шумной суеты.
Другой безмолвен путь — суля
Единство пустоты.
Сулят и лгут — и к той же мгле
Приводят гробовой.
Ты — призрак бога на земле,
Бог — призрак в небе твой.
Проклятье в том, что не дано
Единого пути.
Блаженство в том, что все равно,
Каким путем идти.
Беспечно, как в прогулки час,
Ступай тем иль другим,
С людьми волнуясь и трудясь,
В душе невозмутим.
Их правду правдой отрицай,
Любовью жги любовь.
В душе меня лишь созерцай,
Лишь мне дары готовь.
Моей улыбкой мир согрей,
Поведай всем, о чем
С тобою первым из людей
Теперь шепчусь вдвоем.
Скажи, я светоч им зажгла
Неведомый вчера.
Нет двух путей — добра и зла,
Есть два пути добра.

<1901>

Семен Яковлевич *НАДСОН*

1862—1887

СЛОВО

Н. Ханыкову

О, если б огненное слово
Я в дар от музы получил,
Как беспощадно б, как сурово
Порок и злобу я клеймил!
Я б поднял всех на бой со тьмою,
Я б знамя света развернул
И в мир бы песнею живою
Стремленье к истине вдохнул!

Каким бы смехом я смеялся,
Какой слезой бы прожигал!..
Опять бы над землей поднялся
Святой, забытый идеал.
Мир испугался б и проснулся,
И, как преступник, задрожал,
И на былое оглянулся,
И робко приговора ждал!..
И в этом гробовом молчаньи
Гремел бы смелый голос мой,
Звуча огнем негодованья,
Звеня правдивою слезой!..

Мне не дано такого слова...
Бессилен слабый голос мой,
Моя душа к борьбе готова,
Но нет в ней силы молодой...
В груди — бесплодное рыданье,
В устах — мучительный упрек,
И давит сердце мне сознанье,
Что я — я раб, а не пророк!

28 марта 1879

ДУРНУШКА

Бедный ребенок, — она некрасива!
То-то и в школе и дома она
Так несмела, так всегда молчалива,
Так не по-детски тиха и грустна!

Зло над тобою судьба подшутила:
Острою мыслью и чуткой душой
Щедро дурнушку она наделила, —
Не наделила одним — красотой...
Ах, красота — это страшная сила!..

1883

К. ЛЬДОВ
(Витольд-Константин Николаевич РОЗЕНБЛЮМ)

1862—1935

СЛЕПЦЫ

Слепцы глядят на божий свет
    Сквозь мрак своих очей.
В их величавом мире нет
    Ни красок, ни лучей.
Как ночь, таинственны их дни
    И призрачны, как сны.
И вещей бездною они
    Всегда окружены.
Лицом к лицу с предвечной тьмой,
    Они не сводят глаз
С неотвратимости немой,
    Невидимой для нас.
Так странник чуждый и слепой,
    Средь пестрой суеты
Иду окольною тропой,
    Влюблен в мои мечты.
Стихией мысли увлечен
    В мир призрачных задач,
Гляжу на жизненный мой сон
    И зорок, и незряч.
В ночи предчувствуя зарю
    И рассветая в ней,
Я в душу вечности смотрю
    Сквозь мрак души моей.

1897

Владимир Сергеевич
СОЛОВЬЕВ

1853—1900

ОКО ВЕЧНОСТИ

«Да не будут тебе
бози инии, разве мене».

Одна, одна над белою землею
Горит звезда.
И тянет вдаль эфирною стезею
К себе — туда.

О нет, зачем? В одном недвижном взоре
Все чудеса,
И жизни всей таинственное море,
И небеса.

И этот взор так близок и так ясен. —
Глядись в него,
Ты станешь сам — безбрежен и прекрасен —
Царем всего.

Январь 1897

БЕЛЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

...И я слышу, как сердце цветет.
Фет

Сколько их расцветало недавно,
Словно белое море в лесу!
Теплый ветер качал их так плавно
И берег молодую красу.

Отцветает она, отцветает,
Потемнел белоснежный венок,
И как будто весь мир увядает...
Средь гробов я стою одинок.

«Мы живем, твои белые думы,
У заветных тропинок души.
Бродишь ты по дороге угрюмой,
Мы недвижно сияем в тиши.

Нас не ветер берег прихотливый,
Мы тебя сберегли бы от вьюг.
К нам скорей через запад дождливый,
Для тебя мы — безоблачный юг.

Если ж взоры туман закрывает
Иль зловещий послышался гром —
Наше сердце цветет и вздыхает...
Приходи — и узнаешь о чем».

1899

Константин Михайлович ФОФАНОВ

1862—1911

ИСТИНА

В лохмотьях истина блуждает,
Переходя из века в век,
И, как заразы, избегает
Ее, чуждаясь, человек.

Ее движенья неприветны,
Суровы грубые черты.
И неприглядны и бесцветны
Лохмотья хмурой нищеты.

Она бредет, а с нею рядом,
Мишурным блеском залита,
Гордяся поступью и взглядом, —
Идет лукавая мечта.

Мечта живет кипучим бредом,
Светла, как радужный туман,
И человек за нею следом
Спешит в ласкающий обман.

Но, гордый, он не замечает,
Что перед ним, как гений злой,
В лохмотьях истина блуждает,
И дикой ревностью пылает,
И мстит до двери гробовой!

2 января 1880

ДВА МИРА

Там белых фей живые хороводы,
Луна, любовь, признанье и мечты,
А здесь — борьба за призраки свободы,
Здесь горький плач и стоны нищеты!

Там — свет небес и радужен и мирен,
Там в храмах луч негаснущей зари.
А здесь — ряды развенчанных кумирен,
Потухшие безмолвно алтари...

То край певцов, возвышенных как боги,
То мир чудес, любви и красоты...
Здесь — злобный мир безумья и тревоги,
Певцов борьбы, тоски и суеты...

7 апреля 1886

* * *

В исканьи истины и бога
Мы сбились в сумерках с пути.
Хотя дорог есть старых много,
Зато нам новых не найти!

Идем, себя не разумея,
Идем в потемках, наобум,
Но сердце бьется, пламенея,
И жадно ищет новых дум.

Мы без компаса, без огнива,
А до рассвета — далеко!
И очи косятся пугливо,
И груди дышат нелегко.

Когда ж рассвет блеснет навстречу,
Стряхнут собратья тяжкий сон
И жадно бросимся мы в сечу
За честь поруганных знамен?

13 января 1910

Дмитрий Сергеевич
МЕРЕЖКОВСКИЙ

1866—1941

ДОН-КИХОТ

Шлем — надтреснутое блюдо,
Щит — картонный, панцирь — жалкий...
В стременах висят, качаясь,
Ноги тощие, как палки.

Для него хромая кляча —
Конь могучий Россинанта,
Эти мельничные крылья —
Руки мощного гиганта.

Видит он в таверне грязной
Роскошь царского чертога,
Слышит в дудке свинопаса
Звук серебряного рога.

Санхо Панца едет рядом;
Гордый вид его серьезен:
Как прилично копьеносцу,
Он величествен и грозен.

В красной юбке, в пятнах дегтя,
Там, над кучами навоза, —
Эта царственная дама —
Дульцинея де Тобозо...

Страстно, с юношеским жаром
Он в толпе крестьян голодных
Вместо хлеба рассыпает
Перлы мыслей благородных:

«Люди добрые, ликуйте,
Наступает праздник вечный:
Мир не солнцем озарится,
А любовью бесконечной...

Будут все равны; друг друга
Перестанут ненавидеть;
Ни алькады, ни бароны
Не посмеют вас обидеть.

Пойте, братья, гимн победный!
Этот меч несет свободу,
Справедливость и возмездье
Угнетенному народу!»

Из приходской школы дети
Выбегают, бросив книжки,
И хохочут, и кидают
Грязью в рыцаря мальчишки.

Аплодируя, как зритель,
Жирный лавочник смеется;
На крыльце своем трактирщик
Весь от хохота трясется.

И почтенный патер смотрит,
Изумлением объятый,
И громит безумье века
Он латинскою цитатой.

Из окна глядит цирюльник,
Он прервал свою работу,
И с восторгом машет бритвой
И кричит он Дон-Кихоту:

«Благороднейший из смертных,
Я желаю вам успеха!..»
И не в силах кончить фразы,
Задыхается от смеха.

Он не чувствует, не видит
Ни насмешек, ни презренья:
Кроткий лик его так светел,
Очи — полны вдохновенья.

Он смешон, но сколько детской
Доброты в улыбке нежной
И в лице, простом и бледном,
Сколько веры безмятежной!

И любовь и вера святы,
Этой верою согреты
Все великие безумцы,
Все пророки и поэты!

1887

ДЕТИ НОЧИ

Устремляя наши очи
На бледнеющий восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, придет ли наш пророк.
И, с надеждою в сердцах,
Умирая, мы тоскуем
О несозданных мирах.
Мы неведомое чуем.
Дерзновенны наши речи,
Но на смерть осуждены
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны.
Погребенных воскресенье
И, среди глубокой тьмы,
Петуха ночное пенье,
Холод утра — это мы.
Мы — над бездною ступени,
Дети мрака, солнца ждем,
Свет увидим, и как тени
Мы в лучах его умрем.

<1896>

ПАРКИ

Будь что будет — все равно.
Парки дряхлые, прядите
Жизни спутанные нити,
Ты шуми, веретено.

Все наскучило давно
Трем богиням, вещим пряхам:
Было прахом, будет прахом, —
Ты шуми, веретено.

Нити вечные судьбы
Тянут парки из кудели,
Без начала и без цели.
Не склоняют их мольбы,

Не пленяет красота:
Головой они качают,
Правду горькую вещают
Их поблеклые уста.

Мы же лгать обречены:
Роковым узлом от века
В слабом сердце человека
Правда с ложью сплетены.

Лишь уста открою — лгу,
Я рассечь узлов не смею,
А распутать не умею,
Покориться не могу.

Лгу, чтоб верить, чтобы жить,
И во лжи моей тоскую.
Пусть же петлю роковую,
Жизни спутанную нить,

Цепи рабства и любви,
Все, пред чем я полон страхом,
Рассекут единым взмахом,
Парка, ножницы твои!

1892

КУДА НЕСЕТ НАС РОК СОБЫТИЙ

Поэзия начала XX века

Константин Дмитриевич БАЛЬМОНТ

1867—1942

ВОСКРЕСШИЙ

Полуизломанный, разбитый,
С окровавленной головой,
Очнулся я на мостовой,
Лучами яркими облитой.

Зачем я бросился в окно?
Ценою страшного паденья
Хотел купить освобожденье
От уз, наскучивших давно.

Хотел убить змею печали,
Забыть позор погибших дней...
Но пять воздушных саженей
Моих надежд не оправдали.

И вдруг открылось мне тогда,
Что все, что сделал я, — преступно.
И было небо недоступно
И высоко, как никогда.

В себе унизив человека,
Я от своей ушел стези,
И вот лежал теперь в грязи,
Полурастоптанный калека.

И сквозь столичный шум и гул,
Сквозь этот грохот безучастный
Ко мне донесся звук неясный:
Знакомый дух ко мне прильнул.

И смутный шепот, замирая,
Вздыхал чуть слышно надо мной,
И был тот шепот — звук родной
Давно утраченного рая:

«Ты не исполнил свой предел,
Ты захотел успокоенья,
Но нужно заслужить забвенье
Самозабвеньем чистых дел.

Умри, когда отдашь ты жизни
Все то, что жизнь тебе дала,
Иди сквозь мрак земного зла
К небесной радостной отчизне.

Ты обманулся сам в себе
И в той, что льет теперь рыданья, —
Но это мелкие страданья.
Забудь. Служи иной судьбе.

Душой отзывною страдая,
Страдай за мир, живи с людьми,
И после — мой венец прими...»
Так говорила тень святая.

То смерть-владычица была,
Она являлась на мгновенье,
Дала мне жизни откровенье
И прочь — до времени — ушла.

И новый, лучший день, алея,
Зажегся для меня во мгле.
И, прикоснувшися к земле,
Я встал с могуществом Антея.

БОГ И ДЬЯВОЛ

Я люблю тебя, дьявол, я люблю тебя, бог,
Одному — мои стоны, и другому — мой вздох,
Одному — мои крики, а другому — мечты,
Но вы оба велики, вы восторг Красоты.

Я как туча блуждаю, много красок вокруг,
То на север иду я, то откинусь на юг,
То далеко, с востока, поплыву на закат,
И пылают рубины, и чернеет агат.

О, как радостно жить мне, я лелею поля,
Под дождем моим свежим зеленеет земля,
И змеиностью молний и раскатом громов
Много снов я разрушил, много сжег я домов.

В доме тесно и душно, и минутны все сны,
Но свободно-воздушна эта ширь вышины,
После долгих мучений как пленителен вздох,
О, таинственный дьявол, о, единственный бог!

КОМЕТА

По яйцевидному пути
Летит могучая комета.
О чем хлопочет пляской света?
Что нужно в мире ей найти?

Рисует вытянутый круг,
Свершает эллипс трехгодичный,
И вновь придет стезей обычной,
Но опрокинется на юг.

Она встает уж много лет,
Свой путь уклончивый проводит
Из неизвестного приходит,
И вновь ее надолго нет.

Как слабый лик туманных звезд,
Она в начале появленья—
Всего лишь дымное виденье,
В ней нет ядра, чуть тлеет хвост.

Но ближе к Солнцу,—и не та,
Уж лик горит, уж свет не дробен,
И миллионы верст способен
Тянуться грозный след хвоста.

Густеет яркое ядро,
И уменьшается орбита,
Комета светится сердито,
Сплошной пожар—ее нутро.

Сопротивляется эфир
Ее крылатости в пространстве,
Но Солнце в огненном убранстве
К себе зовет ее на пир.

К себе зовет ее, прядет
Вселенски-светлые дороги,
И луны, в страсти—крутороги,
Ведут венчальный хоровод.

Верховная пылает даль,
Все уменьшается орбита.
В жар-птицу ночи—воля влита
Все у́же скручивать спираль.

Полнеба обнял рдяный хвост,
Еще пронзенья и червонца,
И взрывность рухнется на Солнце,
Средь ужасающихся звезд.

1908. Ночи зимние.
Беркендаль

Мирра Александровна ЛОХВИЦКАЯ

1869—1905

СОПЕРНИЦЕ

Да, верю я, она прекрасна,
Но и с небесной красотой
Она пыталась бы напрасно
Затмить венец мой золотой.

Многоколенен и обширен
Стоит сияющий мой храм;
Там в благовонии кумирен
Не угасает фимиам.

Там я царица! Я владею
Толпою рифм, моих рабов;
Мой стих, как бич, висит над нею
И беспощаден, и суров.

Певучий дактиль плеском знойным
Сменяет ямб мой огневой;
За анапестом беспокойным
Я шлю хореев светлый рой.

И строфы звучною волною
Бегут послушны и легки,
Свивая избранному мною
Благоуханные венки...

Так проходи же! Прочь с дороги!
Рассудку слабому внемли:
Где свой алтарь воздвигли боги,
Не место призракам земли!

О, пусть зовут тебя прекрасной,
Но красота — цветок земной —
Померкнет бледной и безгласной
Пред зазвучавшею струной!

Между 1896 и 1898

* * *

Во тьме кружится шар земной,
Залитый кровью и слезами,
Повитый смертной пеленой
И неразгаданными снами.

Мы долго шли сквозь вихрь и зной,
И загрубели наши лица.
Но лег за нами мрак ночной,
Пред нами — вспыхнула денница.

Чем ближе к утру — тем ясней,
Тем дальше сумрачные дали.
О, сонмы плачущих теней
Нечеловеческой печали!

Да, в вечность ввергнется тоска
Пред солнцем правды всемогущей.
За нами средние века.
Пред нами свет зари грядущей.

<1904>

Иван Алексеевич
БУНИН

1870—1953

РОДИНЕ

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей,

Глядит с улыбкой состраданья
На ту, кто сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

1891

ОКЕАНИДЫ

В полдневный зной, когда на щебень,
На валуны прибрежных скал,
Кипя, встает за гребнем гребень,
Крутясь, идет за валом вал, —

Когда изгиб прибоя блещет
Зеркально-вогнутой грядой
И в нем сияет и трепещет
От гребня отблеск золотой, —

Как весел ты, о буйный хохот,
Звенящий смех Океанид,
Под этот влажный шум и грохот
Летящих в пене на гранит!

Как звучно море под скалами
Дробит на солнце зеркала
И в пене, вместе с зеркалами,
Клубит их белые тела!

ДЖОРДАНО БРУНО

«Ковчег под предводительством осла —
Вот мир людей. Живите во Вселенной.
Земля — вертеп обмана, лжи и зла.
Живите красотою неизменной.

Ты, мать-земля, душе моей близка —
И далека. Люблю я смех и радость,
Но в радости моей — всегда тоска,
В тоске всегда — таинственная сладость!»

И вот он посох странника берет:
Простите, келий сумрачные своды!
Его душа, всем чуждая, живет
Теперь одним: дыханием свободы.

«Вы все рабы. Царь вашей веры — Зверь:
Я свергну трон слепой и мрачной веры.
Вы в капище: я распахну вам дверь
На блеск и свет, в лазурь и бездну Сферы.

Ни бездне бездн, ни жизни грани нет.
Мы остановим солнце Птоломея —
И вихрь миров, несметный сонм планет,
Пред нами развернется, пламенея!»

И он дерзнул на все — вплоть до небес.
Но разрушенье — жажда созиданья,
И, разрушая, жаждал он чудес —
Божественной гармонии Созданья.

Глаза сияют, дерзкая мечта
В мир откровений радостных уносит.
Лишь в истине — и цель и красота.
Но тем сильнее сердце жизни просит.

«Ты, девочка! ты, с ангельским лицом,
Поющая над старой звонкой лютней!
Я мог твоим быть другом и отцом...
Но я один. Нет в мире бесприютней!

Высоко нес я стяг своей любви.
Но есть другие радости, другие:
Оледенив желания свои,
Я только твой, познание — софия!»

И вот опять он странник. И опять
Глядит он вдаль. Глаза блестят, но строго
Его лицо. Враги, вам не понять,
Что бог есть Свет. И он умрет за бога.

«Мир — бездна бездн. И каждый атом в нем
Проникнут богом — жизнью, красотою.
Живя и умирая, мы живем
Единою, всемирною Душою.

Ты, с лютнею! Мечты твоих очей
Не эту ль Жизнь и Радость отражали?
Ты, солнце! вы, созвездия ночей!
Вы только этой Радостью дышали».

И маленький тревожный человек
С блестящим взглядом, ярким и холодным,
Идет в огонь. «Умерший в рабский век
Бессмертием венчается —
в свободном!

Я умираю — ибо так хочу.
Развей, палач, развей мой прах, презренный!
Привет Вселенной, Солнцу! Палачу! —
Он мысль мою развеет по Вселенной!»

Валерий Яковлевич БРЮСОВ

1873—1924

—Я—

Мой дух не изнемог во мгле противоречий,
Не обессилел ум в сцепленьях роковых.
Я все мечты люблю, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих.

Я возносил мольбы Астарте и Гекате,
Как жрец, стотельчих жертв сам проливал я кровь,
И после подходил к подножиям распятий
И славил сильную, как смерть, любовь.

Я посещал сады Ликеев, Академий,
На воске отмечал реченья мудрецов;
Как верный ученик, я был ласкаем всеми,
Но сам любил лишь сочетанья слов.

На острове Мечты, где статуи, где песни,
Я исследил пути в огнях и без огней,
То поклонялся тем, что́ ярче, что́ телесней,
То трепетал в предчувствии теней.

И странно полюбил я мглу противоречий
И жадно стал искать сплетений роковых.
Мне сладки все мечты, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих...

24 декабря 1899

ПСИХЕЯ

Что́ чувствовала ты, Психея, в оный день,
Когда Эрот тебя, под именем супруги,
Привел на пир богов под неземную сень?
Что́ чувствовала ты в их олимпийском круге?

И вся любовь того, кто над любовью бог,
Могла ли облегчить чуть видные обиды:
Ареса дерзкий взор, царицы злобный вздох,
Шушуканье богинь и злой привет Киприды!

И на пиру богов, под их бесстыдный смех,
Где выше власти все, все — боги да богини,
Не вспоминала ль ты о днях земных утех,
Где есть печаль и стыд, где вера есть в святыни!

23 декабря 1898

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА

Орфей

Слышу, слышу шаг твой нежный,
Шаг твой слышу за собой.
Мы идем тропой мятежной
К жизни мертвенной тропой.

Эвридика

Ты — ведешь, мне — быть покорной,
Я должна идти, должна...
Но на взорах — облак черный,
Черной смерти пелена.

Орфей

Выше! выше! все ступени,
К звукам, к свету, к солнцу вновь!
Там со взоров стают тени,
Там, где ждет моя любовь!

Эвридика

Я не смею, я не смею,
Мой супруг, мой друг, мой брат!
Я лишь легкой тенью вею,
Ты лишь тень ведешь назад.

Орфей

Верь мне! верь мне! у порога
Встретишь ты, как я, весну!
Я, заклявший лирой — бога,
Песней жизнь в тебя вдохну!

Эвридика

Ах, что значат все напевы
Знавшим тайну тишины!
Что весна, — кто видел севы
Асфоделевой страны!

Орфей

Вспомни, вспомни! луг зеленый,
Радость песен, радость пляск!
Вспомни, в ночи — потаенный
Сладко-жгучий ужас ласк!

Эвридика

Сердце — мертво, грудь — недвижна.
Что вручу объятью я?
Помню сны, — но неподвижна,
Друг мой бедный, речь твоя.

Орфей

Ты не помнишь! ты забыла!
Ах, я помню каждый миг!
Нет, не сможет и могила
Затемнить во мне твой лик!

Эвридика

Помню счастье, друг мой бедный,
И любовь, как тихий сон...
Но во тьме, во тьме бесследной
Бледный лик твой затемнен...

Орфей

— Так смотри! — И смотрит дико,
Вспять, во мрак пустой, Орфей.
— Эвридика! Эвридика! —
Стонут отзвуки теней.

10—11 июня 1904 г.

ГИМН БОГАМ

Но что мной зримая вселенна
И что перед тобою я!
Г. Державин

Я верую в мощного Зевса, держащего выси вселенной,
Державную Геру, чьей волей обеты семейные святы;
Властителя вод Посейдона, мутящего глуби трезубцем;
Владыку подземного царства, судью неподкупного Гада;
Великую мудрость Паллады, дающей отважные мысли;
Губя́щую Ареса силу, влекущего дерзостных к бою;

Блаженную мирность Деметры, под чьим покровительством пашни;
Священную Гестии тайну, чьей благостью дом осчастливлен;
Твой пояс, таящий соблазны, святящая страсть, Афродита;
Твой лук с тетивой золоченой, ты, дева вовек, Артемида;
Певуче-бессмертную лиру метателя стрел Аполлона;
Могучий и творческий молот кующего тайны Гефеста;
И легкую, умную хитрость посланника с крыльями Герма.
Я верую, с Зевсом начальным, в двенадцать бессмертных. Стихии
Покорны их благостной воле; земля, подземелье и небо
Подвластны их грозным веленьям; и смертные, с робким восторгом,
Приветствуют в образах вечных — что было, что есть и что будет.
Храните, о боги, над миром владычество ныне и присно!

1913

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

В ярком летнем свете,
В сквере, в цветнике,
Маленькие дети
Возятся в песке:

Гречники готовят,
Катят колесо,
Неумело ловят
Палочкой серсо;

Говорят, смеются,
Плачут невпопад, —
В хоровод сплетутся,
Выстроятся в ряд;

Все, во всем, — беспечны,
И, в пылу игры,
Все — добросердечны...
Ах! лишь до поры!

Сколько лет им, спросим.
Редкий даст ответ:
Тем — лет пять, тем — восемь,
Старше в круге нет...

Но, как знать, быть может,
Здесь, в кругу детей,—
Тот, кто потревожит
Мглу грядущих дней,—

Будущий воитель,
Будущий мудрец,
Прав благовеститель,
Тайновед сердец;

Иль преступник некий,
Имя чье потом
Будет жить вовеки,
Облито стыдом...

Скрыты в шуме круга
Оба, может быть,
И сейчас друг друга
Погнались ловить.

И, смеясь затеям,
Вот несется вскачь
С будущим злодеем
Будущий палач!

Маленькие дети!
В этот летний час
Вся судьба столетий
Зиждится на вас!

Июль 1918

МИР ЭЛЕКТРОНА

Быть может, эти электроны —
Миры, где пять материков,
Искусства, знанья, войны, троны
И память сорока веков!

Еще, быть может, каждый атом —
Вселенная, где сто планет;
Там всё, что здесь, в объеме сжатом,
Но также то, чего здесь нет.

Их меры малы, но все та же
Их бесконечность, как и здесь;
Там скорбь и страсть, как здесь, и даже
Там та же мировая спесь.

Их мудрецы, свой мир бескрайный
Поставив центром бытия,
Спешат проникнуть в искры тайны
И умствуют, как ныне я;

А в миг, когда из разрушенья
Творятся токи новых сил,
Кричат, в мечтах самовнушенья,
Что бог свой светоч загасил!

13 августа 1922

Максимилиан Александрович ВОЛОШИН

1877—1932

ДВА ДЕМОНА

1

Я дух механики. Я вещества
Во тьме блюду слепые равновесья,
Я полюс сфер — небес и поднебесья.
Я гений числ. Я счетчик. Я глава.

Мне важны формулы, а не слова.
Я всюду и нигде. Но кликни — здесь я!
В сердцах машин клокочет злоба бесья.
Я князь земли! Мне знаки и права!

Я друг свобод. Создатель педагогик.
Я инженер, теолог, физик, логик.
Я призрак истин сплавил в стройный бред.

Я в соке конопли. Я в зернах мака.
Я тот, кто кинул шарики планет
В огромную рулетку Зодиака.

1911

2

На дно миров пловцом спустился я —
Мятежный дух, ослушник высшей воли.
Луч радости на семицветность боли
Во мне разложен влагой бытия.

Во мне звучит всех духов лития,
Но семь цветов разъяты в каждом доле
Одной симфонии. Не оттого ли
Отливами горю я, как змея?

Я свят грехом. Я смертью жив. В темнице
Свободен я. Бессилием — могуч.
Лишенный крыл, в паренье равен птице.

Клюй, коршун, печень! Бей, кровавый ключ!
Весь хор светил — один в моей цевнице,
Как в радуге — один распятый луч.

1915

Александр Александрович
БЛОК

1880—1921

* * *

В ночи, исполненной грозою,
В средине тучи громовой,
Исполнен мрачной красотою,
Витает образ грозовой.

То — ослепленная зарницей,
Внемля раскатам громовым,
Юнона правит колесницей
Перед Юпитером самим.

20 марта 1900

* * *

И Дух и Невеста говорят: прийди.
Апокалипсис.

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.

Все дышавшее ложью
Отшатнулось, дрожа.
Предо мной — к бездорожью
Золотая межа.

Заповеданных лилий
Прохожу я леса.
Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.

Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета,
Вижу очи Твои.

22 февраля 1902

ЭККЛЕСИАСТ

Благословляя свет и тень
И веселясь игрою лирной,
Смотри туда — в хаос безмирный,
Куда склоняется твой день.

Цела серебряная цепь,
Твои наполнены кувшины,
Миндаль цветет на дне долины,
И влажным зноем дышит степь.

Идешь ты к дому на горах,
Полдневным солнцем залитая;
Идешь — повязка золотая
В смолистых тонет волосах.

Зачахли каперса цветы,
И вот — кузнечик тяжелеет,
И на дороге ужас веет,
И помрачились высоты.

Молоть устали жернова.
Бегут испуганные стражи,
И всех объемлет призрак вражий,
И долу гнутся дерева.

Все диким страхом смятено.
Столпились в кучу люди, звери.
И тщетно замыкают двери
Досель смотревшие в окно.

24 сентября 1902

* * *

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая — Ты.

25 октября 1902

ДВОЙНИК

Однажды в октябрьском тумане
Я брел, вспоминая напев.
(О, миг непродажных лобзаний!
О, ласки некупленных дев!)
И вот — в непроглядном тумане
Возник позабытый напев.

И стала мне молодость сниться,
И ты, как живая, и ты...
И стал я мечтой уноситься
От ветра, дождя, темноты...
(Так ранняя молодость снится.
А ты-то, вернешься ли ты?)

Вдруг вижу — из ночи туманной,
Шатаясь, подходит ко мне
Стареющий юноша (странно,
Не снился ли мне он во сне?),
Выходит из ночи туманной
И прямо подходит ко мне.

И шепчет: «Устал я шататься,
Промозглым туманом дышать,
В чужих зеркалах отражаться
И женщин чужих целовать...»
И стало мне странным казаться,
Что я его встречу опять...

Вдруг — он улыбнулся нахально, —
И нет близ меня никого...
Знаком этот образ печальный,
И где-то я видел его...
Быть может, себя самого
Я встретил на глади зеркальной?

Октябрь 1909

ИЗ ПОЭМЫ «ДВЕНАДЦАТЬ»

3

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить —
В красной гвардии служить —
Буйну голову сложить!

Эх ты, горе-горькое,
    Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
    Господи, благослови!

12

...Вдаль идут державным шагом...
— Кто еще там? Выходи!
Это — ветер с красным флагом
Разыгрался впереди...

Впереди — сугроб холодный,
— Кто в сугробе — выходи!..
Только нищий пес голодный
Ковыляет позади...

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком пощекочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались — поколочу!

...Скалит зубы — волк голодный —
Хвост поджал — не отстает —
Пес холодный — пес безродный...
— Эй, откликнись, кто идет?

— Кто там машет красным флагом?
— Приглядись-ка, эка тьма!
— Кто там ходит беглым шагом,
Хоронясь за все дома?

— Всё равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем!
— Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах! — И только эхо
Откликается в домах...
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...

Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах...

...Так идут державным шагом —
Позади — голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.

Январь 1918

Осип Эмильевич МАНДЕЛЬШТАМ

1891—1938

КИНЕМАТОГРАФ

Кинематограф. Три скамейки.
Сантиментальная горячка.
Аристократка и богачка
В сетях соперницы-злодейки.

Не удержать любви полета:
Она ни в чем не виновата!
Самоотверженно, как брата,
Любила лейтенанта флота.

А он скитается в пустыне,
Седого брата сын побочный.
Так начинается лубочный
Роман красавицы графини.

И в исступленьи, как гитана,
Она заламывает руки.
Разлука. Бешеные звуки
Затравленного фортепьяно.

В груди доверчивой и слабой
Еще достаточно отваги
Похитить важные бумаги
Для неприятельского штаба.

И по каштановой аллее
Чудовищный мотор несется.
Стрекочет лента, сердце бьется
Тревожнее и веселее.

В дорожном платье, с саквояжем,
В автомобиле и в вагоне,
Она боится лишь погони,
Сухим измучена миражем.

Какая горькая нелепость:
Цель не оправдывает средства!
Ему — отцовское наследство,
А ей — пожизненная крепость!

1913

* * *

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладою когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи,—
На головах царей божественная пена,—
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер — всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

1915

* * *

Природа — тот же Рим и отразилась в нем.
Мы видим образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе, как в цирке голубом,
На форуме полей и в колоннаде рощи.

Природа — тот же Рим, и, кажется, опять
Нам незачем богов напрасно беспокоить,—
Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать,
Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить!

1917

ВЕК

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?
Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей,
Захребетник лишь трепещет
На пороге новых дней.

Тварь, покуда жизнь хватает,
Донести хребет должна
И невидимым играет
Позвоночником волна.
Словно нежный хрящ ребенка,
Век младенческий земли.
Снова в жертву, как ягненка,
Темя жизни принесли.

Чтобы вырвать век из плена,
Чтобы новый мир начать,
Узловатых дней колена
Нужно флейтою связать.
Это век волну колышет
Человеческой тоской,
И в траве гадюка дышит
Мерой века золотой.

И еще набухнут почки,
Брызнет зелени побег,
Но разбит твой позвоночник,
Мой прекрасный жалкий век!
И с бессмысленной улыбкой
Вспять глядишь, жесток и слаб,
Словно зверь, когда-то гибкий,
На следы своих же лап.

Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей
И горящей рыбой мещет
В берег теплый хрящ морей.
И с высокой сетки птичьей,
От лазурных влажных глыб
Льется, льется безразличье
На смертельный твой ушиб.

1922

Николай Степанович ГУМИЛЕВ

1886—1921

ВОЛШЕБНАЯ СКРИПКА

Валерию Брюсову

Милый мальчик, ты так весел, так светла
твоя улыбка,
Не проси об этом счастье, отравляющем миры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое
эта скрипка,
Что такое темный ужас начинателя игры!

Тот, кто взял ее однажды в повелительные руки,
У того исчез навеки безмятежный свет очей,
Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скрипачей.

Надо вечно петь и плакать этим струнам,
звонким струнам,
Вечно должен биться, виться
обезумевший смычок,
И под солнцем, и под вьюгой, под белеющим
буруном,
И когда пылает запад, и когда горит восток.

Ты устанешь и замедлишь, и на миг
прервется пенье,
И уж ты не сможешь крикнуть, шевельнуться
и вздохнуть,—
Тотчас бешеные волки в кровожадном
исступленьи
В горло вцепятся зубами, встанут лапами
на грудь.

Ты поймешь тогда, как злобно насмеялось все,
что пело,
В очи глянет запоздалый, но властительный
испуг.

И тоскливый смертный холод обовьет,
как тканью, тело,
И невеста зарыдает, и задумается друг.

Мальчик, дальше! Здесь не встретишь
ни веселья, ни сокровищ,
Но я вижу — ты смеешься, эти взоры — два луча.
На, владей волшебной скрипкой, посмотри
в глаза чудовищ
И погибни славной смертью, страшной смертью
скрипача!

АНДРЕЙ РУБЛЕВ

Я твердо, я так сладко знаю,
С искусством иноков знаком,
Что лик жены подобен раю,
Обетованному творцом.

Нос — это древа ствол высокий,
Две тонкие дуги бровей
Над ним раскинулись широки,
Изгибом пальмовых ветвей.

Две вещих Сирина, два глаза,
Под ними сладостно поют,
Велеречивостью рассказа
Все тайны духа выдают.

Открытый лоб — как свод небесный,
И кудри — облака над ним;
Их, верно, с робостью прелестной
Касался нежный серафим.

И тут же, у подножья древа,
Уста — как некий райский цвет,
Из-за какого матерь Ева
Благой нарушила завет.

Все это кистью достохвальной
Андрей Рублев мне начертал,
И этой жизни труд печальный
Благословеньем божьим стал.

ОРЕЛ

Орел летел все выше и вперед
К Престолу Сил сквозь звездные преддверья,
И был прекрасен царственный полет,
И лоснились коричневые перья.

Где жил он прежде? Может быть, в плену,
В оковах королевского зверинца,
Кричал, встречая девушку-весну,
Влюбленную в задумчивого принца.

Иль, может быть, в берлоге колдуна,
Когда глядел он в узкое оконце,
Его зачаровала вышина
И властно превратила сердце в солнце.

Не все ль равно?! Играя и маня,
Лазурное вскрывалось совершенство,
И он летел три ночи и три дня,
И умер, задохнувшись от блаженства.

Он умер, да! Но он не мог упасть,
Войдя в круги планетного движенья.
Бездонная внизу зияла пасть,
Но были слабы силы притяженья.

Лучами был пронизан небосвод,
Божественно-холодными лучами,
Не зная тленья, он летел вперед,
Смотрел на звезды мертвыми очами.

Не раз в бездонность рушились миры,
Не раз труба архангела трубила,
Но не была добычей для игры
Его великолепная могила.

Владимир Владимирович
МАЯКОВСКИЙ

1893—1930

ВОТ ТАК Я СДЕЛАЛСЯ СОБАКОЙ

Ну, это совершенно невыносимо!
Весь как есть искусан злобой.
Злюсь не так, как могли бы вы:
как собака лицо луны гололобой —
взял бы
и все обвыл.

Нервы, должно быть...
Выйду,
погуляю.
И на улице не успокоился ни на ком я.
Какая-то прокричала про добрый вечер.
Надо ответить:
она — знакомая.
Хочу.
Чувствую —
не могу по-человечьи.

Что это за безобразие!
Сплю я, что ли?
Ощупал себя:
такой же, как был,
лицо такое же, к какому привык.
Тронул губу,
а у меня из-под губы —
клык.

Скорее закрыл лицо, как будто сморкаюсь.
Бросился к дому, шаги удвоив.
Бережно огибаю полицейский пост,
вдруг оглушительное:
«Городовой!
Хвост!»

Провел рукой и — остолбенел!
Этого-то,
всяких клыков почище,

я и не заметил в бешеном скаче:
у меня из-под пиджака
развеерился хвостище
и вьется сзади
большой, собачий.

Что теперь?
Один заорал, толпу растя.
Второму прибавился третий, четвертый.
Смяли старушонку.
Она, крестясь, что-то кричала про черта.

И когда, ощетинив в лицо усища-веники,
толпа навалилась,
огромная,
злая,
я стал на четвереньки
и залаял:
Гав! гав! гав!

(1915)

ПОСЛЕ ИЗЪЯТИЙ

Известно:
у меня
и у бога
разногласий чрезвычайно много.
Я ходил раздетый,
ходил босой,
а у него —
в жемчугах ряса.
При виде его
гнев свой
еле сдерживал.
Просто трясся.
А теперь бог — что надо.
Много проще бог стал.
Смотрит из деревянного оклада.
Риза — из холста.
— Товарищ бог!
Меняю гнев на милость.
Видите —
даже отношение к вам немного переменилось:
называю «товарищем»,
а раньше —
«господин».
(И у вас появился товарищ один.)

По крайней мере,
на человека похожи
стали.
Что же,
зайдите ко мне как-нибудь.
Снизойдите
с вашей звездной дали.
У нас промышленность расстроена,
транспорт тож.
А вы
— говорят —
занимались чудесами.
Сделайте одолжение,
сойдите,
поработайте с нами.
А чтоб ангелы не били баклуши,
посреди звезд —
напечатайте,
чтоб лезло в глаза и в уши:
не трудящийся не ест.

(1922)

ТАМАРА И ДЕМОН

От этого Терека
в поэтах
истерика.
Я Терек не видел.
Большая потерийка.
Из омнибуса
вразвалку
сошел,
поплевывал
в Терек с берега,
совал ему
в пену
палку.
Чего же хорошего?
Полный развал!
Шумит,
как Есенин в участке.
Как будто бы
Терек
сорганизовал,
проездом в Боржом,
Луначарский.
Хочу отвернуть
заносчивый нос
и чувствую:
стыну на грани я,

овладевает
мною
гипноз,
воды
и пены играние.
Вот башня,
револьвером
небу к виску,
разит
красотою нетроганой.
Поди,
подчини ее
преду искусств —
Петру Семенычу
Когану.
Стою,
и злоба взяла меня,
что эту
дикость и выступы
с такой бездарностью
я
променял
на славу,
рецензии,
диспуты.
Мне место
не в «Красных нивах»,
а здесь,
и не построчно,
а даром
реветь
стараться в голос во весь,
срывая
струны гитарам.
Я знаю мой голос:
паршивый тон,
но страшен
силою ярой.
Кто видывал,
не усомнится,
что
я
был бы услышан Тамарой.
Царица крепится,
взвинчена хоть,
величественно
делает пальчиком.
Но я ей
сразу:
— А мне начхать,

царица вы
или прачка!
Тем более
с песен —
какой гонорар?!
А стирка —
в семью копейка.
А даром
немного дарит гора:
лишь воду —
поди,
попей-ка! —
Взъярилась царица,
к кинжалу рука.
Козой,
из берданки ударенной.
Но я ей
по-своему,
вы ж знаете как —
под ручку...
любезно...
— Сударыня!
Чего кипятитесь,
как паровоз?
Мы
общей лирики лента.
Я знаю давно вас,
мне
много про вас
говаривал
некий Лермонтов.
Он клялся,
что страстью
и равных нет...
Таким мне
мерещился образ твой.
Любви я заждался,
мне 30 лет.
Полюбим друг друга.
Попросту.
Да так,
чтоб скала
распостелилась в пух.
От черта скраду
и от бога я!
Ну что тебе Демон?
Фантазия!
Дух!

К тому ж староват —
мифология.
Не кинь меня в пропасть,
будь добра.
От этой ли
струшу боли я?
Мне
даже
пиджак не жаль ободрать,
а грудь и бока —
тем более.
Отсюда
дашь
хороший удар —
и в Терек
замертво треснется.
В Москве
больнее спускают...
куда!
ступеньки считаешь —
лестница.
Я кончил,
и дело мое сторона.
И пусть,
озверев от помарок,
про это
пишет себе Пастернак,
А мы...
соглашайся, Тамара!
История дальше
уже не для книг.
Я скромный,
и я
бастую.
Сам Демон слетел,
подслушал,
и сник,
и скрылся,
смердя
впустую.
К нам Лермонтов сходит,
презрев времена.
Сияет —
«Счастливая парочка!»
Люблю я гостей.
Бутылку вина!
Налей гусару, Тамарочка!

(1924)

СОЛДАТЫ ДЗЕРЖИНСКОГО

Вал. М.

Тебе, поэт,
тебе, певун,
какое дело
тебе
до ГПУ?!
Железу —
незачем
комплименты лестные.
Тебя
нельзя
ни славить
и ни вымести.
Простыми словами
говорю —
о железной
необходимости.
Крепче держись-ка!
Не съесть
врагу.
Солдаты
Дзержинского
Союз
берегут.
Враги вокруг республики рыскают.
Не к месту слабость
и разнеженность весенняя.
Будут
битвы
громше,
чем крымское
землетрясение.
Есть твердолобые
вокруг
и внутри —
зорче
и в оба,
чекист,
смотри!
Мы стоим
с врагом
о скулу скулá,
и смерть стоит,
ожидает жатвы.
ГПУ —
это нашей диктатуры кулак
сжатый.

Храни пути и речки,
кровь
    и кров,
бери врага,
        секретчики,
и крой,
    КРО!

(1927)

ТЕОРЕТИКИ

С интеллигентским
            обличием редьки
жили
    в России
        теоретики.
Сидя
    под крылышком
            папы да мамы,
черепа
    нагружали томами.
Понаучив
    аксиом
        и формул,
надевают
    инженерскую форму.
Живут, —
    возвышаясь
            чиновной дорогою,
машину
    перчаткой
        изредка трогая.
Достигнув окладов,
            работой не ранясь,
наяривает
    в преферанс.
А служба что?
        Часов потеря.
Мечта
    витает
        в высоких материях.
И вдруг
    в машине
        поломка простая, —
профессорские
        взъерошит пряди он,
и...

на поломку
ученый,
растаяв,
смотрит так,
как баран на радио.

Ты хочешь
носить
ученое имя —
работу
щупай
руками своими.
На книги
одни —
ученья не тратьте-ка.
Объединись,
теория с практикой!

(1929)

Марина Ивановна ЦВЕТАЕВА

1892—1941

БАБУШКЕ

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица —
Локоны в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд
Взгляд к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто вы?

Сколько возможностей вы унесли
И невозможностей сколько —
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
Бабушка! Этот жестокий мятеж
В сердце моем — не от вас ли?..

4 сентября 1914

* * *

Посадила яблоньку:
Малым — забавоньку,
Старому — младость,
Садовнику — радость.

Приманила в горницу
Белую горлицу:
Вору — досада,
Хозяйке — услада.

Породила доченьку —
Синие оченьки,
Горлинку — голосом,
Солнышко — волосом.

На горе — де́вицам,
На горе — мо́лодцам.

23 января 1916

* * *

Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился колокольный гром.

Гремучий опрокинулся прибой
Над женщиной, отвергнутой тобой.

Царю Петру и вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари, колокола.

Пока они гремят из синевы —
Неоспоримо первенство Москвы.

И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей!

28 мая 1916

* * *

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

16 августа 1916

* * *

Не самозванка — я пришла домой,
И не служанка — мне не надо хлеба.
Я страсть твоя, воскресный отдых твой,
Твой день седьмой, твое седьмое небо.

Там, на земле, мне подавали грош
И жерновов навешали на шею.
Возлюбленный! Ужель не узнаешь?
Я ласточка твоя — Психея!

Апрель 1918

* * *

Я расскажу тебе — про великий обман:
Я расскажу тебе, как ниспадает туман
На молодые деревья, на старые пни.
Я расскажу тебе, как погасают огни
В низких домах, как—пришелец египетских стран—
В узкую дудку под деревом дует цыган.

Я расскажу тебе — про великую ложь:
Я расскажу тебе, как зажимается нож
В узкой руке, как вздымаются ветром веков
Кудри — у юных, и бороды — у стариков.

Рокот веков.
Топот подков.

4 июня 1918

* * *

Чтобы помнил не часочек, не годок —
Подарю тебе, дружочек, гребешок.

Чтобы помнили подружек мил-дружки —
Есть на свете золотые гребешки.

Чтоб дружочку не пилось без меня —
Гребень, гребень мой, расческа моя!

Нет на свете той расчески чудней:
С т р у н ы — зубья у расчески моей.

Чуть притронешься — пойдет трескотня
Про меня одну, да всё про меня.

Чтоб дружочку не спалось без меня —
Гребень, гребень мой, расческа моя!

Чтобы чудился в жару и в поту
От меня ему вершочек — с версту,

Чтоб ко мне ему все версты — с вершок,
Есть на свете золотой гребешок.

Чтоб дружочку не жилось без меня —
Семиструнная расческа моя!

2 ноября 1918

* * *

На бренность бедную мою
Взираешь, слов не расточая.

Ты — каменный, а я пою,
Ты — памятник, а я летаю.

Я знаю, что нежнейший май
Пред оком Вечности — ничтожен.

Но птица я — и не пеняй,
Что легкий мне закон положен.

16 мая 1920

ХВАЛА АФРОДИТЕ

1

Блаженны, дочерей твоих, Земля,
Бросавшие для боя и для бега.
Блаженны — в Елисейские поля
Вступившие, не обольстившись негой.

Там лавр растет, жестоколист и трезв, —
Лавр — летописец, горячитель боя...
Содружества заоблачный отвес
Не променяю на юдоль любови.

17 октября 1921

2

Уже богов — не те уже щедроты
На берегах — не той уже реки.
В широкие закатные ворота
Венерины, летите, голубки!

Я ж, на песках похолодевших лежа,
В день отойду, в котором нет числа...
Как змей на старую взирает кожу —
Я молодость свою переросла.

17 октября 1921

3

Тщетно, в ветвях заповедных кроясь,
Нежная стая твоя гремит.
Сластолюбивый роняю пояс,
Многолюбивый роняю мирт.

Тяжкоразящей стрелой тупою
Освободил меня твой же сын...
Так, о престол моего покоя,
Пеннорожденная, пеной сгинь!

18 октября 1921

4

Сколько их, сколько их ест из рук,
Белых и сизых!
Целые царства воркуют вкруг
Уст твоих, Низость!

Не переводится смертный пот
В золоте кубка.
И полководец гривастый льнет
Белой голубкой.

Каждое облако в час дурной
Грудью круглится.
В каждом цветке придорожном — твой
Лик, Дьяволица!

Бренная пена, морская соль...
В пене и в муке,
Повиноваться тебе — доколь,
Камень безрукий!

23 октября 1921

РАССВЕТ НА РЕЛЬСАХ

Покамест день не встал
С его страстями стравленными,
Из сырости и шпал
Россию восстанавливаю.

Из сырости — и свай,
Из сирости — и серости.
Покамест день не встал
И не вмешался стрелочник.

Туман еще щадит,
Еще в холсты запахнутый
Спит ломовой гранит,
Полей не видно шахматных...

Из сырости — и стай...
Еще вестями шалыми
Лжет вороная сталь —
Еще Москва за шпалами!

Так, под упорством глаз,
Владением бесплотнейшим,
Какая разлилась
Россия — в три полотнища!

И — шире раскручу!
Невидимыми рельсами
По сырости пущу
Вагоны с погорельцами.

(С пропавшими навек
Для бога и людей!
Знак: сорок человек
И восемь лошадей!)

Так, посредине шпал,
Где даль шлагбаумом выросла,
Из сырости и шпал,
Из сырости — и сирости,

Покамест день не встал
С его страстями стравленными,—
Во всю горизонталь
Россию восстанавливаю!

Без низости, без лжи:
Даль — да две рельсы синие...
Эй, вот она! — Держи!
По линиям, по линиям...

12 октября 1922

БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ

(Из Ицхока Переца)

Крадется к городу впотьмах
Коварный враг.
Но страж на башенных зубцах
Заслышал шаг.

Берет трубу,
Трубит во всю мочь.
Проснулась ночь.
Все граждане — прочь
С постели! Не встал лишь мертвец в гробу.

И меч
Говорит
Всю ночь.

Бой в каждом дому,
У каждых ворот.

— За мать, за жену!
— За край, за народ!

За право и вольность — кровавый бой,
Бог весть — умрем или победим,
Но долг свой выполнил часовой,
И край склоняется перед ним.

Не спавшему — честь!
Подавшему весть,
Что воры в дому, —
Честь стражу тому!

Но вечный укор,
Но вечный позор,
Проклятье тому —
Кто час свой проспал
И край свой застал
В огне и в дыму!

1941
Москва

Сергей Александрович ЕСЕНИН

1895—1925

ИНОНИЯ

Пророку Иеремии

1

Не устрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей,—
Так говорит по библии
Пророк Есенин Сергей.

Время мое приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело
Выплевываю изо рта.

Не хочу восприять спасения
Через муки его и крест:
Я иное постиг учение
Прободающих вечность звезд.

Я иное узрел пришествие —
Где не пляшет над правдой смерть.
Как овцу от поганой шерсти, я
Остригу голубую твердь.

Подыму свои руки к месяцу,
Раскушу его, как орех.
Не хочу я небес без лестницы,
Не хочу, чтобы падал снег.

Не хочу, чтоб умело хмуриться
На озерах зари лицо.
Я сегодня снесся, как курица,
Золотым словесным яйцом.

Я сегодня рукой упругою
Готов повернуть весь мир...
Грозовой расплескались вьюгою
От плечей моих восемь крыл.

2

Лай колоколов над Русью грозный —
Это плачут стены Кремля.
Ныне на пики звездные
Вздыбливаю тебя, земля!

Протянусь до незримого города,
Млечный прокушу покров.
Даже богу я выщиплю бороду
Оскалом моих зубов.

Ухвачу его за гриву белую
И скажу ему голосом вьюг:
Я иным тебя, господи, сделаю,
Чтобы зрел мой словесный луг!

Проклинаю я дыхание Китежа
И все лощины его дорог.
Я хочу, чтоб на бездонном вытяже
Мы воздвигли себе чертог.

Языком вылижу на иконах я
Лики мучеников и святых.
Обещаю вам град Инонию,
Где живет божество живых!

Плачь и рыдай, Московия!
Новый пришел Индикоплов.
Все молитвы в твоем часослове
Проклюю моим клювом слов.

Уведу твой народ от упования,
Дам ему веру и мощь,
Чтобы плугом он в зори ранние
Распахивал с солнцем нощь.

Чтобы поле его словесное
Выращало ульями злак,
Чтобы зерна под крышей небесною
Озлащали, как пчелы, мрак.

Проклинаю тебя я, Радонеж,
Твои пятки и все следы!
Ты огня золотого залежи
Разрыхлял киркою воды.

Стая туч твоих, по-волчьи лающих,
Словно стая злющих волков,
Всех зовущих и всех дерзающих
Прободала копьем клыков

Твое солнце когтистыми лапами
Прокогтялось в душу, как нож.
На реках вавилонских мы плакали,
И кровавый мочил нас дождь.

Ныне ж бури воловьим голосом
Я кричу, сняв с Хрчста штаны:
Мойте руки свои и волосы
Из лоханки второй луны.

Говорю вам — вы все погибнете,
Всех задушит вас веры мох.
По-иному над нашей выгибью
Вспух незримой коровой бог.

И напрасно в пещеры селятся
Те, кому ненавистен рев.
Все равно — он иным отелится
Солнцем в наш русский кров.

Все равно — он спалит телением,
Что ковало реке брега.
Разгвоздят мировое кипение
Золотые его рога.

Новый сойдет Олимпий
Начертать его новый лик.
Говорю вам — весь воздух выпью
И кометой вытяну язык.

До Египта раскорячу ноги,
Раскую с вас подковы мук...
В оба полюса снежнорогие
Вопьюся клещами рук.

Коленом придавлю экватор
И под бури и вихря плач
Пополам нашу землю-матерь
Разломлю, как златой калач.

И в провал, отененный бездною,
Чтобы мир весь слышал тот треск,
Я главу свою власозвездную
Просуну, как солнечный блеск.

И четыре солнца из облачья,
Как четыре бочки с горы,
Золотые рассыпав обручи,
Скатясь, всколыхнут миры.

3

И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли,—
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли!

Не отягивай чугунной радугой
Нив и гранитом — рек.
Только водью свободной Ладоги
Просверлит бытие человек!

Не вбивай руками синими
В пустошь потолок небес:
Не построить шляпками гвоздиными
Сияние далеких звезд.

Не залить огневого брожения
Лавой стальной руды.
Нового вознесения
Я оставлю на земле следы.

Пятками с облаков свесюсь,
Прокопытю тучи, как лось;
Колесами солнце и месяц
Надену на земную ось.

Говорю тебе — не пой молебствия
Проволочным твоим лучам.
Не осветят они пришествия,
Бегущего овцой по горам!

Сыщется в тебе стрелок еще
Пустить в его грудь стрелу.
Словно полымя, с белой шерсти его
Брызнет теплая кровь во мглу.

Звездами золотые копытца
Скатятся, взбороздив нощь.
И опять замелькает спицами
Над чулком ее черным дождь.

Возгремлю я тогда колесами
Солнца и луны, как гром;
Как пожар, размечу волосья
И лицо закрою крылом.

За уши встряхну я горы,
Копьями вытяну ковыль.
Все тыны твои, все заборы
Горстью смету, как пыль.

И вспашу я черные щеки
Нив твоих новой сохой;
Золотой пролетит сорокой
Урожай над твоей страной.

Новый он сбросит жителям
Крыл колосистых звон.
И, как жерди златые, вытянет
Солнце лучи на дол.

Новые вырастут сосны
На ладонях твоих полей.
И, как белки, желтые весны
Будут прыгать по сучьям дней.

Синие забрезжут реки,
Просверлив все преграды глыб.
И заря, опуская веки,
Будет звездных ловить в них рыб.

Говорю тебе — будет время,
Отплещут уста громов;
Прободят голубое темя
Колосья твоих хлебов.

И над миром с незримой лестницы,
Оглашая поля и луг,
Проклевавшись из сердца месяца,
Кукарекнув, взлетит петух.

4

По тучам иду, как по ниве, я,
Свесясь головою вниз.
Слышу плеск голубого ливня
И светил тонкоклювых свист.

В синих отражаюсь затонах
Далеких моих озер.
Вижу тебя, Инония,
С золотыми шапками гор.

Вижу нивы твои и хаты,
На крылечке старушку мать;
Пальцами луч заката
Старается она поймать.

Прищемит его у окошка,
Схватит на своем горбе, —
А солнышко, словно кошка,
Тянет клубок к себе.

И тихо под шепот речки,
Прибрежному эху в подол,
Каплями незримой свечки
Капает песня с гор:

«Слава в вышних богу
И на земле мир!
Месяц синим рогом
Тучи прободил.

Кто-то вывел гуся
Из яйца звезды —
Светлого Исуса
Проклевать следы.

Кто-то с новой верой,
Без креста и мук,
Натянул на небе
Радугу, как лук.

Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.

Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера — в силе.
Наша правда — в нас!»

[*1918*]

* * *

Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилица.
Люблю, когда на деревах
Огонь зеленый шевелится.

То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.

Понятен мне земли глагол,
Но не стряхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.

Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину.

[*1919*]

ОТВЕТ

Старушка милая,
Живи, как ты живешь.
Я нежно чувствую
Твою любовь и память.
Но только ты
Ни капли не поймешь —
Чем я живу
И чем я в мире занят.

Теперь у вас зима.
И лунными ночами,
Я знаю, ты
Помыслишь не одна,
Как будто кто
Черемуху качает
И осыпает
Снегом у окна.

Родимая!
Ну как заснуть в метель?
В трубе так жалобно
И так протяжно стонет.
Захочешь лечь,
Но видишь не постель,
А узкий гроб
И — что тебя хоронят.

Как будто тысяча
Гнусавейших дьячков,
Поет она плакидой —
Сволочь-вьюга!
И снег ложится
Вроде пятачков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга!

Я более всего
Весну люблю.
Люблю разлив
Стремительным потоком,

Где каждой щепке,
Словно кораблю,
Такой простор,
Что не окинешь оком.

Но ту весну,
Которую люблю,
Я революцией великой
Называю!
И лишь о ней
Страдаю и скорблю,
Ее одну
Я жду и призываю!

Но эта пакость —
Хладная планета!
Ее и Солнцем-Лениным
Пока не растопить!
Вот потому
С больной душой поэта
Пошел скандалить я,
Озорничать и пить.

Но время будет,
Милая, родная!
Она придет, желанная пора!
Недаром мы
Присели у орудий:
Тот сел у пушки,
Этот — у пера.

Забудь про деньги ты,
Забудь про все.
Какая гибель?!
Ты ли это, ты ли?
Ведь не корова я,
Не лошадь, не осел,
Чтобы меня
Из стойла выводили!

Я выйду сам,
Когда настанет срок,
Когда пальнуть
Придется по планете,
И, воротясь,
Тебе куплю платок,
Ну, а отцу
Куплю я штуки эти.

Пока ж — идет метель,
И тысячей дьячков
Поет она плакидой —
Сволочь-вьюга.
И снег ложится
Вроде пятачков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга.

[*1924*]

* * *

Жизнь — обман с чарующей тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письмена.

Я всегда, когда глаза закрою,
Говорю: «Лишь сердце потревожь,
Жизнь — обман, но и она порою
Украшает радостями ложь.

Обратись лицом к седому небу,
По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе».

Хорошо в черемуховой вьюге
Думать так, что эта жизнь — стезя.
Пусть обманут легкие подруги,
Пусть изменят легкие друзья.

Пусть меня ласкают нежным словом,
Пусть острее бритвы злой язык, —
Я живу давно на все готовым,
Ко всему безжалостно привык.

Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звездного огня.
Те, кого любил я, отреклися,
Кем я жил — забыли про меня.

Но и все ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и любимой,
Эту жизнь за все благодарю.

[*1925*]

* * *

Сестре Шуре

В этом мире я только прохожий,
Ты махни мне веселой рукой.
У осеннего месяца тоже
Свет ласкающий, тихий такой.

В первый раз я от месяца греюсь,
В первый раз от прохлады согрет,
И опять и живу и надеюсь
На любовь, которой уж нет.

Это сделала наша равнинность,
Посоленная белью песка,
И измятая чья-то невинность,
И кому-то родная тоска.

Потому и навеки не скрою,
Что любить не отдельно, не врозь —
Нам одною любовью с тобою
Эту родину привелось.

[*1925*]

* * *

Не гляди на меня с упреком,
Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.

Да, ты кажешься мне распростертой,
И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мертвой,
Ловит воронов и воронят.

Ну, и что же, лови, я не струшу.
Только как бы твой пыл не погас?
На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.

Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только тень.
Мне в лице твоем снится другая,
У которой глаза — голубень.

Пусть она и не выглядит кроткой
И, пожалуй, на вид холодна,
Но она величавой походкой
Всколыхнула мне душу до дна.

Вот такую едва ль отуманишь,
И не хочешь пойти, да пойдешь,
Ну, а ты даже в сердце не вранишь
Напоенную ласкою ложь.

Но и все же, тебя презирая,
Я смущенно откроюсь навек:
Если б не было ада и рая,
Их бы выдумал сам человек.

1 XII 25

* * *

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Синь очей утративший во мгле,
Эту жизнь прожил я словно кстати,
Заодно с другими на земле.

И с тобой целуюсь по привычке,
Потому что многих целовал,
И, как будто зажигая спички,
Говорю любовные слова.

«Дорогая», «милая», «навеки»,
А в душе всегда одно и то ж,
Если тронуть страсти в человеке,
То, конечно, правды не найдешь.

Оттого душе моей не жестко
Не желать, не требовать огня,
Ты, моя ходячая березка,
Создана для многих и меня.

Но, всегда ища себе родную
И томясь в неласковом плену,
Я тебя нисколько не ревную,
Я тебя нисколько не кляну.

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Синь очей утративший во мгле,
И тебя любил я только кстати,
Заодно с другими на земле.

[*1925*]

Николай Алексеевич
ЗАБОЛОЦКИЙ
1903—1958

НОВЫЙ БЫТ

Восходит солнце над Москвой,
Старухи бегают с тоской:
Куда, куда идти теперь?
Уж Новый Быт стучится в дверь!
Младенец, выхолен и крупен,
Сидит в купели, как султан.
Прекрасный поп поет, как бубен,
Паникадилом осиян.
Прабабка свечку зажигает,
Младенец крепнет и мужает
И вдруг, шагая через стол,
Садится прямо в комсомол.

И время двинулось быстрее,
Стареет папенька-отец,
И за окошками в аллее
Играет сваха в бубенец.
Ступни младенца стали шире,
От стали ширится рука.
Уж он сидит в большой квартире,
Невесту держит за рукав.
Приходит поп, тряся ногами,
В ладошке мощи бережет,
Благословить желает стенки,
Невесте крестик подарить.
«Увы,— сказал ему младенец,—
Уйди, уйди, кудрявый поп,
Я — новой жизни ополченец,
Тебе ж один остался гроб!»
Уж поп тихонько плакать хочет,
Стоит на лестнице, бормочет,
Не зная, чем себе помочь.
Ужель идти из дома прочь?

Но вот знакомые явились,
Завод пропел: «Ура! Ура!»
И Новый Быт, даруя милость,
В тарелке держит осетра.

Варенье, ложечкой носимо,
Шипит и падает в боржом.
Жених, проворен нестерпимо,
К невесте лепится ужом.
И председатель на отвале,
Чете играя похвалу,
Приносит в выборгском бокале
Вино солдатское, халву,
И, принимая красный спич,
Сидит на столике кулич.

«Ура! Ура!» — поют заводы,
Картошкой дым под небеса.
И вот супруги, выпив соды,
Сидят и чешут волоса.
И стало всё благоприятно:
Явилась ночь, ушла обратно,
И за окошком через миг
Погасла свечка-пятерик.

1927

Я НЕ ИЩУ ГАРМОНИИ В ПРИРОДЕ

Я не ищу гармонии в природе.
Разумной соразмерности начал
Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе
Я до сих пор, увы, не различал.

Как своенравен мир ее дремучий!
В ожесточенном пении ветров
Не слышит сердце правильных созвучий,
Душа не чует стройных голосов.

Но в тихий час осеннего заката,
Когда умолкнет ветер вдалеке,
Когда, сияньем немощным объята,
Слепая ночь опустится к реке,

Когда, устав от буйного движенья,
От бесполезно тяжкого труда,
В тревожном полусне изнеможенья
Затихнет потемневшая вода,

Когда огромный мир противоречий
Насытится бесплодною игрой,—
Как бы прообраз боли человечьей
Из бездны вод встает передо мной.

И в этот час печальная природа
Лежит вокруг, вздыхая тяжело,
И не мила ей дикая свобода,
Где от добра неотделимо зло.

И снится ей блестящий вал турбины,
И мерный звук разумного труда,
И пенье труб, и зарево плотины,
И налитые током провода.

Так, засыпая на своей кровати,
Безумная, но любящая мать
Таит в себе высокий мир дитяти,
Чтоб вместе с сыном солнце увидать.

1947

ВЕСНА В ЛЕСУ

Каждый день на косогоре я
Пропадаю, милый друг.
Вешних дней лаборатория
Расположена вокруг.

В каждом маленьком растеньице,
Словно в колбочке живой,
Влага солнечная пенится
И кипит сама собой.

Эти колбочки исследовав,
Словно химик или врач,
В длинных перьях фиолетовых
По дороге ходит грач.

Он штудирует внимательно
По тетрадке свой урок
И больших червей питательных
Собирает детям впрок.

А в глуши лесов таинственных,
Нелюдимый, как дикарь,
Песню прадедов воинственных
Начинает петь глухарь.

Словно идолище древнее,
Обезумев от греха,
Он рокочет за деревнею
И колышет потроха.

А на кочках под осинами,
Солнца празднуя восход,
С причитаньями старинными
Водят зайцы хоровод.

Лапки к лапкам прижимаючи,
Вроде маленьких ребят,
Про свои обиды заячьи
Монотонно говорят.

И над песнями, над плясками
В эту пору каждый миг,
Населяя землю сказками,
Пламенеет солнца лик.

И, наверно, наклоняется
В наши древние леса
И невольно улыбается
На лесные чудеса.

1935

ВЧЕРА, О СМЕРТИ РАЗМЫШЛЯЯ

Вчера, о смерти размышляя,
Ожесточилась вдруг душа моя.
Печальный день! Природа вековая
Из тьмы лесов смотрела на меня.

И нестерпимая тоска разъединенья
Пронзила сердце мне, и в этот миг
Всё, всё услышал я — и трав вечерних пенье,
И речь воды, и камня мертвый крик.

И я, живой, скитался над полями,
Входил без страха в лес,
И мысли мертвецов прозрачными столбами
Вокруг меня вставали до небес.

И голос Пушкина был над листвою слышен,
И птицы Хлебникова пели у воды.
И встретил камень я. Был камень неподвижен,
И проступал в нем лик Сковороды.

И все существованья, все народы
Нетленное хранили бытие,
И сам я был не детище природы,
Но мысль ее! Но зыбкий ум ее!

1936

МЕТАМОРФОЗЫ

Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
Лишь именем одним я называюсь, —
На самом деле то, что именуют мной, —
Не я один. Нас много. Я — живой.
Чтоб кровь моя остынуть не успела,
Я умирал не раз. О, сколько мертвых тел
Я отделил от собственного тела!
И если б только разум мой прозрел
И в землю устремил пронзительное око,
Он увидал бы там, среди могил, глубоко
Лежащего меня. Он показал бы мне
Меня, колеблемого на морской волне,
Меня, летящего по ветру в край незримый, —
Мой бедный прах, когда-то так любимый.

А я всё жив! Всё чище и полней
Объемлет дух скопленье чудных тварей.
Жива природа. Жив среди камней
И злак живой и мертвый мой гербарий.
Звено в звено и форма в форму. Мир
Во всей его живой архитектуре —
Орга́н поющий, море труб, клавир,
Не умирающий ни в радости, ни в буре.

Как всё меняется! Что было раньше птицей,
Теперь лежит написанной страницей;
Мысль некогда была простым цветком,
Поэма шествовала медленным быком;
А то, что было мною, то, быть может,
Опять растет и мир растений множит.

Вот так, с трудом пытаясь развивать
Как бы клубок какой-то сложной пряжи,
Вдруг и увидишь то, что должно называть
Бессмертием. О, суеверья наши!

1937

ЧИТАЙТЕ, ДЕРЕВЬЯ, СТИХИ ГЕЗИОДА

Читайте, деревья, стихи Гезиода,
Дивись Оссиановым гимнам, рябина!
Не меч ты поднимешь сегодня, природа,
Но школьный звонок над щитом Кухулина.
Еще заливаются ветры, как барды,
Еще не смолкают березы Морвена,

Но зайцы и птицы садятся за парты
И к зверю девятая сходит Камена.
Березы, вы школьницы! Полно калякать,
Довольно скакать, задирая подолы!
Вы слышите, как через бурю и слякоть
Ревут водопады, спрягая глаголы?
Вы слышите, как перед зеркалом речек,
Под листьями ивы, под лапами ели,
Как маленький Гамлет, рыдает кузнечик,
Не в силах от вашей уйти канители?
Опять ты, природа, меня обманула,
Опять провела меня за нос, как сводня!
Во имя чего среди ливня и гула
Опять, как безумный, брожу я сегодня?

В который ты раз мне твердишь, потаскуха,
Что здесь, на пороге всеобщего тленья,
Не место бессмертным иллюзиям духа,
Что жизнь продолжается только мгновенье!
Вот так я тебе и поверил! Покуда
Не вытряхнут душу из этого тела,
Едва ли иного достоин я чуда,
Чем то, от которого сердце запело.
Мы, люди,— хозяева этого мира,
Его мудрецы и его педагоги,
Затем и поет Оссианова лира
Над чащею леса, у края берлоги.
От моря до моря, от края до края
Мы учим и пестуем младшего брата,
И бабочки, в солнечном свете играя,
Садятся на лысое темя Сократа.

1946

В ЭТОЙ РОЩЕ БЕРЕЗОВОЙ

В этой роще березовой,
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиною
Льются листья с высоких ветвей,—
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей.

Пролетев над поляною
И людей увидав с высоты,
Избрала деревянную
Неприметную дудочку ты,

Чтобы в свежести утренней,
Посетив человечье жилье,
Целомудренно бедной заутреней
Встретить утро мое.

Но ведь в жизни солдаты мы,
И уже на пределах ума
Содрогаются атомы,
Белым вихрем взметая дома.
Как безумные мельницы,
Машут войны крылами вокруг.
Где ж ты, иволга, леса отшельница?
Что ты смолкла, мой друг?

Окруженная взрывами,
Над рекой, где чернеет камыш,
Ты летишь над обрывами,
Над руинами смерти летишь.
Молчаливая странница,
Ты меня провожаешь на бой,
И смертельное облако тянется
Над твоей головой.

За великими реками
Встанет солнце, и в утренней мгле
С опаленными веками
Припаду я, убитый, к земле.
Крикнув бешеным вороном,
Весь дрожа, замолчит пулемет.
И тогда в моем сердце разорванном
Голос твой запоет.

И над рощей березовой,
Над березовой рощей моей,
Где лавиною розовой
Льются листья с высоких ветвей,
Где под каплей божественной
Холодеет кусочек цветка,—
Встанет утро победы торжественной
На века.

1946

ВОЗДУШНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В крылатом домике, высоко над землей,
Двумя ревущими моторами влекомый,
Я пролетал вчера дорогой незнакомой,
И облака, скользя, толпились подо мной.

Два бешеных винта, два трепета земли,
Два грозных грохота, две ярости, две бури,
Сливая лопасти с блистанием лазури,
Влекли меня вперед. Гремели и влекли.

Лентообразных рек я видел перелив,
Я различал полей зеленоватых призму,
Туманно-синий лес, прижатый к организму
Моей живой земли, гнездился между нив.

Я к музыке винтов прислушивался, я
Согласный хор винтов распределял на части,
Я изучал их песнь, я понимал их страсти,
Я сам изнемогал от счастья бытия.

Я посмотрел в окно, и сквозь прозрачный дым
Блистательных хребтов суровые вершины,
Торжественно скользя под грозный рев машины,
Дохнули мне в лицо дыханьем ледяным.

И вскрикнула душа, узнав тебя, Кавказ!
И солнечный поток, прорезав тело тучи,
Упал, дымясь, на кристаллические кучи
Огромных ледников, и вспыхнул, и погас.

И далеко внизу, расправив два крыла,
Скользило подо мной подобье самолета.
Казалось, из долин за нами гнался кто-то,
Похитив свой наряд и перья у орла.

Быть может, это был неистовый Икар,
Который вырвался из пропасти вселенной,
Когда напев винтов с их тяжестью мгновенной
Нанес по воздуху стремительный удар.

И вот он гонится над пропастью земли,
Как привидение летающего грека,
И славит хор винтов победу человека,
И Грузия моя встречает нас вдали.

1947

СКВОЗЬ ВОЛШЕБНЫЙ ПРИБОР ЛЕВЕНГУКА

Сквозь волшебный прибор Левенгука
На поверхности капли воды
Обнаружила наша наука
Удивительной жизни следы.

Государство смертей и рождений,
Нескончаемой цепи звено,—
В этом мире чудесных творений
Сколь ничтожно и мелко оно!

Но для бездн, где летят метеоры,
Ни большого, ни малого нет,
И равно беспредельны просторы
Для микробов, людей и планет.

В результате их общих усилий
Зажигается пламя Плеяд,
И кометы летят легкокрылей,
И быстрее созвездья летят.

И в углу невысокой вселенной,
Под стеклом кабинетной трубы,
Тот же самый поток неизменный
Движет тайная воля судьбы.

Там я звездное чую дыханье,
Слышу речь органических масс
И стремительный шум созиданья,
Столь знакомый любому из нас.

1948

СОН

Жилец земли, пятидесяти лет,
Подобно всем счастливый и несчастный,
Однажды я покинул этот свет
И очутился в местности безгласной.
Там человек едва существовал
Последними остатками привычек,
Но ничего уж больше не желал
И не носил ни прозвищ он, ни кличек.
Участник удивительной игры,
Не вглядываясь в скученные лица,
Я там ложился в дымные костры
И поднимался, чтобы вновь ложиться.
Я уплывал, я странствовал вдали,
Безвольный, равнодушный, молчаливый,
И тонкий свет исчезнувшей земли
Отталкивал рукой неторопливой.
Какой-то отголосок бытия
Еще имел я для существованья,
Но уж стремилась вся душа моя
Стать не душой, но частью мирозданья.

Там по пространству двигались ко мне
Сплетения каких-то матерьялов,
Мосты в необозримой вышине
Висели над ущельями провалов.
Я хорошо запомнил внешний вид
Всех этих тел, плывущих из пространства:
Сплетенье ферм и выпуклости плит
И дикость первобытного убранства.
Там тонкостей не видно и следа,
Искусство форм там явно не в почете,
И не заметно тягостей труда,
Хотя весь мир в движенье и работе,
И в поведенье тамошних властей
Не видел я малейшего насилья,
И сам, лишенный воли и страстей,
Всё то, что нужно, делал без усилья.
Мне не было причины не хотеть,
Как не было желания стремиться,
И был готов я странствовать и впредь,
Коль то могло на что-то пригодиться.
Со мной бродил какой-то мальчуган,
Болтал со мной о массе пустяковин.
И даже он, похожий на туман,
Был больше материален, чем духовен.
Мы с мальчиком на озеро пошли,
Он удочку куда-то вниз закинул
И нечто, долетевшее с земли,
Не торопясь, рукою отодвинул.

1953

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

Ангел, дней моих хранитель,
С лампой в комнате сидел.
Он хранил мою обитель,
Где лежал я и болел.

Обессиленный недугом,
От товарищей вдали,
Я дремал. И друг за другом
Предо мной виденья шли.

Снилось мне, что я младенцем,
В тонкой капсуле пелен,
Иудейским поселенцем
В край далекий привезен.

Перед Иродовой бандой
Трепетали мы. Но тут
В белом домике с верандой
Обрели себе приют.

Ослик пасся близ оливы,
Я резвился на песке.
Мать с Иосифом, счастливы,
Хлопотали вдалеке.

Часто я в тени у сфинкса
Отдыхал, и светлый Нил,
Словно выпуклая линза,
Отражал лучи светил.

И в неясном этом свете,
В этом радужном огне
Духи, ангелы и дети
На свирелях пели мне.

Но когда пришла идея
Возвратиться нам домой
И простерла Иудея
Перед нами образ свой —

Нищету свою и злобу,
Нетерпимость, рабский страх,
Где ложилась на трущобу
Тень распятого в горах,—

Вскрикнул я и пробудился...
И у лампы близ огня
Взор твой ангельский светился,
Устремленный на меня.

1955

ГДЕ-ТО В ПОЛЕ ВОЗЛЕ МАГАДАНА

Где-то в поле возле Магадана,
Посреди опасностей и бед,
В испареньях мерзлого тумана
Шли они за розвальнями вслед.
От солдат, от их луженых глоток,
От бандитов шайки воровской
Здесь спасали только околодок
Да наряды в город за мукой.
Вот они и шли в своих бушлатах —
Два несчастных русских старика,

Вспоминая о родимых хатах
И томясь о них издалека.
Вся душа у них перегорела
Вдалеке от близких и родных,
И усталость, сгорбившая тело,
В эту ночь снедала души их.
Жизнь над ними в образах природы
Чередою двигалась своей.
Только звезды, символы свободы,
Не смотрели больше на людей.
Дивная мистерия вселенной
Шла в театре северных светил,
Но огонь ее проникновенный
До людей уже не доходил.
Вкруг людей посвистывала вьюга,
Заметая мерзлые пеньки.
И на них, не глядя друг на друга,
Замерзая, сели старики.
Стали кони, кончилась работа,
Смертные доделались дела...
Обняла их сладкая дремота,
В дальний край, рыдая, повела.
Не нагонит больше их охрана,
Не настигнет лагерный конвой,
Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, став над головой.

1956

ПРОТИВОСТОЯНИЕ МАРСА

Подобный огненному зверю,
Глядишь на землю ты мою,
Но я ни в чем тебе не верю
И славословий не пою.
Звезда зловещая! Во мраке
Печальных лет моей страны
Ты в небесах чертила знаки
Страданья, крови и войны.
Когда над крышами селений
Ты открывала сонный глаз,
Какая боль предположений
Всегда охватывала нас!
И был он в руку — сон зловещий:
Война с ружьем наперевес
В селеньях жгла дома и вещи
И угоняла семьи в лес.
Был бой и гром и дождь и слякоть,
Печаль скитаний и разлук,

И уставало сердце плакать
От нестерпимых этих мук.
И над безжизненной пустыней
Подняв ресницы в поздний час,
Кровавый Марс из бездны синей
Смотрел внимательно на нас.
И тень сознательности злобной
Кривила смутные черты,
Как будто дух звероподобный
Смотрел на землю с высоты.
Тот дух, что выстроил каналы
Для неизвестных нам судов
И стекловидные вокзалы
Средь марсианских городов.
Дух, полный разума и воли,
Лишенный сердца и души,
Кто о чужой не страждет боли,
Кому все средства хороши.
Но знаю я, что есть на свете
Планета малая одна,
Где из столетия в столетье
Живут иные племена.
И там есть муки и печали,
И там есть пища для страстей,
Но люди там не утеряли
Души естественной своей.
Там золотые волны света
Плывут сквозь сумрак бытия,
И эта малая планета —
Земля злосчастная моя.

1956

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Говорят, что в Гималаях где-то,
Выше храмов и монастырей,
Он живет, неведомый для света,
Первобытный выкормыш зверей.

Безмятежный, белый и косматый,
Он порой спускается с высот,
И танцует, словно бесноватый,
И в снежки играет у ворот.

Но когда буддийские монахи
Со стены завоют на трубе,
Он бежит в смятении и страхе
В горное убежище к себе.

Если эти россказни — не бредни,
Значит, в наш всеведающий век
Существует всё-таки последний
Полузверь и получеловек.

Ум его, как видно, не обширен,
И приют заоблачный суров,
И ни школ, ни пагод, ни кумирен
Не имеет этот зверолов.

В горные упрятан катакомбы,
Он и знать не знает, что под ним
Громоздятся атомные бомбы,
Верные хозяевам своим.

Никогда их тайны не откроет
Гималайский этот троглодит,
Даже если, словно астероид,
Весь пылая, в бездну полетит.

Но пока над свежими следами
Ламы причитают и поют,
И пока, расставленные в храме,
Барабаны бешеные бьют,

И пока тысячелетний Будда
Ворожит над собственным пупом,
Он себя сравнительно не худо
Чувствует в убежище своем.

Там, наверно, горного оленя
Он свежует около ключа
И из слов одни местоименья
Произносит, громко хохоча.

1957

НА ВОКЗАЛЕ

В железном сумеречном зале,
Глотая паровозный дым,
Сидит Мадонна на вокзале
С ребенком маленьким своим.

Вокруг нее кульки, баулы,
Дорожной жизни суета.
В блестящих бляхах вельзевулы
Тележку гонят в ворота.

На башне радио играет,
Гудок за окнами гудит,
И лишь она одна не знает,
Который час она сидит.

Который час ребенка держит,
Который час! Который час!
Который час и дым и скрежет
С полузакрытых гонит глаз.

И сколько дней еще придется —
О, сколько дней! О, сколько дней! —
Терпеть, пока не улыбнется
Дитя у матери своей!

Над черной линией портала
Висит вечерняя звезда.
Несутся с Курского вокзала
По всей вселенной поезда.

Летят сквозь топи и туманы,
Сквозь перелески и пески,
И бьют им бездны в барабаны,
И рвут их глаза на куски.

И лишь на бедной той скамейке,
Превозмогая боль и страх,
Мадонна в шубке из цигейки
Молчит с ребенком на руках.

1958

Александр Леонидович ЧИЖЕВСКИЙ

1897—1964

ГАЛИЛЕЙ

И вновь и вновь взошли на Солнце пятна,
И омрачились трезвые умы,
И пал престол, и были неотвратны
Голодный мор и ужасы чумы.

И вал морской вскипел от колебаний,
И норд сверкал, и двигались смерчи,
И родились на ниве состязаний
Фанатики, герои, палачи.

И жизни лик подернулся гримасой:
Метался компас — буйствовал народ,
А над землей и над людскою массой
Свершало Солнце свой законный ход.

О ты, узревший солнечные пятна
С великолепной дерзостью своей —
Не ведал ты, как будут мне понятны
И близки твои скорби, Галилей!

1921

ОДИНОЧЕСТВО

Борись — ты смертен, гол и одинок!
Не ожидай ни жертвы, ни спасенья!
Ты сам себе — судья, палач, пророк:
Веди себя на жизнь иль осужденье!

Для недругов — точи острей клинок
И лирой славь победу иль отмщенье!
Пощады нет! Кругом царит порок
И смертных ждет — позор, порабощенье!

Пускай пред лживым идолом добра
Поют жрецы огня и топора
Гимн добродетели, обманом вдохновленный, —

Не верь ему! А ведай: есть закон,
Сквозь тьму времен нам возвещает он:
Ты одинок в борьбе со всей Вселенной.

РАССТАВАНИЕ

Мы не скажем друг другу: ты,
Никогда мы не встретимся боле —
От моей до твоей мечты
Разостлалось бескрайнее поле.

На предельных концах Земли
Мы утопим далеко — былое
В человеческой горькой пыли
И в глухом человеческом рое.

Но теперь, припадая к губам,
Твоим диким губам, исступленным,
Жгучей казнью казню себя сам,
Сердце рву я железом каленым.

Когда бледный отсвет Луны
Озаряет лицо твое зыбко, —
Бесконечно черты нежны,
Несравненно — прекрасна улыбка.

Отрываясь, глядя в тебя
И тебя навсегда теряя,
Хочу крикнуть, безмерно любя,
Величайшее слово: родная!

* * *

О беспредельном этом мире
В ночной тиши я размышлял,
А Шар Земной в живом эфире
Небесный свод круговращал.

О, как ничтожество земное
Язвило окрыленный дух!
О, как величие родное
Меня охватывало вдруг.

Непостижимое смятенье
Вне широты и долготы,
И свет, и головокруженье,
И воздух горной высоты.

И высота необычайно
Меня держала на весу,
И так была доступна тайна,
Что я весь мир в себе несу.

КОММЕНТАРИИ

Настоящее издание представляет философскую лирику русских поэтов за два с лишним века. Книга состоит из трех разделов: Отверз Олимп всесильный дверь — строка из «Оды» 1742 г. М. В. Ломоносова — XVIII век; Мятежный Демон — XIX век; Куда несет нас рок событий — строка из стихотворения С. А. Есенина «Письмо к женщине» — начало XX века.

Строка «Я связь миров повсюду сущих...» из стихотворения «Бог» Г. Р. Державина послужила названием сборника. Но это не идея, на которую, как на ниточку, нанизаны стихи разных поэтов и разных эпох, это мысль, указывающая на закономерности развития народной жизни.

Биография каждого поэта — часть национальной культуры и истории, стихи — его судьба. Великие наши поэты выражали в стихах свои убеждения, философские взгляды, хотя немало было среди них тех, которые «играли в слова» ради заработка. Поэтому в комментариях необходимо было кратко коснуться некоторых моментов судеб поэтов.

Русская поэзия двух с половиной веков — огромное живое древо. Отбор стихов приходилось производить не только по философской их ценности, но и по «интересности» для современного читателя. В сборнике представлены далеко не все поэты, которые писали философские стихи, но и в этой лирике любители поэзии найдут и взлеты поэтической мысли, и художественное провидчество.

Тексты печатаются по изданиям:

Библиотека поэта (большая серия) — М.—Л.: В. К. Тредиаковский (1963); М. В. Ломоносов (1986); И. С. Барков (1972); А. А. Ржевский (1972); И. И. Хемницер (1963); Н. П. Николев (1972); А. И. Клушин (1972); Г. Р. Державин (1957); Ю. А. Нелединский-Мелецкий (1972); А. Ф. Мерзляков (1958); Д. В. Давыдов (1984); Д. В. Дашков (1972); В. С. Филимонов (1971); В. Н. Олин (1972); В. И. Козлов (1972); С. Д. Нечаев (1972); Б. М. Федоров (1972); А. А. Крылов (1972); А. С. Норов (1972); С. Е. Раич (1972); Ф. Н. Глинка (1957); П. А. Вяземский (1958); П. А. Катенин (1965); В. Ф. Раевский (1967); М. А. Дмитриев (1962); В. К. Кюхельбекер (1967); А. А. Шишков (1972); Е. П. Зайцевский (1972); Е. Ф. Розен (1972); В. И. Туманский (1972); А. И. Одоевский (1958); Ф. И. Тютчев (1957); А. И. Полежаев (1957); А. Ф. Вельтман (1972);

Л. А. Якубович (1972); Д. П. Ознобишин (1972); М. П. Загорский (1972); Д. В. Веневитинов (1960); В. Г. Тепляков (1972); Д. Ю. Трилунный (1972); А. Н. Муравьев (1972); А. И. Подолинский (1972); В. С. Печерин (1972); А. С. Хомяков (1969); С. П. Шевырев (1972); К. К. Павлова (1964); Н. М. Языков (1948); В. И. Соколовский (1972); А. В. Кольцов (1958); К. А. Бахтурин (1972); Н. В. Кукольник (1972); Е. Бернет (1972); М. Д. Деларю (1972); А. В. Тимофеев (1972); А. П. Баласогло (1957); Н. М. Сатин (1972); Н. С. Теплова (1972); С. Ф. Дуров (1957); Я. П. Полонский (1954); А. М. Жемчужников (1964); Н. Ф. Щербина (1970); А. И. Пальм (1957); Д. Д. Ахшарумов (1957); Л. А. Мей (1972); А. Н. Плещеев (1957); К. К. Случевский (1962); Л. Н. Трефолев (1958); И. З. Суриков (1966); С. А. Григорьев (1966); С. Я. Дерунов (1966); Д. Е. Жаров (1966); С. Д. Дрожжин (1966); А. Е. Разоренов (1966); И. Д. Родионов (1966); С. Я. Надсон (1962); К. Льдов (1964); В. С. Соловьев (1964); К. М. Фофанов (1964); Д. С. Мережковский (1964); М. А. Лохвитская (1964); И. А. Бунин (1956); О. Э. Мандельштам (1973); М. И. Цветаева (1965); Н. А. Заболоцкий (1965).

Библиотека поэта (малая серия).— М.— Л.:

А. Н. Майков (1957); А. А. Григорьев (1966); А. Н. Апухтин (1964); Н. М. Минский (1964).

В. А. Жуковский. Собр. соч. в 4-х тт.— М.: Гослитиздат, 1959—1960.

К. Н. Батюшков. Сочинения.— М.: Гослитиздат, 1955.

А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти тт.— М., 1962—1966.

Е. А. Баратынский. Стихотворения и поэмы.— М.: Правда, 1983.

Е. П. Растопчина. Талисман.— М.: Московский рабочий, 1987.

Н. П. Огарев. Избранные произведения в 2-х тт.— М.: Гослитиздат, 1956.

М. Ю. Лермонтов. Собр. соч. в 4-х тт.— М.: Наука, 1979—1981.

А. К. Толстой. Собр. соч. в 4-х тт.— М., 1969.

А. А. Фет. Стихотворения.— М.: Гослитиздат, 1956.

Н. А. Некрасов. Собр. соч. в 8-ми тт.— М.: Художественная литература, 1965.

И. С. Аксаков. Стихотворения и поэмы.— Л., 1960.

И. С. Никитин. Сочинения.— М.: Правда, 1985.

В. С. Курочкин. Стихотворения, статьи, фельетоны.— М.: Гослитиздат, 1957.

П. Л. Лавров.— В кн.: Вольная русская поэзия второй половины XIX века.— Л., 1959.

П. Н. Ткачев. Встань, человек! — М.: Советская Россия, 1986.

И. Ф. Анненский. Стихотворения и поэмы.— М.: Современник, 1981.

К. Д. Бальмонт. Избранное.— М.: Художественная литература, 1980.

В. Я. Брюсов. Стихотворения и поэмы.— Л., 1961.

М. А. Волошин. Русский сонет.— М.: Московский рабочий, 1986.

А. А. Блок. Сочинения в 2-х тт.— М.: Гослитиздат, 1955.

В. В. Маяковский. Собр. соч. в 12-ти тт.— М.: Правда, 1978—1979.

С. А. Есенин. Собр. соч. в 5-ти тт.— М.: Гослитиздат, 1961—1962.

А. Л. Чижевский.— М.: Современник, 1987.

ОТВЕРЗ ОЛИМП ВСЕСИЛЬНЫЙ ДВЕРЬ

Поэзия XVIII века

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ — один из зачинателей русской поэзии, просветитель.

С. 32. «Клиа точны бытия...» — переведенный Тредиаковским отрывок из романа «Аргенида» шотландца Джона Барклая (1582—1621). «Предуведомление» переводчика к роману заняло более ста страниц; к каждой из пяти частей романа дал Тредиаковский «изъяснения» мифологических мест. *Клиа* (Клио) — муза героической песни и истории; *Мелпомена* (Мельпомена) — муза трагедии; *Талия* — муза комедии; *Эвтерпа* (Евтерпа) — муза лирической поэзии; *Терпсихора* — муза танца; *Эрата* (Эрато) — муза любовной поэзии; *Урания* — муза астрономии; *Каллиопа* — муза эпической поэзии; *Полигимния* — муза гимнов. *Феб* — Аполлон.— По олимпийскому учению, один из Двенадцати главных богов Олимпа, сын верховного царя Зевса; это название одной из «тайных сил» нашего организма, которая выражает положительные и отрицательные эмоции; Аполлон вместе с музами ведает родами искусства.

М. В. ЛОМОНОСОВ — великий ученый, поэт, просветитель.

С. 33. Ода 1742 года *(Отрывок)*.— Написана в честь прибытия императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург в 1742 году на коронацию. *«Отверз Олимп всесильный дверь...»* — т. е. Елизавета пришла к власти волею богов Олимпа. *Ветхий деньми* — метафорическое наименование библейского бога. *Утешил я в печали Ноя* — т. е. библейский бог создал радугу — знамение, что больше не будет всемирного потопа; означает, что Елизавета Петровна принесла покой в государство. *Претящим оком вседержитель* — имеется в виду христианский бог. Ломоносов все время смешивает языческие понятия с христианскими; не случайно Ода имеет слова: «С Гомером как река шуми И как Орфей с собой веди В торжествен лик древа и воды И всех зверей пустынных роды».

С. 34. Утреннее размышление о божием величестве.— Написано предположительно в 1743—1751 гг. *Горящий*

вечно Океан.— Поэт дает картину происходящих на Солнце процессов. *Творец! покрытому мне тьмою.*— Обращение Ломоносова к неведомому богу.

С. 35. Разговор с Анакреоном.—Состоит из переводов четырех од, приписываемых древнегреческому поэту Анакреонту (ок. 570—487 до н. э.), и «ответов» Ломоносова, которыми он обосновывал теорию научной лирики. Кадм — легендарный основатель города Фив. Сенека Луций (ок. 4 в. до н. э.—65 н. э.) — римский философ и писатель, стоик. *Катон* Младший (95—46 до н. э.) — римский политический деятель. *Минерва* — римская богиня, тождественная Афине, одна из Двенадцати главных богов Олимпа, покровительница ремесел, искусств и мудрости. В отличие от Анакреонта, писавшего любовные стихи, Ломоносов призывает сделать лирику научной, поэтому называет Минерву Матерью.

И. С. БАРКОВ — поэт-сатирик, переводчик, его стихи — протест против длинных казенно-придворных од.

С. 39. Ода кулашному бойцу *(Отрывок).*— Впервые напечатана в «Русской литературе», 1964, № 4. *Парнас* — место обитания Аполлона и муз. *Гомерка.*— Гомер—автор «Илиады» и «Одиссеи», жил предположительно в XII—VIII в. до н. э. *Вергилишка.*— Вергилий Марон Публий (70—19 до н. э.) — римский поэт, создал «Энеиду» — римское продолжение «Илиады» и «Одиссеи», где рассказал о странствиях и войнах троянца Энея, будто бы основавшего царство в латинской земле. *Гекторка.*— Гектор — троянский герой, старший сын царя Трои Приама. *Силен* — демон, сын Гермеса, воспитатель и наставник Диониса. *Ганимед* — сын царя Трои, за необыкновенную красоту похищенный богами и ставший виночерпием Зевса.

А. А. РЖЕВСКИЙ — поэт-сатирик, баснописец, писал анакреонические стихи.

С. 42. Ода блаженныя и вечно достойныя памяти истинному отцу Отечества, императору Первому, государю Петру Великому *(Отрывок)* рисует образ идеального государя, преобразователя и просветителя России.

И. И. ХЕМНИЦЕР — поэт-баснописец, военный, ученый, минеролог.

С. 43. Ода на неистовства людские.— В автографе перед первой строфой имелось еще восемь строк, где был прямой призыв исправиться: «Престаньте злу рабами быть».

Н. П. НИКОЛЕВ — поэт, драматург, писал духовные и панегирические оды, создатель комедий, трагедий, песен, любовной лирики.

С. 44. Раздумья пииты *(с сокращениями)*.— *Лаиса* — известная в Древней Греции своей красотой гетера.

А. И. КЛУШИН — поэт, писатель, драматург, журналист.

С. 47. К Е...Е И...Е Б.— *Юнг* Эдуард (1683—1765) — английский поэт, один из основоположников европейского сентиментализма. *Стоик* — последователь стоицизма, нравственно-философского учения, требующего быть верным своим убеждениям. *Эпикуризм* — учение древнегреческого философа Эпикура (341—270 до н. э.), который целью жизни считал достижение счастья. *Платон* (428 или 427 до н. э.—348 или 347) — древнегреческий философ-идеалист, ученик Сократа. *Пирронизм* — учение основателя древнегреческой скептической школы философа Пиррона (ок. 360 — ок. 270 до н. э.), подвергающее все сомнению.

Г. Р. ДЕРЖАВИН — поэт, в чьем творчестве блестяще преодолевался рационализм классической эстетики, утверждался философский романтизм и реализм.

С. 50. Властителям и судиям.—Ранняя редакция сохранилась в рукописях поэта, стихотворение называлось «Псалом 81». Вторая редакция оды была опубликована в «Спб вестнике». В 1795 г. Державин поднес Екатерине рукопись стихов, куда была включена эта ода, надеясь получить разрешение издать собрание своих сочинений. Но после Великой Французской революции, казни короля Людовика XVI ода звучала слишком революционно; поэту пришлось срочно доказывать, что «царь Давид не был якобинцем». В оде использован принцип разговора с властителями и судьями от имени «всевышнего бога»; поэт оказывался как бы пророком, призывающим: «Воскресни, боже! боже правых!»

С. 51. Бог.— Первое произведение русской литературы, получившее мировую известность; ода была переведена на английский, испанский, итальянский, польский, чешский, греческий, латинский, шведский языки, существует много французских и немецких переводов. *Без лиц, в трех лицах божества!* — В Объяснениях к своим сочинениям Державин утверждал: «Автор, кроме богословского православной нашей веры понятия, разумел тут три лица метафизические, то есть: бесконечное пространство, беспрерывную жизнь в движении вещества и неокончаемое течение времени, которое бог в себе совмещает». Метафизическое — значит философское. По существу, поэт взял под сомнение основополагающий в христианстве «символ веры», утвержденный на Никейском (325) и Константинопольском (381) вселенских соборах. Христианская троица (бог отец, бог сын,

бог дух святой) — это три лица. «Символ веры» гласит: три ипостаси одного бога единосущны; люди, как и Троица, триедины, каждый человек состоит из трех ипостасей — сознание, тело и душа, поэтому якобы и дети рождаются по божьему подобию. Дева Мария зачала от духа святого, родила младенца Христа, а потом у него возникло сознание; когда человек умирает, плоть его хоронят, а душа и сознание якобы возвращаются на небеса. Державин объявил: «Дух всюду сущий и единый»,— это как в мусульманстве — бог аллах! Именно там «нет бога, кроме аллаха, и Мухаммед посланник его». Ода Державина вызвала недовольство среди ревнителей православия. Сам поэт, заняв высокое положение при царском дворе, любил подчеркивать, что происходит от знатного предка — татарского мурзы Багрима. Идея о вечной жизни души человека («И чтоб чрез смерть я возвратился, Отец! — в бессмертие твое») и в христианство, и в мусульманство пришла из орфизма.

С. 53. Философы, пьяный и трезвый.—Впервые напечатано в «Московском журнале», 1792, № 3. Используя принципы анакреонической лирики, где воспеваются любовь и вино, Державин от имени двух философов, трезвого и пьяного, высказывается о смысле жизни; в рукописях сохранилась еще более или менее завершенная строфа:

Хотел я сделаться вельможей
И при лице царей служить,
Усердно чтить в них образ божий
И им лишь правду говорить.
Но видел: с верностью служить
Нельзя им...
А должно их всегда хвалить,
Подчас обманывать и льстить.

С. 55. Амур и Псишея.— Имя Псишея — от греческого «псюхе», т. е. душа. В одном из экземпляров рукописи 1795 г. зачеркнуто заглавие «Амур и Психея». Деление организма человека на тело и псюхе идет от орфиков; но затем термин «псюхе» вошел в художественную литературу, у Апу́лея в «Метаморфозах» уже Психея; а еще позже появились термины: «психика», «наука психология». Если у орфиков «псюхе» — это генетический код организма, то в наше время под понятием «психика» стали подразумевать функции головного мозга по переработке информации или «внутренние переживания» человека, «возникновение, развитие и проявления» сознания (см.: «Общая психология», 3-е изд., М., «Просвещение», 1981).

Ю. А. НЕЛЕДИНСКИЙ-МЕЛЕЦКИЙ — поэт, создатель любовных стихов и песен.

С. 57. Выйду я на реченьку...— Два начальных стиха поэт заимствует из народной песни «Выйду я на реченьку»; народная песня настраивала на искренность.

МЯТЕЖНЫЙ ДЕМОН

Поэзия XIX века

А. Ф. МЕРЗЛЯКОВ — поэт, переводчик, ученый, профессор Московского университета, среди его слушателей и учеников были П. А. Вяземский, Ф. И. Тютчев, А. И. Полежаев, М. Ю. Лермонтов.

С. 60. «Среди долины ровныя...» — Песня написана в период увлечения поэта Анисьей Федоровной Вельяминовой-Зерновой (1788—1876), в замужестве Кологривовой.

С. 61. Пир.— *Энтимета и сорит* — виды силлогизмов. *И Орфею улыбнитесь...* — Здесь: улыбнитесь певцу.

Д. В. ДАВЫДОВ — легендарный герой Отечественной войны 1812 года, поэт, публицист.

С. 64. Бурцову.— *А. П. Бурцев* (?—1813) — сослуживец Давыдова по Белорусскому гусарскому полку. Стихотворение очень искренне и реалистично.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — поэт-романтик; перевел «Одиссею» Гомера, а также много стихов, баллад Гете, Шиллера, Р. Соути и др.

С. 66. «Кто слез на хлеб свой не ронял...»—перевод стихотворения Гете. *Вышни силы* — «тайные силы», заключенные в самом человеке.

С. 66. Песня — вольный перевод немецкой народной песни; стихи положены на музыку А. А. Алябьевым.

С. 67. Торжество победителей — перевод баллады Ф. Шиллера; источниками стали «Илиада» Гомера, а также песни, не вошедшие в поэму (троянский цикл мифов, так называемых «киклических поэм»). Цель Жуковского состояла не в воспевании быта, античной экзотики, а в воспроизведении древнего миросозерцания. Эпические герои у Шиллера и Жуковского превратились в философов, рассуждающих о скоротечности земного счастья. *«Приамов град»* — Троя, которую осаждали греки во главе с главнокомандующим Агамемноном (Атреем). *Илион* — второе название Трои. *Калхас* — прорицатель, участник битвы против Трои. *Паллада* — Афина Паллада — богиня войны и победы, мудрости, науки и искусства, одна из главных Двенадцати на Олимпе. *«Часто Марсом пощаженный...»* — т. е. не убитый во время боя. *Марс* — римский бог, то же, что Арей. *Кронид* — сын Крона, Зевс. *Эвмениды* — то же, что эринии, богини мщения, позже богини «муки совести» (у Эсхила). *Хитроумный Одиссей* — греческий герой, царь острова Итака, который получает советы от Афины Паллады. В балладе названы многие

главные герои «Илиады»: Ахилл, Патрокл, Атрид, Одиссей, Терсит, Нестор — греческие участники осады Трои; и троянцы — Гектор, Гекуба, Кассандра.

Д. В. ДАШКОВ — поэт-переводчик с греческого, государственный деятель и дипломат.

С. 72. Смерть Орфея — стихотворение, дающее представление о почитании певца в Греции. *Пиреиды* — музы.

В. С. ФИЛИМОНОВ — поэт, получивший известность как создатель поэмы «Дурацкий колпак».

С. 73. Из поэмы «Дурацкий колпак».— Начал работу над поэмой в 1824 г., первую часть ее посылал Грибоедову и Пушкину. Рассказ в поэме ведется от имени героя, который «связал себе колпак — из слов»; это «мудрец» — эпикуреец. Исповедь изобилует сатирическими намеками; в поэме очевидны выпады против романтизма. *Шекспир* Уильям (1564—1616) — английский драматург. *Байрон* Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) — английский поэт, революционный романтик. *Сталь* Анна Луиза (1766—1817) — французская писательница, теоретик литературы.

В. Н. ОЛИН — поэт и критик, выдвигал теорию романтизации страстей и характеров.

С. 75. <Смерть Эвиралллины>.— Дает представление о русской «байронической поэзии». Философская основа байронизма — деление человека на душу и тело (орфизм). Находясь под сильным влиянием просветителей, сам Байрон понимал, что судьбы народов зависят не только от социальных пороков и невежества людей. В отличие от тех романтиков, которые считали, что человек подчинен «мировому целому», Байрон предлагает идею непримиримой, хотя и трагической борьбы против враждебной действительности. Герои Байрона — люди, порвавшие со своей средой, вступившие в борьбу, ставшие мстителями, преступниками, бунтарями. Байронизм как литературное умонастроение пришел в Россию из Европы и нашел много последователей; созвучны Байрону поэмы К. Ф. Рылеева «Войнаровский», поэма А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» и др.

В. И. КОЗЛОВ — поэт-романтик.

С. 77. Мечтатель — романтическое стихотворение, проникнутое настроением одиночества.

С. Д. НЕЧАЕВ — поэт, в чьем творчестве встречаются элементы сентиментализма и религиозного настроения.

С. 79. К Г. А. Р.-К.— обращено к Г. А. Римскому-Корсакову (1792—1852), гвардейскому офицеру, члену Союза Благоденствия.

Б. М. ФЕДОРОВ — поэт-антиромантик.

А. А. КРЫЛОВ — поэт «унылой элегии», противник гедонической поэзии.

С. 82. Истребленная роща — перевод элегии французского поэта Шарля Мильвуа (1782—1816). Купидон — римский бог, то же, что Эрот (не путать с Эросом!); в Риме его называли Амуром; часто изображается вместе с Психеей, т. е. предшественник чувственной любви.

А. С. НОРОВ — автор дидактической поэмы «Об астрономии», совершил путешествия в Палестину, в Иерусалим; тяготел к байронизму, но более — к религиозному, смиренному; был министром народного просвещения.

С. 84. Фантазия «Очарованный узник» *(Отрывок)*.— Навеяна «Шильонским узником» Байрона. *«...мысль — мечта моей души»* — формула, указывающая на триединство: тело — душа — мысль.

С. Е. РАИЧ — поэт, воспевавший идеал «естественного человека», освободившегося от религиозно-аскетичекой морали, педагог.

С. 86. Жаворонок.— Стихотворение несет в себе орфическую идею о вечных превращениях «бессмертной души»: «Не поэта ль дух высокий, Разорвавший с миром связь, В край небес спешит далекий, В жаворонке возродясь?»

С. 87. <Из поэмы «Арета»>.— Сюжетом, как писал сам автор, он обязан роману английского поэта Т. Мура (1779—1852) «Эпикуреец». *«Арета»* — поэма о странствиях римлянина Арета, покинувшего отечество и обратившегося из язычника в благочестивого христианина. В период после декабристского выступления поэт увидел, что в общество проникла жажда наслаждения и роскоши; он противопоставил этому нормы христианства: любовь к ближним, скромность, кротость. *Фемида* — богиня правосудия.

К. Н. БАТЮШКОВ — поэт-лирик, великолепно освоивший античную философию; он впервые создает автопортрет орфического толка: два человека — белый и черный — ведут борьбу не на жизнь, а на смерть; эта идея найдет отражение в творчестве Блока, Есенина и др.

С. 88. «Пафоса бог...» — *Пафос* — древний кипрский город, в котором находился храм богини любви Афродиты. *Эрот* — бог — сын Афродиты, «внушающий любовь», изображался юношей или мальчиком с золотыми крылышками, с луком, стрелами, колчаном.

С. 88. К Петину.— *Петин* И. А. (1789—1813) — офицер, поэт, приятель Батюшкова, погиб в битве под Лейпцигом. *Индесальми* — кирка в Финляндии; близ нее происходило сражение русских со шведами.

С. 89. Судьба Одиссея — вольный перевод стихотворения Шиллера. *Сцилла и Харибда* — морские скалы-чудовища, которые, сходясь, раздавливали проходящие между ними корабли.

Ф. Н. ГЛИНКА — поэт, член Союза Благоденствия; после ареста и пребывания в Петропавловской крепости сослан в Олонецкую губернию. В лирике виден христианский смерительный момент, четкое деление человека на «добро» и «зло», отсюда не борьба со злом, но смирение его в себе.

С. 90. Два счастья.— В поэзии Глинки многократно варьируется идея двуединства. Подражая священным псалмам, создав большой цикл «Опыты священной поэзии», поэт нашел для себя настроение в орфическо-христианской модели: добро — зло, светлое — черное, в библейских мотивах, в сетованиях.

С. 91. Ангел.— В основе стихотворения — христианский миф об ангеле, который является связующим существом между человеком и богом.

С. 92. Две дороги.— В философском плане — типично орфическое стихотворение; изобретения человеческого таланта — шоссе, железная дорога, а затем и «воздушная полоса» представляются неизбежными, роковыми; человек будет богом, или его «громом пришибет».

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — поэт, критик, издатель; был близок по настроению к декабристам; его индивидуальный протест романтичен, его демонизм в стороне от подвига и действия.

С. 94. Когда? Когда? — Стихотворение, построенное риторически, вопросы не требуют ответа, но ответ предполагается — такого не будет никогда. Выходит чисто орфический вариант: зло вечно и неистребимо, добро только задает вопросы.

С. 95. «Наш свет — театр; жизнь — драма...» — В философском плане орфическое стихотворение: судьба все предопределяет, кому играть роль министра, богача, а кому — быть зрителем; изменить ничего невозможно.

С. 96. Русский бог.— Полемизируя с Вяземским как реакционным государственным деятелем 50-х годов, Герцен, революционный демократ, неоднократно язвительно напоминал ему, что он является автором «Русского бога». Это стихотворение резко критическое, но орфическое — смирительное по смыслу; в нем нет активного противодействия «дикому» русскому богу. *Бог всех с анненской на шеях.*— Царский орден св. Анны давался в петлицу или «для ношения на шее».

С. 97. Рябина.— Вяземский одним из первых ввел образ рябины как признак Родины; затем, например, «Рябина» И. З. Сурикова («Что стоишь, качаясь...») стала народной песней; рябина как символ Руси встречается у М. И. Цветаевой и т. д. *Потомка новой Элоизы* — здесь женский род от потомок; «Новая Элоиза» — роман Жан-Жака Руссо, который проповедовал простой образ жизни.

П. А. КАТЕНИН — поэт, драматург, «один из первых апостолов романтизма» (А. С. Пушкин); активный деятель ранних декабристских организаций.

С. 100. Гений и Поэт.— Создав это стихотворение в ссылке, в своем имении, Катенин писал: «Я становлюсь смел в своей глуши, и, коли прочтете, увидите почему». На Катенина повлияли события Июльской революции 1830 г. во Франции; ссыльный поэт приветствовал революцию. 17 ноября произошло восстание в Польше, и строки Катенина были восприняты как намек на восстание; стихотворение не увидело света. Таким образом, толчком для написания стихотворения была жизнь. Катенин — знаток олимпийской системы, пропагандист системы Гомера, но в этом стихотворении выступает как орфик или сократик. Разговор Гения и Поэта — это разговор двух олицетворенных, условных лиц: Поэт — человек, вдохновляемый «небесным духом» — Гением, говорит о своем предназначении, о своих сомнениях. Гений — это демон, посредник между Всемирным богом (или Всемирным Разумом) и человеком. Демон в данном случае внушает Поэту идею подвига, тогда как Поэт колеблется — совершить подвиг во имя Всемирной справедливости или не спешить с этим. Стихотворение Катенина заканчивается неопределенно: «Наконец, как вдохновенный, Руки к Гению воздел; Но уж поздно: окриленный Гость небесный улетел».

В. Ф. РАЕВСКИЙ — активный член Союза Благоденствия, арестован в 1822 г., заключен в крепость, затем сослан в Сибирь; поэт-лирик, его стихи делятся на периоды: 1812—1821; тюремные — 1822—1824; периода ссылки — 1828—1846.

С. 104. **На смерть моего скворца.**— Стихотворение было опубликовано в 1890 г. в «Русской старине» с пометкой «В крепости Тираспольской 1824». Это одно из «тюремных» стихотворений. *Пелисон* — имеется в виду рассказ о французском писателе Поле Пелиссоне Фонтанье (1624—1693), приручившем в одиночной камере тюрьмы паука. *Абеон* — гений отъезжающих. *Пифагор* (ок. 580—500 до н. э.) — древнегреческий философ, математик и религиозный деятель, последователь орфиков; борец против теории Гомера, т. е. против олимпийского учения. Точно так, как и орфики, он делит организм человека на два начала: душа и тело. Но «Душа человека разделяется на три части: ум, рассудок и страсть. Ум и страсть есть и в других живых существах, но рассудок — только в человеке». (См.: Диоген Лаэртский, кн. 8, 30). Тело, по учению орфиков и Пифагора, смертно, а душа — вечна, она переселяется в растения и животных, а также в других людей. Эта идея орфиков перешла затем к ученику Пифагора — Филолаю, от него — к Сократу, от Сократа — к его ученику Платону, от Платона — к Аристотелю, а идеи Аристотеля восприняло христианство. Каждый раз орфизм несколько видоизменялся, но и у Гегеля, и в русской поэзии он очевиден. В. Ф. Раевский в своем стихотворении прилет скворца в тюремную камеру связывает с душой-скворцом.

С. 105. **Предсмертная дума.**— В стихотворении видна идея орфиков: «Моя болезнь, разрушенное тело...» — это о теле; «Кто жизни план моей чертил» — это о душе, которая как бы дана свыше, поступки человека предопределены.

М. А. ДМИТРИЕВ — поэт-славянофил, племянник известного русского поэта И. И. Дмитриева.

С. 106. **Ответ Аксакову на стихотворение «Петр Великий».**— *К. А. Аксаков* (1817—1860) — один из вождей славянофильства, историк, поэт, критик, публицист. Стихотворение не могло быть напечатано по цензурным причинам, оно бросало мрачный свет на деятельность Петра I, в результате которой, по мысли Аксакова, было подавлено народное, национальное начало ради приобщения русской жизни к чуждым ей формам европейского общественного быта. В отличие от Аксакова сам Дмитриев вину за кризисное состояние страны возлагал на преемников Петра I. *Долгорукой* Я. Ф. (1659—1720) — приближенный Петра I, полководец и государственный деятель. *Дней наших Валтасары* — здесь: люди, облеченные властью, деспоты. По Библии: Валтасар — последний царь Вавилона, гибель властителя предсказали чудесные письмена на стене дворца, в котором он пировал. В стихотворении присутствует в скрытом виде не только христианский взгляд на человека как носителя «добра» и «зла», а на общество как носителя двух начал — хорошего и плохого; в стихотворении новый вариант орфизма, пришедший из Европы, от философа-идеалиста Шеллинга, от «Фауста» Гете. Например, стихотворением «Две феи» он выразил «закон» равновесия (равенства) сил, шеллинговский принцип един-

ства полярных сил; Дмитриев предлагает два возможных толкования этого принципа применительно к сфере нравственного практического сознания. Одна «фея» говорит о том, что равновесие добра и зла, как двух противоположных сил, не зависит от человека и полностью предопределяется волей миродержавного помысла; вторая «фея» утверждает, что равновесие добра и зла лишь в конечном итоге зависит от верховной воли; у человека, мол, имеются возможности управлять колебаниями сил, возвышать свой дух; но абсолютное единство двух противоположных сил — по ту сторону добра и зла — удел бога, а не человека. *«Слова, исполненные кары, Напишет грозная рука»* — это рука бога, который якобы все-таки карает человеческое зло.

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР — поэт, революционный романтик, за участие в восстании декабристов был сослан в Сибирь.

С. 108. К моему Гению.— Стихотворение, характерное для одного из видов литературного орфизма. Например, у Дельвига есть «Разговор с Гением», как и у многих других поэтов. Кюхельбекер использовал в своем творчестве и «ангела смерти», и «ангела добра».

С. 109. Он есть.— Стихотворение является как бы ответом философу-идеалисту Шеллингу на его неверную, по мнению Кюхельбекера, теорию «обескачествования» бога. «Вера в премудрую, преблагую, всемогущую, самобытную причину вселенной столь же необходима мне, сколь необходима мне вера в собственное существование.— Без той и другой я совершенно теряюсь в хаосе; без них единственным моим спасением из бездны отчаяния может быть только смерть или безумие»,— записал В. К. Кюхельбекер в дневнике.

А. А. ШИШКОВ — поэт, в чьем творчестве античная мифология является прикрытием сатиры; декабристские настроения выражены в условной, образной символике. В философском плане творчество Шишкова пронизано литературными вариациями орфизма (противопоставления: тело — душа; враг — друг; вельможи — рабы; толпа — Поэт; демон — Поэт).

С. 111. Родина.— *И я опять в стране отцов.*— В январе 1826 г. Шишкова арестовали по подозрению в причастности к тайным обществам и привезли в Петербург; следствие окончилось за отсутствием улик. *Домашних пестунов-богов.*— У римлян были пенаты — боги — покровители домашнего очага; возможно, что это доримские боги, культ которых связан с обожествлением предков.

А. С. ПУШКИН — великий русский поэт, родоначальник новой русской литературы, создатель русского литературного языка.

С. 113. К Н. Я. Плюсковой.— Впервые это стихотворение появилось в печати под заголовком «Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елизаветы Алексеевны». Стихи обращены к фрейлине императрицы Н. Я. Плюсковой, воспринимались как отклик на замысел правительственного переворота с возведением на престол Елизаветы Алексеевны, идею которого пропагандировал декабрист Ф. Глинка. *Геликон* — гора в Средней Греции, на которой, согласно мифу, обитали музы; место поэтического вдохновения.

С. 114. В. Л. Давыдову.— Обращено к декабристу В. Л. Давыдову. *Орлов* М. Ф.— был в это время женихом Ек. Н. Раевской. *Каменка* — имение Давыдовых, где происходили встречи тайного общества и где Пушкин гостил зимой 1820—1821 годов. *Безрукий князь* — вождь греческого восстания Александр Ипсиланти, русский офицер, потерявший руку в Отечественной войне 1812 г. *И с сыном птички и Марии пошел христосоваться в рай...*— Имеется в виду христианский «символ веры», в котором утверждается триединый бог: бог отец, бог сын, бог дух святой; Христос — сын «духа», от которого зачала дева Мария; Пушкин «дух» именует «птичкой». *«...кровь Христова»* — в православных церквях во время причастия дают на ложечке вино, которое называется христовой кровью; Пушкин смеется: «А то — подумай как смешно! — С водой молдавское вино». *Милый брат* — А. Л. Давыдов. *Те* — итальянские карбонарии, поднявшие восстание в Неаполе в 1821 г. *Та* — революция. *Христос воскрес.*— По христианскому вероучению распятый Христос вознесся на небо; это объясняется тем, что по орфическо-христианской модели «дух святой» вечен, он сошел на деву Марию, от нее родился Христос, но когда Христос умер, то из смертного тела дух вернулся к богу Отцу.

С. 115. Демон.— По мнению некоторых современников, Пушкин нарисовал психологический портрет своего друга А. Н. Раевского, с которым встречался в Одессе. Идея демона взята из европейской литературы, но основа ее лежит в орфизме и в христианстве: зло — добро, сатана — ангел, сатана — бог, материя — идея.

С. 116. «Свободы сеятель пустынный»...— Стихотворение написано под впечатлением поражения революционного движения в Западной Европе.

С. 116. Прозерпина.— *Прозерпина* — богиня Персефона, олицетворение злаков и вечного плодородия; в олимпийском учении она является дочерью Деметры — верхнего слоя Земли. *Нимфы* — многочисленные олицетворенные «силы» природы: нимфы морские, речные, нимфы источников, ручьев, долин, лугов, деревьев и т. д. *Плутон* — то же, что и Аид, или аид. Согласно мифу, Персефона — дочь Зевса и Деметры; она была похищена Аидом, там он заставил ее проглотить гранатовое зерно — символ неразрывности брака. Деметра добилась от Зевса возвращения дочери, но Персефона (растительность) только часть года могла быть на поверхности, а остальное время жила как жена Аида, находилась в подземном царстве. Позже культ матери Деметры и дочери Персефоны получил еще

одно толкование: они стали покровительницами земледельцев, законодательницами древних родов. В Элевсине, что недалеко от Афин, устраивались элевсинские мистерии специально только для знатных и древних родов; присутствовавшие там давали обет молчания. Орфики называли Персефону «великой богиней» и противопоставляли ее всему неживому. *Церера* — второе имя Деметры. *Элизий* — загробный мир, где господствуют Аид и Персефона; там, на берегу Флегетона, обитают блаженные герои, получившие бессмертие от богов. Под влиянием орфических мистерий, пифагорейцев и учения Платона, Элизий превратился в счастливый мир для достойных. Представления об Элизе (Элизиуме) легли в основу понятия о христианском рае, который переместился на небо. А. С. Пушкин называет его: «Сновидений ложный рой».

С. 117. «Под каким созвездием».— Великолепная стихотворная миниатюра, где называются планеты: «ближний Меркурий» — т. е. ближний Солнцу. *«Сатурна дальнего».*— Во времена А. С. Пушкина Сатурн считался дальним, хотя уже была открыта планета Уран, которая удалена от Солнца еще дальше, но Пушкин об этом не знал.

С. 117. Стансы.— Воздавая хвалу царю-преобразователю Петру I, Пушкин как бы призывает Николая I быть во всем подобным своему пращуру. *Мятежи и казни* — имеются в виду стрелецкие бунты, подавленные Петром. Я. Ф. Долгоруков смело говорил Петру I о каких-либо своих несогласиях. Противопоставляя Долгорукого мятежным стрельцам, Пушкин заступался за декабристов, призыв простить которых виден в последней строке стихотворения. *Он знал ее предназначенье* — т. е. верил в предопределенность развития страны, в просвещенную державу, но и сам прилагал силы, чтобы она развивалась: «сеял просвещенье».

С. 118. Ангел.— *Эдем* — земной рай, в котором жили первые люди до грехопадения. *Ангел* — бесплотное существо, созданное богом, обладающее свободой воли и возвещающее людям «божью волю» (в религии иудеев, христиан, мусульман). *Демон* — черт, бес, дьявол, ведьма; в иудейской и христианской религиях считается, что демоны — вышедшие из повиновения ангелы, «падшие ангелы»; наличием «духов зла» оправдывается зло в мире. Орфическая теория о душе — Эвридике и теле — Орфее приобрела в христианстве и в литературе новые интерпретации и породила новые легенды, были придуманы «злые духи», которые получили имена Антихриста, Люцифера, Демона, Мефистофеля и т. п. А. С. Пушкин в стихотворении «Ангел» воспроизвел христианскую легенду.

С. 118. Череп.— Послание к Дельвигу. *Вакх* — то же, что и Дионис — бог вина и веселья, покровитель сельскохозяйственных занятий; со времени правления Писистрата (с 560 до н. э. правил в Афинах) почитается, по-видимому, как один из Двенадцати главных богов; в Риме культ Диониса сначала встретил сопротивление. *Фихте* — Фихте Иоганн Готлиб (1762—1814), немецкий философ-идеалист, его «теория» является одним из вариантов христианского «символа веры» о всемирной троичности. *Кистер* — причетник в лютеранской церкви. *Айдесский бог* — бог подземного царства мертвых,

Аида. *Певец Корсара* — автор поэмы «Корсар» Д. Г. Байрон. *Скандинавов рай воинский* — Валгалла, куда, по древним скандинавским верованиям, попадали души погибших в бою героев, проводя там время в пирах, причем пили мед из черепов своих врагов. *Гамлет — Баратынский* — имеется в виду стихотворение Баратынского «Череп», которое Пушкин сопоставляет с размышлениями Гамлета над черепом шута Иорика.

С. 122. Княжне С. А. Урусовой.— Княжна Софья Александровна Урусова — одна из светских красавиц. *«Не веровал я в троицу доныне»* — имеется в виду триединый христианский бог, состоящий из трех ликов и трех ипостасей: бог отец, бог сын, бог дух святой; этот «символ» породил множество вариаций, целые «теории» о триединстве мира, о триединстве общества, о триединстве природы и т. п.; к числу триадников относятся Фихте, Шеллинг, Гегель и др. А. С. Пушкин, подсмеиваясь над «тройным богом», сравнивает его с тремя грациями.

С. 122. Друзьям.— Опубликованное в январе 1828 г. стихотворение «Стансы» вызвало упреки Пушкину, что он подлаживается к царю. В данном стихотворении поэт разъясняет свое отношение к Николаю I, одновременно выступая против реакционных правительственных кругов с их «презрением к народу». Николай I запретил печатать эти стихи.

С. 123. «Подъезжая под Ижоры».— Обращено к двоюродной сестре А. Н. Вульфа — Е. В. Вельяшевой. *Ижоры* — последняя станция на пути в Петербург. Стихотворение — из числа тех, где выражено непосредственное чувство.

С. 124. «Жил на свете рыцарь бедный».— По цензурным соображениям при жизни Пушкина стихотворение не было опубликовано. В стихотворении пародируется христианская легенда о триликом и трименном боге: бог Отец, бог Сын, бог Дух. *Дух лукавый* — это бес, т. е. падший ангел, который хотел унести душу рыцаря к себе, но дева Мария заступилась за своего поклонника.

С. ... . «Еще одной высокой, важной песни...» — недоработанный перевод «Гимна пенатам» английского поэта Соути. *Советники Зевеса* — это Главные боги Олимпа, дети Зевса: Афродита, Афина, Арей, Гефест, Гермес, Аполлон, Артемида, Персефона, Геба, Хариты Гестия; вместе с Зевсом и Герой, которые как супруги составляют неразделимое единство — дети Зевса и входят в число Двенадцати. Спор о том, какие еще боги входили в пантеон Главных, а какие были неглавными,— длился на протяжении тысячелетий. *Таинственные силы* — это и есть боги-коды. *Беседуя с самим собою* — т. е. рассуждая о своих внутренних движущих силах. *Чтить самого себя* — почитать «тайные силы» своего организма. Формула древних мудрецов «Познай самого себя» перешла в поэзию и в литературу Европы. Познавая себя, поэты, воспринявшие олимпийское учение, не только учились «знать сердечну глубь», «лелеять» свои бессмертные чувства, страсти, но воспевать их как естественные, вечные; благодаря этому и возникла великая реалистическая поэзия, воспевающая мгновения, проявление реальных переживаний, искреннего откровения и исповедания.

Е. П. ЗАЙЦЕВСКИЙ — поэт-философ, в своих элегиях приходит через рассуждения к идеям, возникающим ассоциативно. Рассудочная лирика получила развитие позже у многих поэтов, но она является как бы «эмиграцией в себя», уходом от активной жизни и реальных проблем.

С. 127. Развалины Херсонеса.— *Херсонес* — причерноморская греческая колония, основанная около 422 до н. э., развалины ее находятся близ Севастополя; был крупным политическим центром до середины XV в.; по преданию, в районе Херсонеса (Корсуни) произошло крещение князя Владимира. *...язычества кумиры Сменились верою спасительной Христа* — поэт положительно оценивает принятие христианства Русью.

Г. Ф. РОЗЕН — поэт-романтик, переводил стихи русских поэтов на немецкий; испытал сильное влияние творчества Шиллера и Пушкина.

С. 128. Черный ангел.— *Черный ангел* — ангел смерти; поэтическое воплощение орфико-христианской идеи о «добре» и «зле», ангеле и демоне.

В. И. ТУМАНСКИЙ — поэт-элегик; после 1830 года, в период «поэзии мысли», он остается верен своим элегиям.

С. 130. Имя милое России.— Написано в Бургасе, где поэт с декабря 1829 г. находился в качестве чиновника дипломатической канцелярии Главной квартиры.

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ — поэт мысли; объявляя литературу «наукой о жизни», пришел к представлениям, что в XIX веке «Исчезли при свете просвещенья Поэзии ребяческие сны, И не о ней хлопочут поколенья, Промышленным заботам преданы» («Последний поэт»).

С. 132. «Желанье счастия в меня вдохнули боги».— Поэт не уточняет — каких богов он имеет в виду, но судя по другим стихам, речь идет об олимпийских богах.

С. 132. «Итак, мой милый, не шутя».— *Шатры Арея* — армейские шатры, Арей — бог агрессии и войны; по олимпийскому учению, один из Двенадцати главных на Олимпе.

С. 133. «Смерть дщерью тьмы не назову я».— По олимпийской системе, *смерть* — Танатос, сын Ночи; *Эфир* — сын Эреба (ядра земли) и Ночи; под Эфиром подразумевалась также оболочка мира, из которой произошли солнце, звезды.

С. 134. Последняя смерть.— Навеяно Апокалипсисом, т. е. откровением Иоанна Богослова, в котором и содержится про-

рочество «конца света», говорится о борьбе между Христом и Антихристом. Но по христианским представлениям Антихрист будет побежден Христом, навсегда уничтожен.

А. И. ОДОЕВСКИЙ — поэт-декабрист; показывал на следствии, что вместе с Рылеевым «мечтал» «о будущем усовершенствовании рода человеческого».

С. 136. «Струн вещих пламенные звуки».— Стихотворение впервые опубликовано А. И. Герценом в Лондоне в 1857 г. под заголовком «Ответ на послание Пушкина» с примечанием: «Кто писал ответ на послание — неизвестно». Стихотворение Пушкина: «Во глубине сибирских руд...» Строка «Из искры возгорится пламя» послужила эпиграфом для ленинской газеты «Искра».

С. 136. Два духа.— Поэтический вариант орфико-христианской модели мира, состоящего из «добра» и «зла», один мир сотворен «духом светлым», другой мир сотворен «духом черным». А «Дух всемирный» — это бог, судья; увидев несовершенство мира, бог расстроил его; и эта нестройность передалась Земле.

Ф. И. ТЮТЧЕВ — выдающийся поэт-лирик.

С. 140. 14-е декабря 1825.— Написано после обнародования приговора по делу декабристов.

С. 140. Полдень.— *Пан* — по античной мифологии бог лесов, стад и пастухов; в полдень час его отдыха; Пан — по-видимому, «все», т. е. вся видимая природа.

С. 141. <Из «Фауста» Гете>.— Переводы из 1-й части «Фауста» Гете. I — отрывок из «Пролога на небе». Дает представление об интересе Тютчева к литературному варианту идеи о двуединстве человека и мира.

С. 141. «Как дочь родную на закланье».— Написано в связи с антирусской кампанией, развернувшейся в баварской печати после взятия Варшавы царскими войсками 26 августа 1831 года. *Агамемнон* — главнокомандующий греческим войском во время троянской войны; вымаливая у разгневанной на него богини охоты Артемиды попутных ветров, должен был принести в жертву свою дочь Ифигению. *Коран* — священная книга мусульман, стихи, сочиненные Мухаметом, но якобы услышанные им от бога аллаха. *Янычары* — солдаты привилегированной части армии, постоянные участники мятежей и дворцовых переворотов. *Мета* — цель. *Феникс* — по античной мифологии птица, возрождающаяся из собственного пепла.

С. 142. «Душа хотела б быть звездой».— Слово «душа» употребляется в типичном орфико-христианском значении; душа как чистая основа в материальном теле.

С. 143. Пророчество.— Осуществление панславянских надежд Тютчев связывал с четырехсотлетней годовщиной падения Ви-

зантийской империи (1453—1853). *София* — христианский храм в Константинополе, превращенный турками в мечеть.

С. 144. Два голоса.— Здесь: два голоса — два мнения. Понимая значение Олимпа, понимая, что «бессмертные боги» Олимпа — это вечные тайные силы, поэт говорит о праве людей на подвиги.

С. 144. Наш век.— *«Не плоть, а дух»* — орфико-христианское представление об организме человеческом как о двух ипостасях: плоть и душа. *Я верю* — цитата из евангелия от Марка (IX, 24).

С. 145. «Вот от моря и до моря».— *Нить железная*— проволока телеграфа. *Кровь... Севастопольских вестей.*— Выражено нехорошее предчувствие поэта, вызванное осадой Севастополя.

С. 145. «Эти бедные селенья...» — Выражено настроение фатальной неизбежности рабства на Руси.

С. 145. «О вещая душа моя!» — Выражена идея орфико-христианского двуединства. *Мария* — раскаявшаяся грешница Мария Магдалина, о которой упоминается в евангелии.

С. 146. «Он, умирая, сомневался...» — Написано в апреле 1865 г. в связи с исполнившейся 4 апреля столетней годовщиной со дня смерти Ломоносова. *Борец ветхозаветный* — Иаков, один из древнееврейских патриархов; по библейскому сказанию, с ним однажды «боролся некто до появления зари», и только на рассвете Иаков понял, что боролся с богом.

С. 147. «Ты долго ль будешь за туманом...» — Написано по поводу восстания славянского населения острова Крита против турецкого владычества. Предпринятое русским правительством дипломатическое вмешательство реального значения не имело.

С. 147. Современное.— Вызвано торжествами в Турции в связи с завершением строительства Суэцкого канала. Открытие его состоялось 16 ноября 1869 г. *Франкистанская земля* — Франция, принимавшая участие в сооружении Суэцкого канала. *Мусикия* (славян.) — музыка. *Гарем* — женское помещение в богатом мусульманском доме, обиталище жен хозяина; многоженство разрешается исламом, оно давало многодетность и позволяло вести завоевательскую политику. *Коронованная фея* — французская императрица Евгения, жена Наполеона III. *Рима дочь* — католичка. *Как вторая Клеопатра.*— В I в. до н. э. при египетской царице Клеопатре существовал Суэцкий канал, позже его занесло песком. *Миллионы христиан* — христианское население Турции.

А. И. ПОЛЕЖАЕВ — поэт-лирик, революционер.

С. 149. Рок.— Рок у Полежаева показан как свирепая сила, перед которой все равны. *Али Янинский* (1741—1822) — албанский паша, наместник Албании, добившийся почти полной самостоятельности в управлении страной, бывшей под властью турецкого султана. Погиб от рук солдат султана Махмуда. *Фирман* — указ турецкого султана. *Крез* — полулегендарный Лидийский царь (560—

548 до н. э.), известный своим баснословным богатством. *Кир* — основатель древнего Персидского царства, завоеватель Мидии, Лидии и Вавилона. Кир был настигнут смертью в постели, что имеет в виду Полежаев. *Народный гладиатор* — по-видимому, Спартак.

С. 150. Провидение.— Стихотворение отражает намерение поэта предупредить самоубийством ожидаемое наказание — прогнание сквозь строй, а также подъем сил, когда получил известие о помиловании. Оно свидетельствует и о том, что отчаяние поэта переводит его мысли в орфический план: «Я погибал» — «Мой злобный гений Торжествовал»; «Я» — это «враг угнетений», а «злобный гений» — это Люцифер. «Провидение» объясняет причины возникновения «лжесофизма». *Люцифер* — то же, что сатана; в иудейской и христианской религии дьявол виновник всех злых дел в мире; другие имена дьявола: «злой дух», «властелин ада», Вельзевул, Мефистофель, Воланд, ведьма, черт, демон и др. *Каин* — в библейской мифологии старший сын Адама и Евы, убивший брата Авеля.

С. 151. «Притеснил мою свободу...» — Стихотворение отражает настроение поэта после столкновения с фельдфебелем, в результате чего поэт попал в длительное заключение.

С. 152. Духи зла.— Через библейские образы выражено настроение несправедливости наказания; «духи зла» — страдальцы.

С. 153. Атеисту.— По-видимому, поэт выступает против примитивных суждений о человеческом организме: «Вы без души, ума и глаз!»

С. 153. Гальванизм, или послание к Зевесу.—*Гальвани* Луиджи (1737—1798) — итальянский врач и ученый, которому принадлежит большая заслуга в развитии учения об электричестве и применении его в медицине. Проделывая опыты над лягушками, Гальвани установил, что их препарированные мышцы реагируют на действия разряда электрической машины. *Орел* — подносил стрелы Зевсу. *Геба* — дочь Зевса, одна из Двенадцати главных на Олимпе, богиня юности.

А. Ф. ВЕЛЬТМАН — поэт-ученый, писатель-фантаст, военный, топограф, историк, археолог, лесовод.

С. 155. <«Из повести «Странник»>.— *В крылатом легком экипаже* — очевидное предсказание поэтом-фантастом самолета.

С. 156. <Песня разбойников>.— Песня приобрела широчайшую популярность, что отметил еще в «Литературных мечтаниях» В. Г. Белинский (т. I, с. 95). Положена на музыку И. Иогелем, А. Е. Варламовым, А. Н. Алябьевым, Д. Н. Кашиным, В. Осиповым, П. Тихменевым, В. Ф. Алоизом.

Л. А. ЯКУБОВИЧ — поэт-романтик, проповедовавший идеи демонизма, байронизма и рока.

С. 157. Три века.— Идею прекрасного века, на смену которому пришел «век вражды», а далее ожидается опять-таки «лучший мир», можно считать интерпретацией древнего мифа о «золотом веке», изложенного в поэме Гесиода «Труды и дни».

Д. П. ОЗНОБИШИН — поэт-лирик, переводчик; в своем творчестве утверждал светлое начало демонизма.

С. 158. Антиастроном.— *Комета Энка* — подразумевается комета, открытая немецким астрономом И.-Ф. Энке (1791—1865) и названная его именем. *Фалес Милецкий* (ок. 625 — ок. 547 до н. э.) — древнегреческий философ, родоначальник античной философии, астроном, впервые предсказавший солнечное затмение.

М. П. ЗАГОРСКИЙ — поэт, на фольклорном материале создал богатырскую поэму «Илья Муромец»; искал русские национальные формы поэзии по аналогии с формами, сложившимися в западном романтизме.

С. 160. Андромаха.— Лирическое стихотворение, передающее настроение *Андромахи* — вдовы троянского героя Гектора, убитого Ахиллом; изображается момент, когда уже греки захватили крепость Трою и, разрушив, отплыли на родину. *Пергам* — Троя. *Диана* — Артемида, богиня охоты на зверей, сестра Аполлона, одна из Двенадцати главных на Олимпе; в Риме Артемиду отождествили с богиней луны Дианой, на нее перенесли все функции Артемиды. *Приам* — царь Трои, отец Гектора. *Данаи* — греки. В каждом человеке одновременно все боги Олимпа; в каждом лагере — у греков или у троянцев — одни и те же боги; но сами боги разделились: одни покровительствуют данайцам-грекам, другие троянцам. Зевс «данаев отражал» — значит покровительствовал троянцам. *Тщетно, брани возбудитель, Марс твердыни защищал...* — значит, Марс тоже покровительствовал армии троянцев, но тщетно. Грекам содействовали богиня мудрости, науки Афина и Гера, другие боги помогают той или другой армии в зависимости от ситуации. Судьба людей во власти богов. *Пелопса горды внуки* — Агамемнон и Менелай, греческие вожди. *Пелея сын* — Ахилл. *Аяксы* — греческие герои.

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ — поэт-романтик, член «Общества любомудров», созданного в Москве в 1823 году; члены этого кружка увлекались немецкой идеалистической философией, особенно системой Шеллинга.

С. 163. Сонет («К тебе, о чистый Дух...»).— Стихотворение написано под влиянием «философии откровения» немецкого философа Шеллинга, который рассматривал природу как форму бессознательной жизни разума, назначение ее — порождение сознания.

С. 163. Родина.— Впервые опубликовано в 1924 г. («Жизнь искусства», 1924, № 6). В русской литературе конца XVIII — начала XIX века нет стихов, которые бы обличали крепостничество столь же ярко и гневно.

В. Г. ТЕПЛЯКОВ — поэт, создатель гражданской историко-философской поэзии, у него ярко проступает «тема демона»; разрабатывал идею двух ангелов — «чистого» и «злого».

С. 164. Два ангела.— Литературный вариант орфико-христианской модели человека и мира, состоящих из двух начал: Добра и Зла. *Божественный слепец* — Джон Мильтон (1608—1674), английский поэт, автор «Потерянного рая». *Фокион* (397—317 до н. э.) — афинский полководец и государственный деятель, отличавшийся бескорыстием и суровым ригоризмом; ложно обвиненный в измене, был приговорен к смерти и выпил яд. *Жоконд*—герой распространенного сюжета, разработанного Ариосто, Лафонтеном и авторами ряда комедий и комических опер XVIII—XIX вв., молодой красавец, испытавший низкое вероломство женщин и ставший соблазнителем из желания мести.

Д. Ю. ТРИЛУННЫЙ (Струйский) — поэт, увлекающийся Байроном, прозаик, музыкант.

С. 167. Судьба гения.— Орфическое противопоставление: гения преследует злодей.

С. 167. Демон.— *Как беззаконная комета* — цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Портрет» (1828). Стихотворение «Демон» — литературный вариант орфико-христианской модели: Добро противостоит Злу; Демон — «враг добра непримиримый».

А. Н. МУРАВЬЕВ — поэт, драматург, публицист, переводчик поэмы Мильтона «Потерянный рай».

С. 169. Прометей — по греческой мифологии — провидец, титан, похитивший огонь с Олимпа и принесший его людям; за это он был наказан Зевсом — прикован к кавказской скале; орел каждое утро прилетал и клевал его печень, за ночь она снова отрастала; муки длились тысячелетия. Муравьев, использовав орфическую идею о душе и теле, изображает скитающуюся душу (Дух) Прометея, которая встретилась с костями своего тела.

А. И. ПОДОЛИНСКИЙ — поэт, который вслед за поэмой «Лалла-Рук» английского поэта Томаса Мура, особенно второй ее частью «Рай и Пери», а также вслед за поэмой Жуковского «Пери и ангел» создал свою поэму «Див и Пери» (1827), вызвавшую большой

интерес читающей публики. Орфико-христианская идея «добра» и «зла» получает у поэта новую трактовку. Если кающейся Пери Жуковского двери рая открываются лишь после длительных ее испытаний в добродетели, то у Подолинского Пери не склонна к религиозному подвижничеству, она раскаивается только после того, как оказалась насильно вверженной в обитель зла. Лучшим его произведением была поэма «Смерть Пери» (опубликована в 1837 г.).

С. 171. Из поэмы «Смерть Пери».— В. С. Киселева-Серегина пишет об этом произведении: «Герой поэмы при виде умирающей возлюбленной в отчаянии готов послать «упреки небесам», то есть бросить вызов самому творцу мироздания. Желая предотвратить грех и утешить несчастного, Пери вселяется в тело уже покойной девы, тем самым изменяя своей небесной природе и нарушая заповедь бога, запретившего небожителям вмешиваться в заботы тленных обитателей земли. Милосердие облекшейся в плоть Пери переходит в страсть. Следом за ней является ревность, которая побуждает Пери к жестокому признанию: спасенный ею юноша узнает правду об участи своей настоящей подруги и, устрашенный исступлением ее двойника, умирает». Христианские принципы о праведных и грешных чувствах, символические образы поэмы не позволяли поэту создать полнокровные характеры, но дали возможность «проиграть» по-новому диалектику «добра» и «зла», переселения души в чужое тело. Противопоставление духа и плоти, неба и земли, вечного и тленного в различных вариациях пройдет позже по всей поэзии XIX и начала XX века; лучшей поэмой на эту тему будет «Демон» М. Ю. Лермонтова; «борьба добра и зла» войдет в революционную лирику. Но если условные художественные образы Подолинского Н. А. Добролюбов назвал фантастическими и оторванными от всякой почвы, то «Демон» Лермонтова был восторженно принят В. Г. Белинским.

В. С. ПЕЧЕРИН — поэт, в чьем творчестве античные образы, «костюмы» и имена скрывают идеи декабристского тираноборчества; категории античной науки у него причудливо сплетаются с христианскими понятиями.

С. 173. <Монолог Вольдемара>.— В монологе поставлены проблемы: «Зажечь пожар неистовый, в котором Столетье ветхое сгорит?»; «Ты можешь ли из бурного хаоса Могучим словом вызвать новый мир?»

А. С. ХОМЯКОВ — поэт-славянофил; идеализируя православие, был противником крепостного права; испытал влияние шеллингианства.

С. 175. Желание.— Поэтическая вариация орфических перевоплощений души. Стихотворение вызвало пародию Козьмы Пруткова «Желанье поэта» (1854).

С. 175. Суд божий.— Написано в период войны России с Турцией, на стороне которой выступили Англия и Франция. *Двуглавый орел* — герб царской России. *Одноглавый орел* — герб Франции. *Скачущий лев с однорогим конем* — герб Англии. *Флаг под звездами ночными* — флаг США. *Царьград* — Константинополь, столица Византии, завоеванная турками в 1453 г. *Отман* — оттоман, турок.

С. 176. Раскаявшейся России.— Орфико-христианская идея «добра» и «зла» воплощена в виде веры, что Русь, исцелив болезнь порока сознаньем, станет «В сиянье новом и святом!».

С. П. ШЕВЫРЕВ — поэт-любомудр, испытал сильное влияние философии Шеллинга с его идеей единства полярных начал — добра и зла; переводил «Фауста» Гете, стихи Шиллера, др.; свел суждения в поэзии к двум мнениям, к конструкции двух спорящих противников (например, «Журналист и злой дух», «Два духа»), при этом всегда одна сторона выступает от имени добра и обязательно права.

С. 178. Сон.— *Егова* — древнееврейский бог, фигурирующий в Ветхом завете. Стихотворение «Сон» навеяно откровением Иоанна Богослова (Апокалипсисом), содержащим пророчество о «конце света».

С. 179. <Два Духа>.— Диалог «Духа смерти» и «Духа жизни» заканчивается схематической декларацией торжества «Духа жизни».

К. К. ПАВЛОВА — поэтесса, чьи литературные интересы сформировались под влиянием широкого круга писателей различных взглядов: Адама Мицкевича, Вяземского, Баратынского, А. И. и И. С. Тургеневых, Гоголя, Герцена, Огарева, Грановского, Погодина, Аксаковых, Киреевских, Хомякова, Шевырева, Фета, Ап. Григорьева, Полонского и др. В ее разнообразной лирике глубокий психологизм, много различных тем; по идеалам, отразившимся в ее стихах, она христианка, оценку реалий жизни ведет через идеи «земного» и «высокого», видя «земную тесноту» и размышляя о «небожительстве».

С. 182. Дочь жида.— *Одалиска* — рабыня в гареме, наложница. *Гурия* — по мусульманским верованиям, вечно юная красавица, обитающая в раю.

С. 183. «Преподаватель христианский...» — Эта эпиграмма в одном из вариантов была озаглавлена «Шевыреву».

С. 183. «За деньги лгать и клясться рада» — эпиграмма на К. Ф. Четверикову, сестру Н. Ф. Павлова, который был опекуном ее детей.

С. 184. Лампада из Помпеи.— *Помпея* — город Древнего Рима, засыпанный пеплом при извержении Везувия в 79 г. *Язычни-*

ца.— В Риме поклонялись богам Олимпа и изучали эволюционную систему Гомера, Гесиода и т. д.; христиане считали их язычниками, идолопоклонниками.

Н. М. ЯЗЫКОВ — поэт-лирик, учился на философском факультете в Дерптском университете.

С. 185. К халату.— В стихотворении соединена обыденность с мифологическими понятиями олимпийской теории. *Пускай служителям Арея...*— т. е. военнослужащим. *«Над современным Геростратом...»* — по-видимому, над Александром I; Герострат — грек, который совершил преступление, чтобы прославиться; сжег храм Артемиды (Дианы — римское имя) в Эфесе в 356 до н. э. *Занд* (1795—1820) — немецкий студент, убивший реакционера А. Коцебу. *Лувель* (1783 — 1820) — французский рабочий, убил герцога Беррийского в ответ на террор Бурбонов во время Реставрации.

В. И. СОКОЛОВСКИЙ — поэт, заинтересовал поэмой «Мироздание» членов герценовского кружка; за вольнодумное стихотворение «Русский император Богу дух вручил» был арестован (вместе с ним арестованы Огарев, Герцен, Оболенский, Н. И. Уткин и др.); содержался в Шлиссельбургской крепости с апреля 1835 г. до декабря 1836 г.; сослан в Вологду. Ветхий завет был основным источником, откуда поэт черпал сюжеты, образы для своей «духовной» поэзии. В 1836 г. в статье «О духовной поэзии», скрытым образом направленной против Соколовского, Н. А. Полевой оправдывал заимствование образов из Библии только в том случае, если бы оно помогало проникнуть в жизнь и мировоззрение древнего народа — творца библейских книг. Романтически идеализируя библейские сказания, Соколовский вносил в стихи социально-утопические идеи.

С. 186. «Русский император...» — Соколовский отказывался от авторства этой песни, что вполне объяснимо. Герцен и Огарев считали его автором песни. *Ему оператор Брюхо начинил.*— Были слухи, что труп Александра I преждевременно разложился из-за неудачного бальзамирования, которое было осуществлено в Таганроге. *Благословенный* — почетное наименование Александра I. *Грамотку вручил.*— Александр I составил секретный документ о престолонаследии, по которому на трон должен взойти Николай; старший по возрасту из братьев Константин царствовать отказался. *Дал нам Николая.*— Николай I провозглашен императором 12 декабря 1825 г.

С. 186. Утро на Енисее.— Реалистическое стихотворение, лишенное намеков на какую-либо религиозность Соколовского.

С. 187. <Из поэмы «Мироздание»>.— Опыт духовного стихотворения. Поэма вышла в свет в 1832 г. *Саваоф* — имя бога в Библии.

А. В. КОЛЬЦОВ — поэт, стихи которого наиболее близки к народной песенной лирике, к народному быту; в стихах много философских раздумий о мире и человеке; логическая основа не выходит за границы орфико-христианской схемы борьбы «добра» и «зла», но стихийно поэт понимает жизнь значительно естественнее и практичнее.

С. 189. Песня.— Белинский относил «Песню» к тем произведениям, которые составляют «цвет и венец поэзии Кольцова». Непосредственностью чувства привлекло это стихотворение нескольких композиторов, положивших ее на музыку.

С. 190. Удалец.— Написано в традиции народных разбойничьих песен; заканчивается христианским смирением. По мнению Белинского, стихотворениям типа «Удалец» «недостает только зрелости мысли, чтобы быть образцовыми в своем роде произведениями». Вероятно, революционный демократ хотел видеть в удальце не хулигана и не воина «за царев закон».

С. 191. Великая тайна.— А. Моисеева в книге «А. В. Кольцов» (М., 1957, стр. 45) отмечает, что в «думах поэта и, в частности, в «Великой тайне» явственно ощутимо влияние философских стихотворений Станкевича, в особенности его стихотворения «Два пути». Стихотворение прелестно передачей ощущения тайны, а не стремлением хоть что-либо сказать о великих загадках природы.

С. 192. Божий мир.— Л. А. Плоткина в комментариях к книге «А. В. Кольцов» пишет: «В стихотворении отразились натурфилософские искания русских шеллингианцев с их попытками рассматривать природу как дыхание единой, вечной идеи». Стихотворение пронизано схемой христианского триединства: «Отец света — вечность, Сын вечности — сила; Дух силы есть жизнь».

К. А. БАХТУРИН — драматург, поэт; в жизни — актер, мистификатор, импровизатор; в творчестве — демократ.

С. 193. Песня ямщика.— Естественность чувства и песенный ритм привлекли внимание к ней композиторов, слова ее положены на музыку А. А. Гурилевым, Н. А. Титовым, Н. И. Бахметьевым, А. Стрелинским.

Н. В. КУКОЛЬНИК — поэт, чья драма в стихах «Рука всевышнего отечество спасла», поставленная в Александринском театре, понравилась Николаю I, за критический отзыв о спектакле журнал «Московский телеграф» Н. А. Полевого был закрыт. Кукольник — апологет доброго венценосца, замечал пороки высшего сословия, добродетели низшего.

С. 195. <Из драматической фантазии «Торквато Тассо»>.— *Пантеон* — римский Пантеон, памятник древнеримского зодчества, сооруженный в 125 г.; в 1607 г. превращен в церковь

Богоматери. *Пантеон* — храм, посвященный всем богам олимпийского учения.

С. 196. <Песня из драмы «Князь Даниил Дмитриевич Холмский»>.— Положенная на музыку М. И. Глинкой, песня приобрела большую популярность; стихотворения «Вот место тайного свиданья», «Сомнение», цикл «Прощание с Петербургом» по выражаемым настроениям были близки М. И. Глинке и тоже стали известными романсами.

Е. БЕРНЕТ (А. К. Жуковский) — поэт-романтик, поэмы и лирические стихи его отличаются неопределенностью национального колорита, но в них есть энергия, страсть и обостренное чувство индивидуализма. Олимпийские боги у Бернета — мифические имена, а не названия конкретных «тайных сил» человека или стихий природы.

М. Д. ДЕЛАРЮ.— В поэтическом творчестве следует за В. А. Жуковским (который переводил Клопштока и Т. Мура), увлекся темой «демона», «падшего ангела», Мефистофеля; в философском плане следовал за модной в 30-е годы темой недовольства общественной жизнью; его «раскаявшийся» серафим унижен богом, с опаленными крыльями, плачущий, оказывается помилованным богом («Падший серафим»).

Е. П. РОСТОПЧИНА — поэт, интересна лирической поэзией, много ее стихов положено на музыку.

С. 203. От поэта к царям.— *Немезида* — богиня, карающая за что-либо, олицетворенное возмездие; по Гесиоду, одна из древних в греческой мифологии, дочь Ночи.

А. В. ТИМОФЕЕВ — поэт-романтик байронического склада, с идеей божественного возмездия.

С. 206. Свадьба.— Во второй половине XIX в. «Свадьба» была одной из популярнейших песен в кругах демократического студенчества; слова положены на музыку А. С. Даргомыжским (1835). По свидетельству Д. И. Ульянова, эту песню любил В. И. Ленин. «Свадьба» Тимофеева, как и «Русская разбойничья песня» Шевырева,— обработка одной и той же народной песни.

Н. П. ОГАРЕВ — поэт, революционный романтик; тематику его поэзии определила революционная деятельность, но абстрактные поиски истины (от Гегеля и от христианства) вели его лирику к пес-

симизму; он приветствовал возникшую «Землю и волю», революционных народников.

С. 209. Двойник.— Перевод стихотворения Гейне. Орфическая идея о двоичности человека — душа и тело — приобрела в поэзии вариант двойника; неискренность поведения в жизни осознается поэтами как «второе я».

С. 210. Тантал.— *Тантал* — по древнегреческому мифу, сын Зевса, оскорбил богов Олимпа, за отказ смириться был загнан в подземное царство, в Аид, где стоял по горло в воде и терзался жаждой, потому что вода отступала, как только он пытался сделать глоток.

А. П. БАЛАСОГЛО — поэт, публицист, петрашевец. В 1840 г. написал стихотворение к А. Н. Вульф («А. Н. В.»), которое было опубликовано в 1922 г., где выражена мысль о выдающемся значении А. С. Пушкина для русской литературы. В 1849 г. арестован по делу петрашевцев и сослан в Олонецкую губернию.

С. 212. А. Н. В.— *Алексей Николаевич Вульф* — сосед по имению и приятель Пушкина. *Тиртеевский* — от Тиртея, древнегреческого поэта VII—VI вв. до н. э. *Равальяк* Франсуа (1578—1610) — убийца французского короля Генриха IV.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ — великий русский поэт. Рано восприняв орфическую идею, в 1829 г. создал первый набросок «Демона». Через идею «добра» и «зла» Лермонтов увидел реальные противоречия в жизни, поэтому в его творчестве философская идея борьбы со злом соединилась с народным недовольством реакционным правлением Николая I. Лермонтоведы справедливо отмечают, что, например, в ранних редакциях философской поэмы «Демон» поэту не удавалось добиться художественной целостности ее, поэма носила отвлеченно-философский характер, действие развертывалось в условной обстановке. Окончательная редакция (в начале 1839 г.) «Демона» несет в себе глубокую символику, психологическую разработку образов главных героев, великолепные картины природы, изображает грузинский феодальный быт. Опыт создания «Демона» свидетельствует, как библейский миф о падшем ангеле, восставшем против бога, к которому обращались до Лермонтова многие поэты Европы (Сатана в «Потерянном рае» Мильтона, Люцифер в байроновском «Каине», Мефистофель в «Фаусте» Гете, Падший дух в поэме «Эола» Виньи и т. д.) и России, у Лермонтова получил не просто высокохудожественную символико-философскую форму, но выразил настроение недовольства прогрессивных кругов страны общественным устройством.

С. 219. Пир.— Предполагается, что стихотворение связано с увлечением поэта С. И. Сабуровой. Строка «Под сень черемух и акаций» заимствована из шестой главы «Евгения Онегина»; в сти-

хотворении используются традиционные мифологические образы античности.

С. 219. Мой демон.— Первое произведение поэта, связанное с образом Демона. В том же 1829 г. Лермонтов сделал первый набросок поэмы «Демон».

С. 220. Монолог.— Стихотворение является полемикой Лермонтова с требованием русских шеллингианцев ограничить задачи искусства самопознанием; лирический герой Лермонтова тяготится бездействием.

С. 221. Н. Ф. И...вой.— Посвящено Н. Ф. Ивановой (1813—1875); в стихах к ней 1830—1832 гг.— этом лирическом дневнике «обманутой любви поэта» — подлинные чувства и идейные искания заслоняют христианскую терминологию.

С. 221. К***.— В черновом автографе — помета Лермонтова: «(Прочитав жизнь Байрона, <написанную> Муром)» и дата — 1830. Письма и дневники Байрона с подробными биографическими примечаниями, изданные английским поэтом Т. Муром, вышли в Лондоне в 1830 г.

С. 222. Предсказание.— Написано в связи с крестьянскими восстаниями в России в 1830 г., которые привели Лермонтова не только к мысли о неизбежности революции, но и к представлению о жестокости народного бунта.

С. 223. Ангел.— В стихотворении нашло отзвук восходящее к орфизму и к учению Платона представление о предсуществовании душ и об их «небесной родине». В реальной основе стихотворения — воспоминание поэта о песне, которую ему в детстве пела мать.

С. 228. <К Н. И. Бухарову>.— *Бухаров Николай Иванович* (1799—1862) — сослуживец Лермонтова по полку.

С. 230. Утес.— Полностью освободившись от орфико-христианской терминологии, Лермонтов создает образную систему, которая удваивает реальную картину, дополняет «первый план» («утес-великан») вторым планом («плачет он»).

С. 230. Пророк.— В. Г. Белинский относил стихотворение «Пророк» к лучшим созданиям Лермонтова: «Какая глубина мысли, какая страшная энергия выражения! Таких стихов долго, долго не дождаться России!..» (В. Г. Белинский, т. VIII, с. 117).

Н. М. САТИН — поэт, в 1835 г. за неблагонадежный образ мыслей был сослан в Симбирск; искал ответы на проблемы жизни в философии.

С. 232. Дух сомнения.— Орфико-демоническая схема оставляет поэта в пределах «стран очарования», т. е. мечты и страха перед испытаниями жизни.

Н. С. ТЕПЛОВА — поэт-романтик, конфликт «мечты» и «существенности» в ее лирике доведен до уровня мистики, религиозной тоски, безнадежности, неразрешенности.

С. 233. Перерождение.— Выражена типичная орфико-христианская мысль о возможности загробной жизни «души» на небесах.

С. Ф. ДУРОВ — поэт-петрашевец; созданный им политический кружок намечал использовать художественную литературу для проповеди идей реформ «путем насилия»; поэт считал, что зло коренится в «законе государства». Арестованный, он 22 декабря 1849 г. на Семеновском плацу, стоя рядом с Ф. М. Достоевским, выслушал смертный приговор, замененный ссылкой.

А. К. ТОЛСТОЙ — поэт, драматург; философские проблемы решал на историческом материале (роман «Князь Серебряный», 1861; трагедии «Смерть Иоанна Грозного», 1866; «Царь Федор Иоаннович», 1868; «Царь Борис», 1870); на его стихи создано более 80 песен и романсов.

С. 235. «Колокольчики мои...» — *Мы летим во весь опор к цели неизвестной.*— Идея непредсказуемости будущего поворачивает раздумья поэта в прошлое.

С. 238. Колодники.— Стихотворение напечатано после смерти поэта; положено на музыку, стало популярной песней, особенно в среде революционеров и ссыльных.

Я. П. ПОЛОНСКИЙ — поэт-лирик, сторонник поэзии «любви», противопоставляя ее поэзии «ненависти».

С. 239. К Демону.— Принципиальное в жизни и в творчестве стихотворение Полонского; в ответ на упреки товарищей по студенческому кружку он выразил свое отношение к идеям сомнения. В письме к П. Н. Кудрявцеву от 6 сентября 1844 г. писал: «Здесь роль демона — роль второстепенная. Победить его невозможно...» Полонский осознал разрушительность идей демонизма (хотя, конечно, идеи борьбы возникают не от философских схем, а от реальных условий жизни населения или конкретных людей). Свои поэтические и жизненные планы поэт связывает с Гомером, выражавшим идеи государственного устройства для народа, с Данте, проповедовавшим христианские идеи смирения и идеал всемирной монархии; с Шекспиром.

С. 240. Из Корана.— Сам поэт отмечал: «Вполне убежденный, что Магомет не был шарлатаном, а человеком, искренне поверившим в свои галлюцинации, я затеял драматическую поэму «Магомет»...» Отрывки из этого произведения и стали стихотворениями.

С. 242. «Блажен озлобленный поэт...» — Является своего рода парафразой на известное стихотворение Н. А. Некра-

сова «Блажен незлобивый поэт». В письме М. Стасюлевичу Полонский писал: «Было время, когда я глубоко сочувствовал Некрасову и не мог ему не сочувствовать.— Рабство или крепостное право — дичь наверху — невежество и мрак внизу — вот были предметы отрицания. Они не выходили, так сказать, из сферы гражданской, социальной. Вне этой сферы Некрасов — добряк. Вот почему он не устоял на прежнем пьедестале». Далее: «Когда я писал стихи мои, я имел в виду не Некрасова, а Истину,— ту истину, которой не угадал Некрасов, когда писал стихи свои «Блажен незлобивый поэт». Факт тот, что — в 19 веке — европейское общество сочувствует не *незлобивым, а озлобленным* — и стихи мои не что иное, как поэтическая формула, выражающая этот факт».

А. А. ФЕТ — поэт, представитель «чистого искусства», лирика его фиксирует мгновения, создавая «пейзаж души»; конкретность чувствования, выражения ощущений не заслоняли философии. Имея философское образование, интересовался Шопенгауэром.

С. 247. З е в с.— *Корибанты* — жрецы Реи, матери Зевса. *Амальтея* — нимфа, вскормившая на острове Крите младенца Зевса.

С. 247. К С и к с т и н с к о й м а д о н н е.— *Сикстинская мадонна* — знаменитое произведение Рафаэля, написанное в 1515—1519 гг. *Иегова* — название бога в иудейской религии. *Сикст и Варвара* — святые, изображенные на картине на коленях у ног богоматери.

Н. А. НЕКРАСОВ — великий русский поэт, революционный демократ; рано познав людские драмы, увидев контрасты в городской жизни, нищету и горе крестьянского быта, в глубоко эмоциональной поэзии стал защитником униженных и обездоленных. Вера в творческую силу народа давала поэту возможность с пророческой ясностью предсказывать развитие науки.

С. 249. «Б л а ж е н н е з л о б и в ы й п о э т...».— Стихотворение продолжает традицию А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, видевших в поэте избранника и пророка.

А. Н. МАЙКОВ — поэт, представитель «искусства для искусства»; отстаивал сильную русскую государственность; знал античную поэзию и культуру, но более любовался экзотикой прошлого, чем вникал в подлинные проблемы народной жизни, идеализируя античность. Услышав предложение Ф. М. Достоевского создать общество, которое ставило бы целью «произвести переворот в России», Майков категорически отказался от этого.

С. 255. С е н о к о с.— Реалистическое стихотворение с тонким и точным рисунком жизни.

С. 255. «Сидели старцы Илиона».— Стихотворение навеяно чтением «Илиады», воспроизводит одну из сцен.

С. 256. Последние язычники.— *Константин* (ок. 285—337) — римский император, основатель Константинополя, покровительствовал христианам и принял христианство. *Эвксин* — древнегреческое название Черного моря. *Олимпиец* — здесь: скульптура бога Олимпа.

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ — поэт-сатирик, публицист, обличал темные стороны крепостничества, один из создателей литературного образа Козьмы Пруткова.

С. 259. Кентавр.— По греческой мифологии получеловек-полуконь, по всей видимости, древние философы предполагали, что был некий «дикий человек», наподобие питекантропа, который предшествовал появлению разумных людей. *Знать, с классицизмом воротился Мифологический к нам век.*— Намек на реформу, предложенную реакционным министром народного просвещения Д. А. Толстым; по его проекту в гимназиях вводились латынь, древнегреческий язык в ущерб естественным наукам. *Иных мыслителей в Москве...*— имеются в виду выступления против Каткова славянофильских публицистов, в частности И. С. Аксакова.

Н. Ф. ЩЕРБИНА — поэт, опираясь на философскую культуру античности, ставит злободневные проблемы современности; по своим убеждениям — государственник, поэтому выступает против крайностей — и против революционных демократов, и против оторвавшихся от народа правителей: «Что может шайка идиотов Народом умным управлять».

С. 261. Два титана.—10 июня 1851 г. писал В. П. Гаевскому: «Мысль пьесы «Океан и Прометей» Вы поймете: это олицетворение двух совершенно противоположных сил — духа человеческого и внешней силы *...грубой мощи и сознания». Адамантовая грудь.*— Адамант — у древних греков особый род металла, отличавшийся своей крепостью.

С. 262. Жизнь.— В стихотворении чувствуется орфико-пифагорейская мысль о бессмертии человека, хотя превращения жизни связываются с «атомами вселенной».

С. 262. Астрономическая проблема.— *Глинка* Авдотья Павловна (1795—1863) — писательница, поэтесса, переводчица, жена поэта Ф. Н. Глинки. *П. И. Орлова* (1815—1864) — актриса, во время Крымской войны находилась в Севастополе в качестве сестры милосердия, в молодости была известна многочисленными любовными историями. *Магдалина Тартюф* — сравнение Орловой с героем одноименной комедии Мольера. *Греч Н. И.* (1787—1867) — реакционный журналист и беллетрист, редактировавший вместе с Ф. В. Булгариным газету «Северная пчела».

А. А. ГРИГОРЬЕВ — поэт-лирик яркой эмоциональности; поэзия его наполнена философскими исканиями, в ней чувствуется увлечение «триединой» схемой Гегеля, Шеллингом; его индивидуальная страсть перерастает в чувство негодования против угнетающих человека омертвевших общественных и нравственных норм; увлекался утопическими идеями Фурье.

С. 266. Комета.— А. Блок это стихотворение взял эпиграфом к своему циклу «Земля в снегу».

С. 266. Воззвание.— *Лима савахвани.*— По евангельскому преданию, распятый Христос произнес: «Или́, Или́! Лима савахвани́?», т. е. «Боже мой, боже мой, для чего же ты меня оставил?»

А. И. ПАЛЬМ — поэт, член кружка М. В. Петрашевского, в который входили Ф. М. Достоевский, С. Ф. Дуров, А. Н. Плещеев и др.; идеи ненависти к крепостничеству, деспотизму преломлялись через идеи социализма, увлечение творчеством Жорж Санд.

С. 268. Обоз.— Сцены реальной жизни стали предметом поэзии, подлинные чувства наполнили стихи.

Д. Д. АХШАРУМОВ — поэт-петрашевец, увлекался идеями утопического социализма; его стихи, написанные в тюремной камере, интересны как «документ» выражения подлинных переживаний, свидетельство утопических мыслей.

Л. А. МЕЙ — поэт-лирик, переводил «Слово о полку Игореве», а также стихи Шиллера, Гейне, Гете, Байрона, Беранже, Мицкевича, Шевченко, славянские народные песни, статьи об общине древнегреческого философа-идеалиста и писателя Платона.

С. 272. Церера — стихотворение в честь римской богини земледелия и плодородия, тождественной древнегреческой богине Деметре.

И. С. АКСАКОВ — поэт и общественный деятель-славянофил, страстно желая освобождения своего народа от крепостного права, вместе с тем был убежденным противником буржуазного строя западноевропейских стран, отстаивал идею особого социального и политического развития России.

С. 275. Моим друзьям.— Стихотворение посвящено «немногим честным людям, состоящим на государственной службе», свиде-

тельствует о понимании поэтом необходимости государства и очищения его аппарата от взяточников и обманщиков.

П. Л. ЛАВРОВ — революционер, философ, поэт, публицист; свою философию называл антропологизмом, отрицая мистику, в социологии исповедовал орфическую идею всемирного равенства, братства и свободы. Автор политических стихов, революционной песни «Отречемся от старого мира».

С. 277. В е р у ю.— Атеистическое стихотворение, отрицающее существование богов. *Дуб Додоны* — «священный дуб», принадлежность оракула при храме Зевса в древнегреческом городе Додона, где по шороху листьев, по журчанью ручья, вытекавшего из-под дуба, жрицы-прорицательницы предсказывали будущее. В конце IV в. до н. э. дуб был срублен разбойниками. *Агнец* — ягненок, жертвенное животное; «агнец божий» — это Христос, принесший себя в жертву и тем искупивший грехи всех поколений людей, совершенных со времен Адама и Евы.

И. С. НИКИТИН — поэт, своим творчеством противостоял «чистой лирике», в его поэзии чувство любви к родине и к природе сочетается с критическим отношением к крепостничеству, к «царству взяток и мундира». Следом за Кольцовым его поэзия проникает в самые глубины народной жизни; он был одним из литературных учителей И. З. Сурикова, С. Д. Дрожжина; на его стихи создано много романсов и песен.

С. 280. Р у с ь.— Патриотическое стихотворение с явными заимствованиями из поэзии Кольцова.

С. 283. М щ е н и е.— Стихотворение может служить образом для понимания, как орфическая легенда о «добре» и «зле» в народной поэзии воплощается в конкретику — месть мужика барину совершается как бы не от обиды, а волею бога, который поймет и простит: «Так суди ж господь меня грешника...» Нет справедливого суда на земле, так он будет, мол, на небе.

С. 284. П е с н я б о б ы л я.— Такие стихи можно назвать «философией жизни»; реальная бедность как бы не огорчает, а заставляет веселиться. Песня стала народной. Слова положили на музыку Доброхотов, Монюшко, Мысовский, Ржевский, Богуславский, Левин.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ — поэт-петрашевец, за участие в кружке был приговорен к смертной казни, которую заменили ссылкой рядовым в Оренбург. Идеи революционного самопожертвования («Вперед! без страха и сомненья», «По чувствам братья мы с тобой»), выраженные в стихах, нашли отклик в период подъема революционного дви-

жения; стихи стали песнями. В его творчестве поэт — это пророк, защитник угнетенных, хотя новый общественный строй, который будет после революции, для поэта неясен.

С. 287. «Вперед! без страха и сомненья...» — «*Провозглашать любви ученье...*» — Все орфические варианты о двуединстве «добра» и «зла» можно разделить на смирительные, когда призывается укротить в себе «зло», и на учения о борьбе со злом, когда призывается уничтожить «зло» как в себе, так и в других; вариации орфизма предполагают, что есть еще мировое Добро и мировое Зло; одни, как Шеллинг, полагают, что Добро и Зло находятся всегда в единстве, другие считают, что с мировым Злом можно покончить раз и навсегда; третьи думают, что перед Злом как перед судьбой необходимо смириться. Плещеев выражает идею борьбы со злом: «Что б рок вдали нам ни сулил!».

В. С. КУРОЧКИН — поэт, журналист, революционный демократ, в 1861—1863 гг. входил в ЦК общества «Земля и воля»; его поэзия яркая, ироничная, насыщенная намеками, выражает не столько индивидуальные чувства, сколько общественное настроение.

С. 289. Явление гласности.— Во второй половине 50-х годов либеральный публицист С. С. Громеки напечатал разоблачительные статьи о полиции и высказался за подлинную гласность; это не осталось незамеченным Курочкиным.

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ — поэт-новатор, в чьем творчестве получили отзвук научные достижения своего времени; изучал философию, естественные науки в университетах Берлина, Лейпцига, Парижа; особенно много внимания уделил разработке литературного варианта орфизма: теме Мефистофеля. Как отмечает исследователь творчества Случевского А. В. Федоров, «программным для него можно признать стихотворение «Нас двое», основной мотив которого — раздвоенность человека (этот мотив двойника был впоследствии подхвачен и Блоком и целым рядом его поэтических единомышленников)».

Л. Н. ТРЕФОЛЕВ — поэт, в чьем творчестве звучат идеи либерального реформаторства; освобождаясь от влияния «чистой поэзии», он стремился поэтическим словом внушить читателю сострадание к судьбам Касьянов и Макаров; народными стали песни на его слова: «Дубинушка», «Песня о камаринском мужике», «Ямщик» («Когда я на почте служил ямщиком...»).

А. Н. АПУХТИН — поэт, в творчестве которого под влиянием некрасовской поэзии возникли антикрепостнические мотивы; мотивы

грусти, разочарования и меланхолии в его стихах вызывали большой интерес у публики.

С. 300. «Ночи безумные, ночи бессонные...» — известный цыганский романс.

С. 300. Сумасшедший *(отрывок).— «Да, васильки, васильки»* стал популярным романсом.

И. З. СУРИКОВ — поэт-самоучка, поддержанный А. Н. Плещеевым, развивал в поэзии традиции Кольцова и Никитина, внося в стихи новый реализм жизни; философские орфико-христианские схемы присутствуют в его творчестве не более чем как нравственные понятия. Его стихи, положенные на музыку, стали народными песнями: «Рябина», «В степи», «Сирота я, сирота», «Толокно» и др.

С. 303. Рябина.— Удвоение плана (рябина — одинокая женщина) создано не через олицетворение мифического существа, а через знакомую всем рябину: «Там, за тыном, полем...»

С. А. ГРИГОРЬЕВ — поэт-самоучка, суриковец; единственный сборник (1870) посвящен И. З. Сурикову. Его стихи — картинки жизни, эмоциональные зарисовки.

С. Я. ДЕРУНОВ — поэт-суриковец; работая в земских учреждениях, боролся за совершенствование земской школы, за связь ее с крестьянской жизнью и трудом, свои идеалы связывал с просвещением народа.

Д. Е. ЖАРОВ — поэт-суриковец, отметивший, что «бедные люди» не только страдальцы, но нередко пьяницы, хулиганы; понятен его призыв к ним: «Для себя и для отечества За труды примитесь с рвением» («Ой, вы жители кабацкие»).

С. Д. ДРОЖЖИН — поэт-суриковец, использовавший в творчестве приемы народных песен, сказок, былин. Начало поэмы «Дуняша» («Быстро тучи проносилися...») стало популярной народной песней.

А. Е. РАЗОРЕНОВ — поэт-самоучка, был приказчиком, актером, лакеем, поваром, «членом золотой роты»; широко известна его песня *«Не брани меня, родная»*, сочиненная им в период пребывания на гастролях в Казани.

И. Д. РОДИОНОВ — поэт-самоучка, широко известна ставшая народной его песня *«Не корите меня, не браните...»*. Стихи заполнены сценами жизни, например: «Вкруг толпятся дети. Матку отымают, Под кулак отцовский Тоже попадают». В отличие от поэзии «защитников народа» Родионов не идеализирует людей.

П. Н. ТКАЧЕВ — революционер-народник, поэт, философ, публицист, после ареста в 1869 г. отбыл почти четыре года в Петропавловской крепости. Писал стихи антицерковного, антирелигиозного характера, предлагая веру в бога заменить рационализмом.

С. 319. Христово воскресенье.— Празднование *воскресения Христа* бывает один раз в год, когда он якобы воскрес; тогда христиане христосуются, трижды целуясь, говорят «Христос воскрес» — «Воистину воскрес»; поцелуи являются проявлением всеобщей любви христиан, братства, свободы, единения их независимо от социального положения и национальности.

И. Ф. АННЕНСКИЙ — поэт-лирик, был преподавателем древних языков и античной литературы; в своем поэтическом творчестве склонился к орфизму, о чем выразительно сказал: «Пусть для ваших открытых сердец До сих пор это — светлая фея С упоительной лирой Орфея, Для меня это — старый мудрец». *(«Там»)*. Все его творчество несет мысль о своем «двойнике» («Двойник»). Он искал своего «двойника» не только в себе, но и в «космосе», во Вселенной, деля мир — на Здесь и Там («На пороге»).

С. 322. Поэту.— Декларируется орфическая идея как убеждение: «И грани ль ширишь бытия Иль формы вымыслом ты множишь, Но в самом Я от глаз Не Я Ты никуда уйти не можешь». «Красой открытого лица Влекла Орфея пиреида...» — Раздвоение личности на два Я у поэта не ведет к борьбе озлобленного Добра на Зло, а только выражается как неизбежность их сосуществования.

Н. М. МИНСКИЙ (ВИЛЕНКИН) — поэт, философские взгляды которого менялись от революционного орфизма к смирительному, но в условиях подъема революционного движения (1905—1906, 1917) вновь получали революционный настрой. В 1879 г. создал драматическую поэму «Последняя исповедь» — монолог революционера, осужденного на казнь; затем издал книгу «При свете совести», объясняя ее как «тропу индивидуализма и самообожествления»; в 1905 г. написал «Гимн рабочих», в котором призывает пролетариев всех стран уничтожить мирового врага — буржуазию; за границей, куда эмигрировал, свое участие в большевистской газете объяснял тем, что будто бы пытался придать освободительному движению «религиозный характер».

С. Я. НАДСОН — поэт-лирик, в поэзии которого нашли отображение сомнения, жалобы на судьбу, тоска «лишних людей», тех, кого «заела среда», по переменам. Искренняя его лирика восприняла евангельские мотивы жертвенности («Мой бог — бог страждущих, бог, обагренных кровью» — в стихотворении «Я не тому молюсь, кого едва дерзает...»). Он пришел к идеям демонизма («Песни Мефистофеля»), к самораздвоению («Я гений зла, я мрака князь, А ты — ты Дон-Кихот добра...»)

К. ЛЬДОВ (Витольд-Константин Николаевич Розенблюм) — поэт, сторонник «чистого искусства», откликаясь на «злобу дня», примирял «зло» с гармонией; его орфизм смирительный.

В. С. СОЛОВЬЕВ — философ-идеалист, публицист, критик, поэт-мистик, разрабатывал идею «вечной женственности», которая при ближайшем рассмотрении оказывается одним из вариантов смирительного орфизма. Эпиграфом к стихотворению «Око вечности» взяты слова «Да не будет тебе бози инии, разве мене» (церк.-слав., из книги пророка Осии, гл. XIII, § 4), смысл которых: «Но я господь твой из земли Египетской; и ты не должен знать другого бога, кроме меня». Око вечности — это окончательная истина-воля, всезнающая и всевидящая, поняв ее, и ты все поймешь.

С. 329. Белые колокольчики.— Типичное орфическое представление о жизни души после смерти, перевоплощении ее в цветы.

К. М. ФОФАНОВ — поэт-лирик, всю жизнь испытывая нужду, содержа огромную семью на литературные гонорары, не мог не разделить мир на два мира — на добрый и злой («Два мира»), но «радужный мир» для него призрачен, тогда как реальный — это «злобный мир безумья и тревоги, Певцов борьбы, тоски и суеты...»

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ — поэт-символист; в 1895—1904 гг. опубликовал трилогию «Христос и Антихрист», которая свидетельствует о его философских исканиях обновления христианства. Приняв христианскую схему «добра» и «зла», не принял революции, в которой не увидел доброго начала; писал панические статьи: «Грядущий хам» и т. п.

КУДА НЕСЕТ НАС РОК СОБЫТИЙ

Поэзия начала XX века

К. Д. БАЛЬМОНТ — поэт-символист, романтик, утверждающий демонизм и сильную личность; с ликованием воспринял крушение царизма, но Октябрьскую революцию объявлял «насилием», она по-

казалась ему грубой; его орфический «мятежный дух», без ограничений, декларативен, не выражает истинных убеждений поэта. Характерны стихи: «Не для меня законы, раз я гений. Тебя я видел, так на что мне ты? Для творчества не нужно впечатлений. Я знаю только прихоти мечты, Я все предам для счастья созиданья Роскошных измышлений красоты».

М. А. ЛОХВИТСКАЯ — лирическая поэтесса, в свое время слыла как «русская Сафо»; ее поэзия — мир грез, волшебных сказок и очень оторванных от реальности сновидений. И. А. Бунин в воспоминаниях отмечал, что по ее стихам «воображали ее себе чуть ли не вакханкой, совсем не подозревая, что она... мать нескольких детей, большая домоседка...»

И. А. БУНИН — поэт-лирик, не воспринявший декадентской поэзии, но одно время попавший под влияние толстовской философии непротивления злу и приобщения к земле; удивляясь гармонии природы, он тоскует по идеалу жизни, видя и понимая трагедии и противоречия вокруг.

С. 343. Океаниды.— *Океаниды* — морские нимфы; Океан по древнегреческой олимпийской системе — вода второго периода эволюции, Океан — сын Урана и Геи.

В. Я. БРЮСОВ — поэт, один из вождей русского символизма, выдвинувший тезис «поэзии намеков»; был противником неоплатонизма Вл. Соловьева, считавшего реальный мир искаженным. «...великие события 10-х годов, европейская война и Октябрьская революция побудили меня в самой основе, в самом корне пересмотреть все свое миросозерцание»,— признавался он. Поэт принял Великий Октябрь. Создавая мифологические образы («Орфей и Эвридика», «Ахиллес у алтаря» и др.), глубоко вникал в философскую основу древних преданий. Его стихотворение «Гимн богам», воспроизводящее систему богов Олимпа, является образцом научного толкования философии древнегреческих мудрецов о человеке.

С. 347. Орфей и Эвридика.— К стихотворению В. Я. Брюсов сделал примечание: «Орфей очаровал своей лирой бога подземного царства, и тот возвратил ему Эвридику, но с условием, что Орфей ни разу не оглянется на нее, пока будет вести ее из мира мертвых в мир живых». Стихотворение воспроизводит первичный миф об Орфее и Эвридике, лежащий в основе учения орфиков. Орфизм — древнегреческое религиозное движение, возникшее, по всей видимости, в глубокой древности, как и учение Гомера, в XII—VIII вв. до н. э. Философская концепция орфизма претерпевала на протяжении веков изменения, но главное в ней — это деление организма человека на две части: душа (Эвридика) и тело (Орфей),

Современные орфики к этим двум «частям» добавляют третью — сознание. По концепции орфиков, душа — бессмертна, а тело — смертно. Вера в бессмертие души и загробное воздаяние в V в. до н. э. получила выражение в гексаметрических поэмах. Учреждая очистительные обряды (душа чиста, но тело нуждается в постах, отсюда вегетарианство, отказ от вина и др.), орфики, а вслед за ними христиане, воинственно отрицали олимпийское учение с его многоструктурным человеком, признанием не только олимпийской семьи, но и с необходимостью установления государственных институтов — управления, армии, торговли, науки, обрядов брака и законности... Брюсов, воспроизведя первичную модель орфиков, не дает оценочного момента: оба начала — и душа — Эвридика, и тело — Орфей равноценны. В последующем это двуединство получило «нравственную» разработку: душа — чиста и непорочна, а тело — средоточие зла и греховности. Так возникли различные литературно-философские вариации: ангел — добро, а демон — зло, идея — добро, а материя — зло и т. д. и т. п.

С. 348. Гимн богам.— Стихотворение воспроизводит главную тайну учения Гомера — модель организма человека, состоящего из Двенадцати богов-кодов. Следует отметить, что философская концепция, структурно представляющая наш организм в виде олимпийской семьи (Зевс и его дети), давно известна в европейской философии, она выражена в стихах А. С. Пушкина. Но Брюсов, быть может, впервые в истории европейской философии воспроизвел один из вариантов олимпийской теории. Тайна Двенадцати главных богов Олимпа обычно, в силу необходимости философской подготовки, всегда была эзотерической, т. е. передавалась кому-либо философами или жрецами только изустно, открывалась как посвящение. То, что олимпийская антропомодель была тайной в Древней Греции и Риме, можно судить по множеству свидетельств древних писателей. Сам Гомер нигде не дает жесткой схемы кодов-богов Олимпа, хотя в «Илиаде» (песнь 1, строка 94) говорит о «двенадцати денницах», что может быть истолковано как намек на Двенадцать вечных богов; в «Гимне Гермесу» Гомера есть фраза, свидетельствующая, что бог разделил мясо между богами поровну на двенадцать частей. Платон, орфик по убеждениям, в «Федре» говорит устами Сократа о Двенадцати главных богах Олимпа (см. Платон. Избранные диалоги. М., Художественная литература, 1965, с. 210). Греческий сатирик Лукиан (2 в. н. э.) в «Совете богов» потешается над Двенадцатью главными богами Олимпа; древнеримский писатель Апулей (2 в. н. э.) в «Метаморфозах» (Кн. II, 24), описывая обряд посвящения, упоминает двенадцать «священных стол». Учение о Двенадцати богах Олимпа послужило основанием для создания знаменитых XII Таблиц (досок), на которые были записаны законы римского обычного права, выработанные в 451—450 гг. до н. э.; свод этих законов лег в основу позднейших европейских законодательств. Вопрос о том, сколько подсистем в нашем организме, далеко не праздный, это проблема и для современных наук: генетики, биологии, психологии, анатомии, кибернетики, законодательных государственных органов. Современная генетика утверждает, что перво-

клетка нашего организма в ядре содержит 23 пары хромосом, т. е. групп сцепления генов. Таким образом, современная наука может представить Олимп в виде 23-х богов-кодов; но и цитоплазма, в которой расположено ядро с хромосомами, имеет генетический материал, значит, общее число богов-кодов — Двадцать четыре, в два раза больше, чем в системе Гомера. Брюсов, изучив античную философскую поэзию, воспроизвел один из вариантов антропомодели Гомера. Научная оценка предложенного Брюсовым в «Гимне богам» варианта антропомодели заняла бы слишком много места, поэтому мы на этом останавливаться не станем.

М. А. ВОЛОШИН — поэт-символист, испытал влияние французских поэтов; в период революции и гражданской войны старался быть «над схваткой», призывал «быть человеком, а не гражданином». В творчестве соединены конкретность с символикой, видел противоречия в самом человеке.

С. 352. Два демона.— Попытка решить противоречия жизни через орфико-демонические категории приводит к сложным ассоциациям, уводит от конкретики жизни.

А. А. Блок — поэт-символист, увлекался поэзией Вл. Соловьева с его культом «вечной женственности» и «Мировой душой»; орфико-христианская схема привела к мысли, что любовь — способ слияния индивидуальной души поэта с «Мировой душой»; образ любимой очищается от земного и становится Прекрасной дамой. В поэме «Двенадцать» двенадцать апостолов христианской мифологии стали двенадцатью реальными солдатами революции. Христианская идея «второго пришествия» решена поэтом глубоко символически.

О. Э. МАНДЕЛЬШТАМ — поэт-лирик, входил в кружок «Цех поэтов», в котором были Н. С. Гумилев, С. М. Городецкий, А. А. Ахматова, М. А. Кузмин и др., именовавшие себя акмеистами (акмеизм — высшая степень чего-либо, цветущая сила). Интересовался проблемами идеалистической философии; в поэзии пытался свой возвышенный идеал согласовать с драматическими событиями действительности; его лирика — реакция на жизнь, но через сложную систему символов; часто использовал мифологические мотивы поэзии Древней Греции и Рима, соединяя образы разных философских систем (например, «Когда Психея — жизнь спускается к теням, В полупрозрачный лес, вослед за Персефоной».— «Феодосия», 1920; в системе богов-категорий Гомера есть Персефона, но не было Психеи).

Н. С. ГУМИЛЕВ — поэт, возглавил поэтическую школу акмеизма; в поэзии — апология ницшеанской «сильной личности», призыв «оздоровить современную цивилизацию», ориентируясь на человека

«без предрассудков» — храброго воина. Его творчество интересно не только философскими принципами геройства, но и смелой образной символикой, художественным совершенством.

В. В. МАЯКОВСКИЙ — поэт Революции, реформатор стиха, освобождавший поэзию от «обвораживающих строк», от «бумажных сластей» и «бумажных страстей», «мефистофельских плащей»; поставил поэтическое слово на службу социалистического переустройства жизни; многие стихи злободневны и ныне. Не смог освободиться от идей мессианства. Традиционные образы поэзии и мифов используются Маяковским не по их философскому назначению, а по усмотрению поэта, как метафоры.

М. И. ЦВЕТАЕВА — поэт-романтик, рано избавившаяся от «христианской немочи бледной», осознав жизнь и смерть реальностью; Октябрьскую революцию восприняла восстанием «сатанинских сил»; уехав за границу, одно время оплакивала «колокольную» Москву, пыталась найти героическое в белом движении, но уже к тридцатым годам Советский Союз представляет как страну с особой судьбой («Стихи к сыну», 1931), рвущуюся вперед — в будущее, в само мироздание — «на Марс»; резко обличает фашизм в Испании и Германии, пишет «Стихи к Чехии», оккупированной немцами. В 1939 году возвратилась на Родину. Эмоциональная причина ее творчества — жизнь; образная система тяготеет к народно-поэтической символике, к многообразной звукописи: «Словотворчество есть хождение по следу слуха народного, хождение по слуху. Все же остальное — не подлинное искусство, а литература»,— писала она. Мифологическая символика Древней Греции ей не чужда («Хвала Афродите»), свой гнев против фашизма облекает в «Библейский мотив».

С. А. ЕСЕНИН — поэт-лирик, начав, как продолжатель традиций Кольцова, Никитина, Сурикова, воспевая родину и природу, восторженно встретил Октябрьскую революцию; лирика его наполняется бунтарскими и богоборческими настроениями, революционной романтикой, драматизмом жизни; социальные преобразования воспринимает как утопические «вознесение и преображение духа», через гиперболические и библейско-символические метафоры; лиризм проникнут тоской по уходящему «мужицкому раю», по «уходящей Руси».

Н. А. ЗАБОЛОЦКИЙ — поэт лирико-философского характера, реализм жизни в ранних стихах мифологизирован, облечен в яркую метафоричность; во многих стихах он как бы сверяет проблемы мироздания с проблемами быта; через все творчество проходит идея «души» и «тела»; преодолевая эту схему, не упрощает обозримого

мира и окружаемой действительности. Стихотворение «Стирка белья», где дана зарисовка городишка «из хаток лип», заканчивается: «Благо тем, кто смятенную душу Здесь омоет до самого дна, Чтобы вновь из корыта на сушу Афродитою вышла она»,— как бы соединяет орфическую идею с олимпийской, тем самым прорываясь через древнюю символику к подлинной натуре.

А. Л. ЧИЖЕВСКИЙ — основоположник гелибиологии и космической биологии, почетный профессор и академик многих научных учреждений зарубежных стран, художник-пейзажист и поэт; поэтическое творчество особенно интересно тем, что оно является продолжением научного поиска, в образной системе воплощены научные идеи о мощном влиянии космоса не только на природные явления на нашей планете, но и на события и поступки людей.

СОДЕРЖАНИЕ

МЯТЕЖНЫЙ ДЕМОН

Поэзия XIX века

А. Л. Чижевский

Я 11 **Я связь** миров: Философская лирика русских поэтов XVIII—начала XX века / Сост., вступ. ст. и комм. В. М. Фалеева.— М.: Правда, 1989.—464 с.

Философская лирика русских поэтов, развивая традицию, уходящую корнями в глубокую древность, в античность, к Гомеру и Орфею, выражая идеи и настроения, стала эхом народа, его историческим зеркалом.

В сборнике представлены стихотворения Ломоносова, Пушкина, Фета, Блока, Цветаевой, Гумилева, Заболоцкого и др.

Я $\frac{4702010000 - 1923}{080(02) - 89}$ 1923 — 89 84 Р

Литературно-художественное издание

Я СВЯЗЬ МИРОВ

Философская лирика русских поэтов
XVIII — начала XX века

Составитель
Фалеев Владимир Михайлович

Редактор С. А. Суркова

Оформление художника А. В. Еремина

Художественный редактор И. С. Захаров

Технический редактор Е. Н. Щукина

ИБ 1923

Сдано в набор 08.11.88. Подписано к печати 12.03.89.
Формат 84×108[1]/32. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура «Новогазетная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 24,36. Усл. кр.-отт. 24,78. Уч.-изд. л. 25,52.
Тираж 100 000 экз.
Заказ № 3204. Цена 2 руб.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции типографии газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства
«Советская Сибирь», 630048, г. Новосибирск, 48,
ул. Немировича-Данченко, 104.

2 руб.